

В.В. Кузнецов

ЗЕМЛЯ РУБЦОВСКАЯ

ЧАСТЬ III

«ОПАЛЕННЫЕ» XX ВЕК

Рубцовск 2014

ББК 633(2)6

Кузнецов В.В. Земля Рубцовская. Часть III: «Опаленные» XX веком / Рубцовский индустриальный институт. – Рубцовск, 2014. – 215 с.

В III части издания собраны очерки по истории Рубцовска и прилегающей к нему территории юго-западного Алтая, написанные в разные годы. Тематика очерков широка и разнообразна и посвящена событиям XX века – века трагического для России и россиян. Книга предназначена как профессиональным историкам, так и краеведам, преподавателям, всем интересующимся историей Алтайского края.

Рассмотрено и одобрено
на заседании НМС РИИ.
Протокол №6 от 01.09.14.

Рецензент: д.и.н., проф.

В.М. Суверов

© Рубцовский индустриальный институт, 2014

Содержание

Переселения и переселенцы (конец XIX – начало XX вв.)	5
А.Г. Мягкий – депутат Государственной Думы	18
Два периода в жизни и творчестве Е.А. Боголюбова	25
Немецкие переселенцы	36
Железная дорога Новониколаевск – Семипалатинск	45
Начало регулирования Алея (проект М. Мичкова)	49
И.В. Сталин в Рубцовском округе	53
Дом крестьянина	56
Народная повстанческая армия	59
Первые овцеводы Юго-Западного Алтая	66
Фонд красных партизан	69
Сельские лекари	72
Рубцовское земельное управление	74
Численность и основные занятия населения Рубцовского округа (1925-1930 гг.)	77
Руководящие работники Рубцовского уезда и округа (1922-1930 гг.): жизнь и судьба	82
Коммуна «Новая Корея»	91
Двадцатипятитысячники	95
Кампания по ликвидации кулаков Рубцовского округа в годы массовой коллективизации	100
Чаинское восстание	104
Структура и функции Рубцовского окружного отдела народного образования	109
Коростелевская и Катковская степи и их экономическое использование	112
Территориальные споры вокруг Коростелевской степи	116
Из истории рубцовской печати	121
Разукрупнение колхозов Рубцовского района в 1935 г.	126
Экономическое и социальное развитие Рубцовска в годы первой пятилетки	130
Эвакуация на Алтай в годы Великой Отечественной войны	132
Рубцовск в 1944-1945 гг. (по материалам газеты «Большевистский призыв»)	137
Депортация калмыков	143
Первые преподаватели РИИ	149

«Диверсанты» совхоза «Рубцовский»	155
«Незнакомые» рубцовчане	160
Военнопленные в Рубцовске	166
Репрессированные в Рубцовске и Рубцовском районе (послевоенный период)	175
Рубцовское телевидение	181
Начало рубцовских «Черемушек»	183
Семипалатинский полигон и его влияние на жителей Рубцовска и прилегающих районов	185
Рубцовский индустриальный институт в 60-70 годы XX века	196
Образование филиала и факультета АПИ	202
Голодовки на АТЗ: предыстория и хроника событий	208

Переселения и переселенцы (конец XIX – начало XX века)

Алтайский округ с самого начала появления на его территории русских людей привлек к себе внимание крестьян-земледельцев Европейской России, которые находили здесь «обилие степных, удобных для земледелия пространств, сравнительно мягкий климат и возможность ведения обширного экстенсивного скотоводческого-земледельческого хозяйства... . Этому же способствовали, кроме благоприятных природных, и удачно сложившиеся для первых пришельцев экономические условия. Старожилы довольно охотно принимали переселенцев, выделявших из своей среды весьма значительный контингент наемных сельских рабочих, в которых так нуждалось старожильческое население» [1, с. 3].

Официальное разрешение переселениям в Алтайский округ было дано в июле 1865 г., когда было утверждено Положение комитета министров о порядке переселения в округ. Согласно этому положению переселенцам разрешалось как причисляться к существующим сельским обществам, так и образовывать новые поселения и общества на пустующих землях. В 1891 г. правила 1865 г. подверглись изменениям. Главному управлению округа было предписано не выдавать разрешений на водворение переселенцев, не выяснив предварительно возможности их увольнения из прежних обществ и не получив на их переселение согласие губернатора. В 1892 г. министром внутренних дел разрешение переселений было приостановлено. В 1894 г. был приостановлен и отвод свободных земель под переселенческие участки. Таким путем правительство хотело сохранить запас свободных земель для организационного переселения. Тем не менее переселение в округ не прекращалось и на территории округа появляется большая группа самовольных переселенцев, большинство которых поселилось в старожильческих поселениях, не получив приемных приговоров. Такое скопление нелегальных переселенцев привело к обострению отношений между ними и старожилами.

В апреле 1896 г. были определены правила устройства переселенцев в Алтайском округе. Правила предусматривали причисление всех переселившихся до их издания в обществах, где они проживают без получения приемных приговоров в случаях, когда у старожилов было больше 15 дес. на душу или когда земля могла

быть прирезана к наделу из свободных кабинетских земель, а также водворение в новые переселенческие участки с освобождением от платежа податей в течение первых трех лет и в половинном размере в последующие три года. Само причисление осуществлялось при соблюдении следующих условий: переселенцы в местах своего пребывания должны были заниматься земледелием и иметь домашнее хозяйство; они не должны были состоять под судом и следствием; у них на родине не должно было остаться необеспеченных членов семьи. Проживание переселенцев на свободных кабинетских землях и не до конца заселенных участках разрешалось только по получении переселенцами предварительного разрешения. Прекращался прием новых членов в общества заполненных переселенческих участков [1, с. 12]. Эти положения о переселении на Алтай действовали до 1906 г.

Из имеющихся в архивах разного уровня документов, в том числе Алтайского краевого, можно получить представление об официальной основе, на которой строились взаимоотношения будущих переселенцев с администрацией, порядке получения ими переселенческого статуса. Такими документами были: «свидетельство ходока» – именное удостоверение для крестьян, ставших посланниками от семьи или нескольких семей, ушедших выбирать и закреплять земельный участок; увольнительные свидетельства крестьян, выходящих из состава сельских обществ, которые подписывались волостными старшинами, «проходные переселенческие свидетельства», которые фиксировали главу семьи и весь состав семьи на переезде, а также тех, кто остался на родине и удостоверялись земским начальником. Обязательным документом было «Прошение переселенцев на право поселиться в том или ином селении (или образовать новый поселок)». После того, как «Прошение» отправлялось в управление Алтайского округа до окончательного решения, проходило от 2 до 5 лет. Постановление, разрешающее организовать новый заселок с выделением наделов для переселенцев, подписывалось Помощником Начальника округа по земельной части. К постановлению прилагался «Список переселенцев (посемейный)», получивших право на поселение, с указанием следующих сведений: 1. Фамилия, имя, отчество домохозяина с поименным перечислением лиц, входящих в это домохозяйство (семью), и указанием родства по отношению к домохозяину. 2. Возраст каждого члена семьи. 3. Часто, но не всегда указывалось

свидетельство причисления на новое место жительства с указанием даты выдачи [2, с. 9-10].

Что же заставляло крестьян покидать обжитые места проживания и переселяться в неизведанные земли? Ответ на этот вопрос исследователи переселений попытались дать еще в конце XIX в. В 1894 г. А.А. Кауфманом было проведено обследование переселенцев на казенных землях Томской губернии. Среди вопросов составленной программы был и вопрос о причинах переселения. Среди вариантов ответов были следующие: «недостаток и дурное качество земли», «недостаток выгонов, усадьбы, леса»; «голод, неурожаи»; «за людьми» и др. По данным Кауфмана, главной причиной большинство крестьян назвали недостаток земли [3]. Данный подход на многие десятилетия стал основным в советской историографии. Логичным выводом из этого подхода стало положение о плачевном экономическом положении крестьян, принявших решение о переселении. Между тем это утверждение не всегда соответствует истине. Так, М.К. Чуркин обращает внимание на тот факт, что в Сибирь отправлялись крестьяне не только великорусских губерний, испытывавших сильнейшее малоземелье, но и выходцы из Киевской, Харьковской, Витебской губерний, не знавшие земельных переделов и незнакомые с проблемой недостатка земли. Он делает вывод, что экономический фактор в принятии крестьянами решений о переселении первостепенной роли не играл. Признание главенства в миграциях «изгоев», людей, потерпевших жизненный крах на родине, противоречит многочисленным фактам экономического успеха переселенцев. По его мнению, «массовое вольнонародное движение в Сибирь в меньшей степени было подчинено экономическим возможностям земледельцев и в большей степени таким факторам, как настроения в крестьянской среде, наличие миграционного опыта, а также моральная готовность к преодолению трудностей переселения с целью сохранения незыблемости традиционного жизненного уклада, свойственного крестьянской ментальности» [4].

Выделим основные формы крестьянского землевладения в Томской губернии и на Алтае в описываемый период. Их три: хутор, заимка, община. Хутора и отруба до 1906 г. не получили в Томской губернии широкого распространения. Более используемой формой была заимка. Существовали постоянные и временные заимки. Заимки представляли собой поселения отдельных хозяев и часто находились на расстоянии в 20-30 верст от других поселений. Заимщик

фактически является полновластным хозяином земли: он не допускал никого пахать или обрабатывать входящую в состав его заимки землю, даже если сам ее в данное время не эксплуатировал. На постоянных заимках находились постройки постоянного типа. Временные заимки имели из построек шалаши и носила сезонный характер. Владелец заимки имел право как на обрабатываемые, так и неиспользуемые земли. Эти земли он мог передавать по наследству и сдавать в аренду. В зависимости от хозяйственной состоятельности крестьян заимки различались по размерам: 3-5 десятин у бедняков и 100 и более десятин у зажиточных крестьян. В Сибири заимки исторически возникли на основе захватной формы землепользования. Третьей формой являлась община. Так же, как и заимка, сибирская община возникла на основе захватного землепользования. Крестьянин селился, где хотел, и брал земли, сколько мог, рядом с ним селился другой крестьянин и т.д. Таким путем образовывался поселок, который мог стать общиной. К концу XIX в. роль общины в Западной Сибири заметно усилилась. Это выразилось в ограничении захвата земли в тех или иных формах, а также в том, что в некоторых общинах стали вводиться переделы угодий. Чаще всего производились переделы сенокосов, реже пашен. При наличии природных богатств население без особого труда удовлетворяло свои материальные нужды и было достаточно обеспеченным. И старожилы, и переселенцы вели хозяйство, носившее экстенсивный характер. В 1901-1905 гг. урожайность пшеницы в Сибири составила 45 пудов с десятины, в то время как в Великобритании она достигала 126 пудов с десятины, в Германии 108 пудов. В неурожайные годы средние сборы зерновых по Сибири были ещё более низкими. Так, в 1898 г. у переселенцев с. Шадрухи нынешнего Угловского района средний урожай пшеницы составил 21 пуд с десятины, в с. Лаптев Лог того же района – 28 пудов [5].

В течение первого периода устройством переселенцев (от шестидесятых годов XIX в. до 1906 г.) занималось исключительно Главное управление Алтайского округа. Его деятельность шла в двух направлениях: часть переселенцев устраивалась в селениях старожилов по приемным приговорам, другая устраивалась на специальных переселенческих участках. С 1884 г. по 1906 г. в Алтайском округе было устроено 383920 душ мужского пола с земельным наделом свыше 15 десятин на душу. Охотнее всего переселенцы селились в Барнаульском уезде, северной части

Бийского и северо-западной Змеиногорского. Всего с 1889 г. по 1906 г. в Барнаульском уезде было устроено 160916 мужчин, а в Змеиногорском – 10940 (разница существенная – Автор.) [1].

В архивах сохранились документы и о рубцовских поселенцах. Так, в 1892-1893 гг. в деревне Оловянной, Ново-Алейской волости осела большая партия поселенцев из различных среднерусских губерний. В ней значилось 249 семей. Во многих семьях было от 2 до 7, а в некоторых – 11-12 детей. Почти половину всех прибывавших составляли неразделенные семьи, состоявшие из 3, 4 и даже 5 поколений. Так, в Оловянно переселились супруги из Самарской губернии с 3 детьми и 7 внуками. Один сын был женат, один женатый внук привез правнучку – всего 14 чел. [6]. В этом же году в с. Веселый Яр переселился Я.Д. Профатилов из с. Машевка Хорольского уезда Полтавской губернии. Сохранилось его письмо отцу Дорофею Андреевичу, в котором он приглашал отца приехать к нему на жительство в Веселый Яр. В письме он рассказывает о жизни на новом месте, а также подробно описывает дорогу до Веселого Яра. По воспоминаниям старожилов Веселоярска, именно такова была дорога для большинства будущих веселоярцев. В частности, он писал следующее: «Ежели будете идти, так идите только прямо на вокзал в Полтаву. Там будет идти много наших, Полтавских, только не нашего уезда, а Роменского, да прочих других уездов, так вы прямо идите до Тюмени, а в Тюмени прямо садитесь на пароход до Павлодара. В Павлодаре там смотрите: ежели будет сейчас подходящий пароход на Семипалатинск, так вы садитесь и отправляйтесь в Семипалатинск, и от Семипалатинска осталось 125 верст до самого Веселого Яра. И тут, в Семипалатинске, наймите подводу – по чем, там с пуда возьмут. А в случае не будет отходить пароход в Семипалатинск, так вы в Павлодаре наймите извозчика прямо в Локтевскую волость, на новый заселок Веселый Яр. ...» [7, с. 395].

Типичным поселком переселенцев можно считать Ивановку нынешнего Курьинского района. В краткой характеристике поселка на 1898 г. было указано, что «поселок расположен в степной местности, на берегу речки; постройки деревянные, не особенно скученны, крытые соломой, есть немало и землянок. Водой население пользуется из трех речек, протекающих по участку. Число жилых построек 217, домов из них 23, изб 108, землянок 86; хозяйств, не имеющих никаких жилых построек, – 9... Ивановка основана в 1887 году, а до этого здесь было казенное зимовье. Первыми поселились

здесь 10 семей горнозаводских обывателей. С 1893 г. начали подходить хохлы из Полтавской губернии. Первое время некоторые засеяли понемногу, но большая часть работала у старожилов... Непричисленных почти половина (98 дворов), преимущественно самарцев, вследствие того, что за ними считаются недоимки на родине...» [8].

Точный учет переселенцев, прибывших в Сибирь во второй половине XIX в., невозможен – переселенцев начали систематически учитывать только с 1885 г. В конце XIX в. число желающих переселиться в Сибирь заметно увеличивается. Расширяется география переселений. В декабре 1892 г. был учрежден Комитет Сибирской железной дороги. Одной из своих целей Комитет поставил содействие переселению в Сибирь. При Комитете была образована Подготовительная комиссия для предварительного рассмотрения мероприятий по устройству переселенцев. Комиссией были разработаны правила о водворении переселенцев в Сибири, которые предусматривали некоторые льготы и финансовую помощь. Важным этапом стало создание в 1896 г. при МВД Переселенческого управления. Первоначально на этот орган были возложены задачи выдачи разрешений на переселение, упорядочение переселенческого движения и забота о начальном устройстве новоселов на новых местах. В марте 1898 г. под начало Переселенческого управления поступило 11 сельскохозяйственных складов, задачей которых было снабжение переселенцев сельскохозяйственными орудиями. В 1903 г. были созданы особые лесные склады Переселенческого управления, которые должны были снабжать переселенцев дешевым и качественным лесным материалом, предоставлять переселенцам заработки от вырубki леса и заниматься расчисткой таежных участков. Формально управление выработало инструкцию о задержании самовольных переселенцев. Циркуляром МВД запрещалось переселение на казенные земли без посылки ходоков и зачисления участков за ходоками, не снабженными свидетельствами. Был приостановлен отвод казенных земель переселенцам, не имевшим установленного разрешения на переселение. В действительности Комитет признал нежелательным принудительное возвращение на родину самовольных переселенцев, уже прибывших в Сибирь или только направляющихся туда [9, с. 19].

Заселение Алтайского округа в конце XIX в., как считает А.А. Храмов, происходило в основном за счет приселений к старожилам

или ранее созданным переселенческим поселкам. Состав их постоянно менялся. Многие новые поселки первоначально имели, как правило, незначительные размеры, иногда даже 1-2 двора. Часть их так и оставалась в виде заимки, другие разрастались, привлекая новых поселенцев. Одна из экспедиций 1894 г. отмечала, что по внешнему виду переселенческие заселки резко делятся на старые, основанные 15-20 лет назад, и молодые, существующие не более 3-5 лет. В первых большая часть дворов и участков говорили о зажиточности и хозяйственности переселенцев. Молодые заимки – избенки без крыш, землянки совсем без построек или с плетеным хлевом для 1-2 лошадей. Существовала разница и внутри старых заселков. Центр составляли большие хорошие дома первых засельщиков, по краям села были избы позднейших переселенцев [10, с. 140].

Одним из важнейших для переселенцев был вопрос материальной поддержки со стороны государства для хозяйственного устройства. В 1899 г. в Сибири в командировке побывал помощник начальника Переселенческого управления А.В. Кривошеин. Из поездки он сделал вывод о том, что «назначение Правительством достаточных средств на хозяйственное устройство переселенцев и возведение здоровых жилищ является необходимым условием успешности водворения. Эти средства затрачиваются вполне производительно и представляют для переселенцев значение еще большее, чем организация врачебно-санитарной помощи во время пути» [3, с. 242]. Он же сделал примерный расчет, во сколько переселенцу обходится обзаведение хозяйством и прокормление до получения собственного урожая. Если хозяин семьи, состоящей из 5 душ, может своими руками нарубить и вывезти лес для избы, амбара и хлева, поставить срубы, оборудовать плотничью работу, выложить печь и трубу, приготовить сани, борону, вилы, грабли, то ему для ведения хозяйства потребуется еще различных вещей и орудий на сумму 165 рублей. Переселенцу необходимо было обеспечить семью продовольствием, а скот кормом на 16, 18 месяцев. На трех взрослых в месяц по его расчетам выходило около 15 рублей, а в 18 месяцев 270 рублей. На посев 1 десятины требовалось семян пшеницы, ржи, проса, гречихи, картофеля и т.д., всего 34 рубля. Таким образом, с момента водворения до первого урожая такой семье требовалось израсходовать около 470 рублей. При этом не учитывались расходы

пути и то, что в год водворения новоселы не имеют времени для сторонних заработков [3, с. 243-245].

Ссудно-кредитная помощь переселенцам на рубеже веков была представлена несколькими видами ссуд (путевыми, на внутринадельное межевание, на общепользные надобности). Особое место занимали ссуды на «домообзаводство» и «водворение». До начала столыпинских переселений правительство выпустило несколько законов и указов, касающихся развития ссудного кредитования переселенцев. По закону 13 июля 1889 г. переселенцы могли получить ссуду «на продовольствие и обсеменение полей», а также ссуды на домашнее обзаведение в размере от 20 до 100 рублей на семью. В 1891 г. МВД ввело в действие правила о выдаче переселенцам ссуд на первоначальное обзаведение. Решение о выдаче таких ссуд должны были принимать соответствующие министерства, размер ссуд не должен был превышать 200 рублей на семью. Отдельной ссудой считались ссуды на обсеменение полей, они выдавались из расчета 2 десятины посева. Часто их заменяли денежными выплатами в 2 рубля, а иногда и 9-15 рублей. В целом по Сибири, по данным Г.А. Ноздрина, из 62234 семей, водворившихся в регионе в 1894-1901 гг., ссуды получили 53605 семей (86,3%) из расчета 63,4 рубля на семью. Кроме возвратных ссуд переселенцы могли получать и безвозвратные пособия. Данная ссуда выдавалась не всем переселенцам и даже не всем нуждающимся, а в случае неурожая, бедствия и т.п. [11, с. 36].

Условия выплаты ссуд предусматривали возможность отсрочки. Так, в 1899 г. в Главное Управление Алтайского округа обратились переселенцы заселка Успенского Локтевской волости с просьбой об отсрочке выплаты ссуды, так как они уплатить ее в настоящее время не имеют возможности, потому что хотя урожай прошлого года был и хороший, но они сеяли мало хлеба и не успели еще устроить своих хозяйств – как прибывшие из России в конце 1897 г. [12]. Их просьба была удовлетворена. Переселенцам оказывались и другие виды материальной помощи. В декабре 1888 г., например, в соответствии с разрешением Кабинета из Локтевского хлебозапасного магазина было отпущено в ссуду 1000 пудов ржаной муки 70 семействам переселенцев Николаевского заселка Ново-Алейской волости Алтайского округа [13, л. 1-6 об.].

Начало столыпинских переселений привело к значительному расширению видов ссуд. Появились ссуды на общепользные

надобности. Эти ссуды могли быть возвратными и безвозвратными. Они давались на проведение обводнительных или осушительных работ, дорожных сооружений, постройку общественных зданий, пожарную охрану, сельскохозяйственные предприятия. С 1908 г. стала практиковаться выдача ссуд на внутринадельное размежевание. Назначением этих ссуд было разверстание общинных наделов на единоличные участки. Правом получения домообзаводственной ссуды мог воспользоваться любой переселенец, независимо от имущественного положения. Для этого после водворения на участок либо в старожильческое селение переселенец должен был подать ходатайство о выдаче ему ссуды. В ходатайстве он указывал причину, по которой ему нужна ссуда. Обычно указывались такие причины, как постройка дома, покупка лошади, реже – двух, либо – хозяйственные потребности. Поселенец предоставлял информацию о количестве членов своей семьи и о размерах своего имущества с примерной оценкой стоимости последнего. На волостные правления были возложены функции контроля за эффективностью использования выданных ссуд. Волостной старшина либо один из членов волостного правления обязаны были присылать рапорты и ведомости о количестве построек и ходе возведения этих построек, выполняемых за счет ссуд и безвозвратных пособий. Правом разрешения выдачи ссуд переселенцам обладали уездный съезд, губернское правление, Переселенческое управление и заведующий устройством переселенцев [11, с. 37].

Из переселившихся за Урал в 1881-1889 гг. 65-75 процентов шли самовольно. В результате в Западной Сибири сложилась значительная категория «неустроенных» переселенцев из числа тех, кто не смог (не захотел) устроиться на переселенческих участках и не получил официального приемного приговора от старожильческих обществ. Положением от 26 апреля 1906 г. крестьяне и мещане, самовольно переселившиеся в Змеиногорский и Кузнецкий уезды Алтайского округа, подлежали причислению по местам их водворения. Политика массовых переселений правительства П.А. Столыпина привела к увеличению числа неустроенных. Особенно много их оказалось на Алтае. Значительная их часть осела в старожильческих селах без приемных приговоров в качестве полетовщиков, с которых старожилы брали большую плату. Арендная плата бралась за право пасти скот, за усадьбу и земельные угодья. Кроме денежных сборов «непричисленные» отбывали еще и

натуральные повинности – ремонт и постройку мостов, дорог, горюдбу поскотин. За право жить в деревне семья переселенца платила 20-60 рублей, платились деньги за право проезда по дорогам, пользование водопоями и т.п. Переселенцы считали свое пребывание в качестве «полетовщиков» временным этапом, в ходе которого выискивали более выгодные места для устройства. Целью большинства крестьян, самовольно уехавших на Алтай, было устройство в старожильческих селах либо по приемным приговорам, либо в ходе землеустройства. Согласно «Правилам поземельного устройства крестьян, водворившихся на Алтае, и инородцев», «полетовщики» имели право на получение надела при землеустройстве района, в котором они проживали. Главным условием получения надела было наличие самостоятельного земледельческого хозяйства. По оценке В.Г. Тюкавкина, переселенцы, получившие землю в ходе землеустройства, выгадали по сравнению с остальными, так как получили земли в более благодатном крае. Нередкими были случаи, когда самовольные переселенцы получали под тем или иным предлогом землю в аренду, обустроивались, селили рядом своих родственников и знакомых, а затем возбуждали требование об отводе им земель из расчета по 15 десятин на душу мужского пола. Несмотря на все старания чиновников, полностью устроить всех неурюенных до 1914 г. не удалось. Но это было и следствием нежелания самих «непричисленных» покидать понравившиеся им места. Значительная часть таких переселенцев имела собственное жилье, частичное, а иногда и полное домообзаводство. Некоторые семьи держали скот, в том числе и крупный рогатый. Многие имели свой покос и посев, причем их посевная площадь не уступала размерам наделов некоторых легальных переселенцев или старожилков [14, с. 5-9].

В научной литературе существуют две противоположные точки зрения по поводу наличия земель, которые можно было использовать для переселения в период столыпинских переселений. Согласно первой удобный для колонизации фонд был исчерпан уже к концу XIX в. Вторая точка зрения основана на данных о существовании значительных земельных массивов. Действительно, только на Алтае в 1907-1909 гг. в колонизационный фонд после исследования поступили свободные земли Бельгагачской, Ремовской, Узкой, части Коростелевской и Кулундинской степей. К числу незаселенных пустующих земель относился район «десятиверстной» полосы,

которая разделяла казачьи станицы пограничной линии и степи инородцев. В состав колонизационного фонда включались казенно-оброчные статьи и казенные лесные дачи (казенными оброчными статьями назывались казенные недвижимые имущества, отдаваемые в оброчное, с публичных торгов, содержание или по безуспешности торгов, временно оставляемое в хозяйственном управлении того или иного учреждения ведомства министерства земледелия и государственных имуществ Лесная дача – ограниченная часть леса, подчиненная единому хозяйственно-техническому плану. Для удобства ведения хозяйства лесная дача делится на равные части прямоугольной формы (кварталы, отделяющиеся просеками, используемыми для вывозки заготовленных в лесу лесоматериалов – Википедия). В предшествующий период и оброчные статьи, и лесные дачи для образования переселенческих участков почти не использовались. Источником формирования земельного фонда стали и излишки землепользования старожилов и инородцев, выявленные в ходе землеустройства. Особым источником стали земли Кабинета, часть которых с 1907 г. передавалась в ведение Переселенческого управления. В 1908 г. топограф Семипалатинского переселенческого района представил в чертежную Алтайского округа данные о свободных землях в Змеиногорском уезде [15, с. 27-32].

В преддверии реформы и переселений правительство подготовило серию законодательных актов, регламентирующих порядок выделения земель, последовательность получения разрешений на переселение, размеры и условие предоставления пособий и ссуд. Этот порядок был прописан в «Правилах о переселении на казенные земли» (1906 г.). Территории признавались желательными и годными для заселения по соглашению министров внутренних дел, финансов и Главноуправляющего землеустройством и земледелием.

Первым шагом для крестьян и мещан-земледельцев, желающих переселиться на свободные казенные земли при содействии правительства, было обращение с ходатайством в административное присутствие уездного съезда, куда входили крестьянские начальники и исправник – глава уездной полиции, и получение от них особого «разрешения на переселение с содействием правительства». После этого переселенцы должны были получить разрешение земского начальника по месту жительства, каковым являлось «Проходное свидетельство», служившее основанием для выхода из своего

общества. Свидетельство выдавалось только при наличии специального удостоверения о предварительном закреплении за переселенцем земельного участка на новом месте либо – приемного приговора старожильческого общества о приеме переселенцев на жительство. Переселенцы должны были предварительно отправить в места переселений своих ходоков, призванных закрепить за собой земельные участки. Ходоки отправлялись по одному от каждой семьи или один от нескольких семей одной общины. Избранные ходоками земли зачислялись местными органами за переселенцами на два года. Ходоки при «нужде» получали от государства путевую ссуду в размере 10 рублей на человека. Эта ссуда взыскивалась государством спустя год после предоставления, по месту фактического проживания ходока. Особым вопросом было «расставание» со своей прежней землей. Правилами предписывалось, что оставляемые переселенцами земли подлежали передаче общине с вознаграждением бывшего хозяина по добровольному соглашению. Если такого не происходило переселенец мог передать участок любому лицу-однообщиннику по договоренности. При этом все обязательства и платежи по земле также возлагались на преемника. На новом месте переселенцы могли устроиться как на основе общинного, так и подворного землепользования. Порядок землевладения определялся большинством голосов сельского схода (там, где существовало сельское общество), либо решением большинства наличных в поселке переселенцев мужского пола. При этом из 10 и более дворов, создавалось отдельное сельское общество [16, с. 71-73].

Государственное содействие в финансовом обеспечении переселенцев при их переезде до места водворения подразделялось на несколько видов: льготный проезд по Сибирской железной дороге, продовольственное и медицинское обслуживание переселенцев в пути и в целом организация их передвижения по железной дороге и водным путем, путевые ссуды и безвозвратные пособия на переезд до места водворения. Дети до 10 лет перевозились бесплатно. По льготному тарифу перевозилось имущество переселенцев. Практиковалась выдача неимущим переселенцам свидетельств на бесплатный проезд, но лишь в тех случаях, когда «переселение признавалось целесообразным в видах правительства». Если поначалу в обычных товарных вагонах просто выделялось место для инвентаря и скота, то с 1908 г. в вагонах предусматривалось водяное отопление, санузлы, места для приготовления пищи. Существовали

особые санитарные поезда, находившиеся в ведении специальной переселенческой медицинской службы. Инфраструктура переселенческих маршрутов включала в себя жилые бараки вдоль линий ж/д, столовые, стационарные пункты. С 1906 г. расширяется сеть переселенческих пунктов, подразделявшихся на остановочные, продовольственные, фельдшерские и врачебные. Нуждающимся следующим до пункта назначения выдавались так называемые «путевые ссуды» [17, с. 79-84].

К 1910-1911 гг. большинство проблем, связанных с перевозкой переселенцев и землеобеспечением переселившихся крестьян, было в основном решено, что позволило Переселенческому управлению сосредоточить усилия государства на хозяйственном обустройстве переселившихся крестьян в Сибирь, развитию социальной инфраструктуры в переселенческих поселках.

Массовые переселения крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX вв. оказали огромное всеобъемлющее воздействие на ее развитие. По подсчетам историков, в 1885-1905 гг. сюда переехало 1,5 млн. чел., в 1906-1910 гг. – 2,5 млн. В результате за период с 1897 по 1916 гг. численность населения Сибири удвоилась (с 5,8 до 11 млн. чел.) [18, с. 36].

Библиографический список

1. Переселение в Алтайский округ. – Барнаул, 1912.
2. Силина И.Г. Массовые источники по истории миграционных процессов в Алтайском округе второй половины XIX – начала XX вв. // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. – Барнаул, 2002.
3. Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений – Новосибирск, 2006.
4. Чуркин М.К. Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: опыт альтернативного прочтения // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – Выпуск 2006 [Электронный ресурс] www.omsk.edu
5. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906-1914 гг.) – Кемерово, 2003.
6. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М., 1996.

7. Переселения из Полтавской губернии с 1861 по 1 июля 1900 г. – Полтава, 1900. Вып. 1.
8. Алтайский сборник. 1899. Т-IV. Вып. II.
9. Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX вв. // Вестник КемГУ. – 2010. – №4 (44).
10. Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв.: переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. – Барнаул, 1998.
11. Белянин Д.Н. Ссудная помощь сибирским переселенцам в конце XIX – начале XX вв. // Вестник КемГУ. – 2012. – №3 (51).
12. Сибирские переселения. Документы и материалы. Выпуск 1. – Новосибирск, 2003.
13. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 741.
14. Белянин Д.Н. Мероприятия правительства по устройству «непричисленных» переселенцев Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №4 (16).
15. Белянин Д.Н. Источники формирования колониационного фонда в Западной Сибири в годы осуществления столыпинской переселенческой политики (1906-1914 гг.) // Известия АлтГУ. – 2011. – № 4/2.
16. Зинякова В.М. Правила о переселении на казенные земли (1906 г.): организация процесса и льготы государства в преддверии столыпинской реформы // Вестник КемГУ. – 2012. – №3 (51).
17. Карпинец А.Ю. К вопросу реализации и финансового обеспечения процесса перемещения переселенцев в Сибирь в начале XX века (на примере Томской губернии) // Вестник КемГУ. – 2012. – №3 (51).
18. Иванцова Н.Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. – М., 1992.

А.Г. Мягкий – депутат Государственной Думы

Появление первого законодательного органа в России в лице Государственной Думы стало результатом революции 1905 года. Всего было 4 созыва Государственной Думы, и депутатом двух из

них – второго и третьего созыва стал наш земляк-веселоярец Алексей Григорьевич Мягкий.

Порядок выборов в Думу определялся в законе о выборах, изданном в декабре 1905 г. Согласно ему учреждалось четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. По рабочей курии к выборам допускались лишь рабочие, которые были заняты на предприятиях с числом работающих не менее 50. В выборах не принимали участия женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие, некоторые национальные меньшинства. Выборы были многоступенчатыми, депутатов избирали выборщики от избирателей. Один выборщик приходился в землевладельческой курии на 2 тысячи избирателей, в городской – на 4 тысячи, крестьянской – на 30 тысяч, в рабочей – на 90 тысяч. Дума состояла из 524 депутатов [1].

I Государственная Дума действовала в период с 27 апреля по 9 июля 1906 г. и была распущена манифестом царского правительства под предлогом, что Дума не только не успокаивает народ, но еще более разжигает смуту.

Вторая Государственная Дума работала с 20 февраля по 2 июня 1907 г. (одну сессию). Выборы в нее проходили по тем же правилам, что и в Первую Думу (многоступенчатые выборы по куриям). От выборов отстранялись крестьяне, не являющиеся домохозяевами. По городской курии не могли избираться рабочие. В выборах участвовали представители всех партий. Боролись четыре течения: правые, октябристы, кадеты, левый блок. Всего во Вторую Думу было избрано 518 депутатов. Очень сильными были формально беспартийные, но находившиеся под сильным влиянием социалистов Трудовая группа, фракция Всероссийского крестьянского союза и примыкающих к ним, всего 104 депутата. 1 июня 1907 г. премьер-министр Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи. 3 июня этого же года Дума была распущена указом Николая II [2, с. 611].

Население Сибири получило право послать во Вторую Думу всего 20 депутатов, 6 из них были избраны от Томской губернии. Выборная кампания началась в сентябре 1906 г. и закончилась в мае 1907 г. В этот период был назначен председатель Томского губернского избирательного собрания, которым стал ректор Томского университета М.Г. Курлов, составлены и проверены списки избирателей, намечены кандидаты в выборщики. В числе

выборщиков от крестьян Змеиногорского уезда был крестьянин с. Веселоярское А.Г. Мягкий. 9 мая 1907 г. в зале томской городской думы открылось избирательное собрание губернских выборщиков. В выборах участвовали 84 выборщика, 6 не смогли прибыть в Томск. Согласились баллотироваться 37 человек. Необходимое число голосов удалось получить только трем кандидатам, причем Алексей Григорьевич Мягкий получил больше всех голосов (55), обогнав при этом таких известных в Томске людей, как Н.Н. Розин, профессор университета, и П.В. Вологодский – присяжный поверенный [3, с. 3-4]. 11 мая на квартире П.В. Вологодского прошло собрание избранных членов Думы и выборщиков от Томской губернии. На собрании был принят наказ членам Думы, который должен был стать программой их действий. Наказ включал в себя 23 пункта, осуществление которых выборщики губернии считали первоочередным делом. В их числе были амнистия по политическим и религиозным делам, отмена смертной казни, всеобщее прямое, равное и тайное голосование на выборах, введение всеобщего бесплатного образования, отмена ссылки в Сибирь, введение суда присяжных. Выборщики просили также добиться прекращения переселения крестьян в Сибирь до окончания землеустроительных работ, реформы лесного управления, упразднения перелома тарифа в Сибири и др. [4, с. 34-36].

Из 6 депутатов Томской губернии П.В. Вологодский представлял партию социалистов-революционеров, Н.Н. Розин – конституционных демократов (кадетов), Я.А. Ревякин, Д.М. Тобоков, Е.И. Шишкин, А.Г. Мягкий записались в беспартийные левые. По социальному составу Мягкий, Ревякин, Шишкин представляли крестьян, Тобоков – инородцев, Вологодский принадлежал к выходцам из духовенства, Розин – из чиновников [4, с. 32-33].

Сроки выборов по различным регионам страны не совпадали. В результате получилось так, что II Дума начала свою работу в отсутствие депутатского корпуса от Сибири. Первые депутаты-сибиряки приехали в Петербург к началу апреля 1907 г., т.е. спустя полтора месяца со дня открытия Думы. В Томске выборы завершились 9-10 мая, так что депутаты-томичи смогли участвовать всего в нескольких заседаниях Думы. Более того, депутаты Е.Ф. Шишкин и П.В. Вологодский так и не приступили к работе в качестве депутатов. Сразу по прибытии в Петербург депутаты должны были зарегистрироваться и заявить о своей партийной принадлежности

либо о беспартийности. Сибирские депутаты были включены в состав восьми думских объединений. А наш земляк А.Г. Мягкий записался в объединение «Трудовая группа и фракция всероссийского крестьянского союза и примыкающие к ним» (104 чел). В дальнейшем была сформирована сибирская парламентская группа. Депутаты от Сибири оказались избранными в состав 12 комиссий – бюджетной, финансовой, библиотечной... О деятельности А.Г. Мягкого в какой-либо из них сведений не имеется [5, с. 50-51].

Сразу же после избрания томских депутатов в журнале «Сибирские вопросы» были опубликованы их краткие биографии, в частности, и биография А.Г. Мягкого. Приведем ее полностью: «Алексей Григорьевич Мягкий родился в 1877 году в селе Хуторе-Губаревском Роменского уезда Полтавской губернии и переселился в Сибирь в 1892 году. Учился в церковно-приходской школе станицы Каменнобродской Кубанской области на Кавказе. Занимается он исключительно земледелием и называет себя беспартийным левым, каким и намерен оставаться во II Государственной Думе» [4, с. 32].

Третья Государственная Дума работала с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г. Выборы депутатов проходили на основе нового избирательного закона, который перераспределил число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии. Право рабочих и крестьянских выборщиков самим избирать положенное им число депутатов из своей среды передавалось губернскому избирательному собранию. Всего депутатами были избраны 434 чел. Число депутатов от Томской области сократилось с 6 до 4 чел.

Алексей Григорьевич Мягкий вновь был избран выборщиком от крестьян Змеиногорского уезда. Вместе с ним уезд на выборах представляли В.П. Митин, Г.Г. Студенкин, И.К. Ткаченко [6]. 5 декабря 1907 г. в помещении томской городской думы под председательством заместителя председателя губернской избирательной комиссии профессора И.А. Базанова состоялись выборы новых членов Государственной Думы. Процедура выборов была подробно описана в газете «Сибирская жизнь». Перед началом выборов кафедральный протоиерей Малин отслужил молебен. Затем в 12 часов дня заседание было открыто. Из 45 выборщиков присутствовали 43. Была избрана счетная комиссия из трёх счетчиков – А.М. Головачева, М.В. Чевелева, Н.А. Сычева. После этого записками были определены кандидаты от крестьян. Наибольшее число записок (23) получил А.Г. Мягкий. В список были также

включены П.Н. Викторов (от Бийского уезда), К.П. Пятков (от Барнаульского уезда), В.Ф. Еремеев, И.Ф. Мальцев, А.В. Шаравин, К.С. Толпыга, П.П. Харлов. Из этого списка отобрали трех кандидатов, получивших наибольшее число записок. Кроме А.Г. Мягкого ими оказались П.Н. Викторов (9 записок) и К.П. Пятков (5 записок). В результате голосования избирательными шарами за А.Г. Мягкого проголосовали 29 выборщиков, против – 13, П.Н. Викторов получил 17 шаров «за» и 29 «против», К.П. Пятков – 8 «за» и 34 «против». Так А.Г. Мягкий во второй раз стал членом Думы [7].

В тот же день в гостинице «Европа» произошло чествование избранных депутатов выборщиками, представителями печати и общества. С тостами и приветствиями выступили редактор «Сибирской жизни» профессор Малиновский, член 1-й и 2-й Думы Лаптев, профессора члены Думы Розин и Некрасов. С речью к собравшимся обратился и А.Г. Мягкий. Речь его в газетном отчете была охарактеризована как «безыскусственная по форме, посвящена была памяти идейных работников, подготовивших переход к новому строю» [8, с. 35-36].

После избрания корреспондент «Сибирской жизни» взял у Алексея Григорьевича интервью, в котором обрисовал видение членом Государственной Думы целей и задач деятельности в новом составе Думы. Среди них создание земств в Сибири на основе всеобщих выборов без контроля и опеки различных государственных структур; введение всеобщего обязательного народного образования; уничтожение церковно-приходских школ, в одной из которых учился и сам Мягкий, но, по его мнению «никаких знаний там не получил».

Далее депутат особо отметил плохие дороги и указал, что «из-за отсутствия дорог мы отдаем наши товары дешево, а за товары европейские платим втридорога». Среди неотложных мер он также назвал введение суда присяжных, упорядочение переселенческого движения (малоземелье, организация землеустройства), отмену некоторых налогов, в частности, на сельскохозяйственные машины [9].

В III Думе Алексей Григорьевич Мягкий был членом комиссии для выработки законопроекта об изменении действующего законодательства о крестьянах, комиссии по местному самоуправлению, бюджетной комиссии. Входил в Трудовую группу. Подписал законопроекты «Об изменении законов взимания и отпращиваний земельных и натуральных повинностей крестьян», «О

наделении безземельных и малоземельных крестьян землей», «О введении земства в Сибири», «О порто-франко в устьях Оби и Енисея», «Об учреждении землеустроительных комиссий в степных областях», «Правила приема для поступления в высшие учебные заведения», «Об изменении городского избирательного закона», «Об отмене смертной казни» [10].

Значительное место в его деятельности занимала защита интересов населения его родного Змеиногорского уезда, крестьян Веселоярска и сел близлежащей округи. Алексей Григорьевич был доверенным от сельского общества Веселоярска, участвовал в работе землеустроительной комиссии. Его общественная активность была замечена, и, когда начались выборы во II Думу, он первоначально был избран делегатом от Локтевской волости для участия в работе уездного избирательного собрания. Съездом уполномоченных от волостей Змеиногорского уезда А.Г. Мягкий избирается выборщиком на губернское избирательное собрание, на котором 9 мая 1907 г. впервые стал депутатом Думы.

Алексей Григорьевич имел в своем владении 15 десятин земли, которые он сам и обрабатывал, приезжая домой в период думских каникул. Как депутат Думы он постоянно встречался со своими избирателями, старался помочь в решении вопросов землеустройства. В Алтайском краевом архиве сохранились письма и прошения А.Г. Мягкого начальнику Алтайского округа, переписка чиновников по поводу его депутатских запросов о наделении крестьян уезда землей и пастбищами [11, л. 93].

В книге веселоярского краеведа И.Д. Печерина есть информация о том, что именно Алексей Григорьевич Мягкий был одним из инициаторов строительства оросительного канала в Локтевской волости, из которого впоследствии выросла самая крупная в Сибири Алейская оросительная система, существующая и поныне. По свидетельству И.Д. Печерина, А.Г. Мягкий по просьбе крестьян обратился в царское правительство с ходатайством о строительстве канала [13, с.10].

В августе 1912 г. А.Г. Мягкий баллотировался на волостном сходе Локтевской волости в уполномоченные от волости по выборам в IV Государственную Думу, но избран не был [12].

Дальнейшая жизнь и деятельность А.Г. Мягкого, а также дата и место смерти неизвестны. В разных источниках, в том числе и в интернете, есть некоторые сведения о его семье, ближайших

родственников и их последующей судьбе в послереволюционное время.

Так, в 2008 г. правнучка А.Г. Мягкого прислала архивистам фотографию прадеда и его семьи, сделанные в 1912 г. На фотографии представлены А.Г. Мягкий, его жена Дарья Яковлевна и восемь детей – Анастасия, Матрена, Мария, Сергей, Филипп, Артем, Федор, Анна [14]. На страницах томского краеведения созданных сотрудниками Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина вместе с краткой биографией А.Г. Мягкого размещен и его портрет периода его депутатства [15].

В 1990 г. вышеупомянутый И.Д. Печерин получил письмо из Колпашева Томской области от внука А.Г. Мягкого Анатолия Федоровича. В нем он написал, что его отец Федор Алексеевич был участником гражданской войны, штурмовал Перекоп, в 30-х гг. был репрессирован. Анатолий Федорович в 14 лет остался без отца, жил у родственников в Веселоярске у тети Анастасии Алексеевны Боровенской и ее мужа Ивана Мефодьевича. В Колпашевском музее, по его словам, есть материалы о Федоре Алексеевиче. Сам Анатолий Федорович почти всю жизнь был учителем, последние годы работал директором Колпашевского педагогического училища [13, с. 171].

Дальнейший поиск потомков Алексея Григорьевича Мягкого и их послереволюционных судеб привел к изучению списка «Жертвы политического террора в СССР», подготовленного в 2007 г. международным обществом «Мемориал» совместно с Уполномоченным по правам человека в РФ. В этом списке было обнаружено несколько человек по фамилии Мягких из Алтайского края, приговоренных к спецпоселению в начале 30-х гг. С известной долей уверенности можно предположить, что все они имели отношение к Алексею Григорьевичу Мягкому. Большая уверенность появилась, когда в этом списке был найден Мягких Федор Алексеевич. Правда, во всех случаях не совпадала фамилия, но можно предположить, что она была изменена по каким-то обстоятельствам. В списке написано, что Федор Алексеевич Мягких родился в 1901 г. в с. Веселоярское Рубцовского района, образование начальное, беспартийный. Впервые он был арестован 27 января 1931 г., обвинялся по статье 58-10 УК. Дело было прекращено за недостаточностью улик для предания суду 26 мая 1931 г. [16, с. 276]. Тем не менее, через некоторое время вместе с семьей он был выслан и в 1938 г. работал бухгалтером в Колпашевском леспромхозе. 16

февраля 1938 г. в Колпашево был снова арестован, приговорен к расстрелу. Расстрелян 31 марта 1938 г., реабилитирован 4 октября 1956 г. Вместе с ним были высланы его дети: Анатолий 1924 г. рождения, Елена 1929 г. рождения, Зинаида 1930 г. рождения [17].

Библиографический список

1. Государственная Дума Российской империи [Электронный ресурс] – <http://www.krugosvet.ru/print/33488>
2. Витенберг Б.М. Государственная дума // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.; т.1. – М.; 1994.
3. Сибирская жизнь. – 1907. – 12 мая.
4. Сибирские вопросы. – 1907. – №12.
5. Родионов Ю.П. Сибирские депутаты во II Государственной Думе // По страницам российской истории. – Омск, 1996.
6. Сибирская жизнь. – 1907. – 1 дек.
7. Сибирская жизнь. – 1907. – 6 дек.
8. Сибирские вопросы. – 1908. – №1.
9. Сибирская жизнь. – 1907. – 8 дек.
10. Государственная Дума Российской империи. 1906-1917. – М., 2008.
11. ГААК. – Ф.4. – Оп.1. – Д.2779.
12. [Электронный ресурс] <http://persones.ru/biography-13659.html>
13. Печерин И. Веселоярск (очерки по истории села). – Рубцовск, 1999.
14. [Электронный ресурс] <http://duma.tomsk.ru/page9148/>
15. [Электронный ресурс] <http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php?id=1163/>
16. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. – Том VII. – Барнаул, 2004.
17. Книга памяти Томской области.

Два периода в жизни и творчестве Е.А. Боголюбова

Евгений Александрович Боголюбов (1890-1957 гг.) – педагог, литературовед, доктор филологических наук, профессор ГИТИСа.

Жизнь и творчество Евгения Александровича Боголюбова до настоящего времени практически не исследованы. Между тем это был один из замечательных педагогов своего времени, многое сделавший для просвещения населения Алтая. Он родился в 1890 г. в

семье священника, окончил духовную семинарию, в 1914 г. – Московский университет и затем работал преподавателем в средних учебных заведениях. К сожалению, об этом периоде его жизни каких-либо сведений мы не имеем. На алтайской земле он появляется в 1920 г. уже зрелым человеком и первоначально работает заведующим Курьинской школой Рубцовского округа, затем его переводят заведовать Веселоярской школой имени Коминтерна того же округа, в которой Евгений Александрович и проработал до 1929 г., когда в округе развернулась кампания по его преследованию и дискредитации как педагога, описанию которой и посвящена значительная часть предлагаемого очерка [1, л. 16].

Веселоярск того времени был одним из крупнейших сёл не только Рубцовского района, но и всего округа. По данным экономического справочника Сибирского края, в 1928 г. в селе было 900 дворов, в которых проживало 5120 чел. Кроме первых коммун и товариществ по общественной обработке земли, в селе имелись и промышленные предприятия: водяная мельница, каменный карьер, маслоартель. Образование можно было получить в двух школах – I ступени, дающей начальное образование, в которой обучались дети веселоярцев, и школе повышенного типа, куда принимались ученики со всего округа и которой и руководил Евгений Александрович Боголюбов [2, с. 36].

Школы повышенного типа были созданы после Октябрьской революции для обучения уже взрослых учащихся, имеющих перерыв в учебе, которые при поступлении выдерживали определённый конкурс. В Веселоярске нередко их средний возраст достигал 18-20 лет. Ученики были из разных сел и квартировали в домах веселоярцев. Кроме занятий по общеобразовательным предметам в таких школах обучали и навыкам определённых профессий. Веселоярская школа имела педагогический уклон, то есть её выпускники после окончания могли не только поступать в вузы, но и заниматься преподавательской деятельностью, о чём говорит факт привлечения Боголюбовым для работы учителями нескольких выпускников.

Вот что вспоминал о годах обучения в Веселоярске один из самых известных выпускников школы, советский писатель, лауреат Сталинской премии за роман «Белая берёза» о Великой Отечественной войне М. Бубеннов.

«Мне пришлось выдержать большой конкурс в школу Боголюбова. Слава о ней за один год разошлась по всей округе – и к её порогу бросились со всех сторон юноши и девушки, у которых перерывы в учении были до четырёх лет» [3, с. 155].

Фактически школа являлась главным культурным и просветительным центром села. Снова процитируем М. Бубеннова. «Ученики нашей школы организовали сельский кружок, выпускали стенную газету в сельской избе-читальне, были активными распространителями периодической печати... В Народном доме часто ставили для крестьян различные спектакли, устраивали антирелигиозные вечера, выпускали злободневные «живые газеты», пользовавшиеся большой популярностью. Силами учеников нашей школы в центре села был разбит и выращен большой сквер» [3, с. 157].

Добавим ещё, что и сам Боголюбов пользовался большим авторитетом, как в учительской среде, так и среди руководства окружного отдела народного образования. Любили и уважали его и ученики. Из воспоминаний М. Бубеннова: «Многим учащимся школы Е.А. Боголюбов привил любовь к русской литературе. Его увлекательные лекции (а он читал именно лекции, как в университете) не только давали нам много знаний, но и пробуждали желание попробовать свои силы на литературном поприще» [3, с. 78].

Под руководством Боголюбова школа несколько лет подряд получала первые премии по Рубцовскому округу за работу по ликвидации неграмотности. Всего было обучено свыше 800 неграмотных. Первые премии на окружных конкурсах получала и стенная газета, издававшаяся школой. Активно участвовали школьники и учителя в строительстве и работе сельского Народного дома, ими в селе были посажены и выращены два сада с 600 деревьями. Работники школы постоянно выступали с докладами на окружных курсах и конференциях педагогов. Сам Боголюбов руководил окружными конференциями учителей-словесников, был делегатом всесоюзной конференции словесников, рецензировал производственные планы окружных школ повышенного типа [4, л. 78-81].

В завершение еще один пример, характеризующий роль и значение Боголюбова в общественной и культурной жизни Веселоярска. В конце апреля 1928 г. в Веселоярск прибыли несколько первых тракторов марки «Фордзон», которые должны были работать

на полях веселоярской коммуны. По этому случаю был открыт митинг. Его открыл и выступил с речью Е.А. Боголюбов. И далее приведем выдержку из эмоциональной зарисовки корреспондента окружной газеты «Степной пахарь»: «Трактор зачихал и тронулся. Лемеха плуга врезались в пахнущую весной землю, и за машиной побежала глубокая влажная борозда. Вот это да! – ахнули бородатые хлеборобы. Вот это сила!» [5].

Жить бы и работать Евгению Александровичу и дальше так же плодотворно, но все изменилось в 1929 г., когда в журнале «Просвещение Сибири» №4 была опубликована статья Зафермана «Идеологическое вредительство», посвященная работе Е.А. Боголюбова в веселоярской школе. («Просвещение Сибири» – журнал по вопросам педагогики и просвещения. Под разными названиями издавался в Новониколаевске (Новосибирске) с мая 1923 по конец 1939 гг. – Автор). В ней Боголюбов обвинялся в том, что «с известной выдержкой и тактом, незаметно, недоказуемо и неуловимо» [4, л. 78] занимался идеологическим вредительством в порученной ему руководству школе. Поводом для публикации послужила статья Боголюбова «Не опасность ли это?», помещенная в школьном ученическом журнале еще в 1926 г.

В ней он писал: «Подготавливаем кошмарную жизнь для себя и губим будущность наших детей... » и выступал против резкой конфронтации в обществе, против попыток натравливания людей друг на друга и внесения принципов классовой борьбы в воспитательный процесс [4, л. 75]. Статья носила дискуссионный характер и уже тогда была раскритикована на окружной конференции учителей. Для разбора «ошибок», допущенных в ней Боголюбовым, была создана специальная комиссия, но в тот раз дело обошлось без каких-либо последствий.

Еще одно обвинение против Боголюбова в статье Зафермана было связано с тем, что при составлении истории села он проявил грубое искажение классовой борьбы, в частности, учениками были опрошены самые первые поселенцы, большинство которых являются кулаками и портреты которых были выставлены на выставке, посвященной истории села. В статье приводились и такие подробности из личной жизни Боголюбова, которые никак не могли быть известны Заферману после знакомства со статьей Боголюбова. Заферман писал, что в квартире Боголюбова находятся иконы и горит «неугасаемая лампада», и в этой связи можно предположить, что

помимо статьи Боголюбова Заферман пользовался и еще какими-то другими источниками, заранее предоставленными ему недругами Боголюбова.

Можно попытаться ответить на вопрос: зачем понадобилось ждать столько времени и почему травля Боголюбова началась именно в этот момент?

Во-первых, в июле 1927 г. вышло постановление Совета Народных комиссаров РСФСР, подготовленное на основе доклада народного комиссариата просвещения о состоянии школ повышенного типа, в котором были указаны и недостатки, задерживающие развитие подобных школ. Среди них был и такой, как «невысокий процент обслуживания школой детей рабочих и крестьян, в особенности детей низкооплачиваемых категорий рабочих, батраков и бедноты». В постановлении рекомендовалось: «особое внимание обратить на постановку преподавания в школах обществоведения и, вместе с этим, общественно-политического воспитания учащихся ...» [6]. Естественно, что постановление было доведено до соответствующих структур народного образования всех уровней.

Все указанные недостатки были найдены и в Веселоярской школе. По данным ОкрОНО, с 1923 по 1928 гг. в школе обучались в основном дети середняков и зажиточных крестьян, из них около 10 процентов были детьми священников и торговцев и лишь несколько процентов приходилось на детей батраков. Отметим, что вины Боголюбова в этом не было. В школе могли обучаться дети, имевшие определенный запас знаний, а малограмотные, зачисляемые по классовому принципу, не справлялись с предлагаемой программой обучения. Эти и другие сведения об «идеологическом вредительстве» Боголюбова приводились в статье, опубликованной в окружной газете и подписанной одним из бывших учеников Боголюбова. В ней же в красочной форме давался и его негативный словесный портрет.

Автор писал: «Умение литературно выражаться позволяло Боголюбову «красиво распинаться перед любой собравшейся аудиторией. Сутуловатый, интеллигентская фигура, под «керенского» волосы – любила поглагольствовать», и далее «Боголюбов болел душой за кулацких детей... . Под народом Боголюбов скрывал в школе зажиточных, детей попов и торговцев»» [4, л. 90].

Нужно учесть и еще одно обстоятельство. В это время в стране начинается переход к массовой коллективизации. Поведение

веселоярцев и их отношение к объединению крестьян стало поводом для выступления в краевой печати представителя краевых властей Н. Нусинова. Он писал следующее: «В с. Веселый Яр Рубцовского района на объединенном собрании ячеек ВКП и ВЛКСМ раздавались голоса о том, что зря преследуют частника, который лучше платит крестьянину за хлеб, чем государственные и кооперативные заготовители. На этом же собрании было заявлено, что из коллективизации ничего не выйдет, так как «все бедняки – лодыри». Секретарем ячейки в Веселом Яре состоит товарищ, окончивший коммунистический вуз в Ленинграде, обществовед местной девятилетки» [7, с. 18]. Темпы коллективизации в Веселоярске были неудовлетворительными. Из почти 900 индивидуальных хозяйств села в различных колхозах и объединениях числилось не более одной четверти.

Вот почему делу Боголюбова и «боголюбовщине» с самого начала была придана политическая окраска. В целях своей реабилитации Евгений Александрович написал в редакцию журнала письмо, в котором весьма аргументированно опровергал выдвинутые против него обвинения, что вызвало дальнейшую негативную реакцию всех властных структур округа. Из редакции копия письма была направлена в окружной отдел народного образования с заданием дать оценку деятельности Боголюбова за все годы его работы в школе. Кампания по дальнейшей дискредитации Боголюбова стала набирать ход. Под сомнение были поставлены все его заслуги и достижения на педагогическом поприще. Редакцией была запрошена оценка его деятельности от партийной и комсомольской организаций веселоярской школы и педагогического коллектива.

В ответном письме руководство Рубцовского ОкрОНО полностью соглашалось с «фактами, приводимыми в статье Зафермана, а также с оценкой «боголюбовщины» как теории, проводимой в форме «внеклассового» и «надклассового» воспитания в школе. В основном, эта теория сводилась к медленному систематическому расшатыванию основ единой трудовой школы» [4, л. 82]. Все аргументы Боголюбова в ответе ОкрОНО были признаны несостоятельными. Ответ заканчивался следующим замечанием: «Вообще же Боголюбову приходится удивляться, как умело он использовал необходимость ОкрОНО приглашать специалистов на ответственные производственные посты. Как художественно им

обставлена была его работа, разлагающая внутренним содержанием молодёжь, направляющим её на вражеский классовый путь».

В июне 1929 г. состоялось заседание Веселоярской ячейки ВКП(б), в резолюции которого «боголюбовщина» была определена, как «сложившаяся теория, проводимая ряд лет в школе, незаметно разлагающая устои советской школы». Резолюция заканчивалась следующим призывом: «В период разгара классовых боёв, советский учитель не может и не должен плестись в хвосте классового расслоения, потому партийная организация и местная советская общественность вправе надеяться, что и веселоярское учительство резко порвёт с боголюбовской теорией и станет в первые ряды бойцов на фронте классовой борьбы» [4, л. 87].

Было проведено и общее собрание старшеклассников школы, многолетних учеников Евгения Александровича. Решением собрания его деятельность была определена как вредительская, с предложением «о снятии его с педагогической работы где бы то не было, лишив его одновременно права голоса, как имеющего хозяйство, выходящее за пределы трудового» [4, л. 84].

Кроме Боголюбова из школы были изгнаны ещё несколько учителей, которых обвинили в пособничестве и поддержке «боголюбовщины». Один из них, Горюнов, по мнению коммунистов Веселоярска, «так показал себя: а) Открыто выступал против самообложения. б) Смеялся и старался подорвать авторитет общественных работников (партийцы-попугаи, комсомольцы-дураки – его изречение). в) Заявил, что «комсомол России сбился со своего пути». г) Доказывал существование Бога, работая на квартале. д) Развратил идеологически ученицу Шипулину, стоявшую у него на квартире, которая стала проповедовать в школе несуществование классов в деревне». Другой обществовед Седякин («один из последних отпрысков боголюбовской теории», как он был назван в резолюции веселоярской комячейки-Автор) на заседании учебно-воспитательной секции заявил, что «крестьянство презирает учителей за то, что они являются пособниками партии» [4, л. 86].

Стоит отметить, что ввиду столь тяжких обвинений эти так называемые «боголюбовцы» отделались ещё сравнительно легко. Несколькими годами позже они бы получили реальные сроки наказания, а то и расстрел. Сам же Евгений Александрович после увольнения был вынужден уехать из села и искать новое место работы. Место нашлось в Бийском округе, где Евгений

Александрович был принят заведующим воспитательной частью одной из школ 2-й ступени. Но и там его не оставили в покое. Соответствующие органы (так они названы в письме заведующего Бийским ОкрОНО Гусарова, заведующему Рубцовским ОкрОНО) затребовали характеристику на Боголюбова, как работника в связи с публикацией статьи Зафермана [4, л. 75].

ОкрОНО были приняты меры и по полному отлучению вышеупомянутого обществоведа Седякина от преподавательской деятельности. В Ленинградский педагогический институт имени Герцена, студентом-выпускником которого являлся Иван Иванович Седякин, было направлено письмо под грифом (секретно), в котором заведующая отделом Чернавская сообщала, что он «является чуждым нам человеком и не проводит линию политики партии». И далее: «ОкрОНО, не желая иметь подобного работника у себя, освободило тов. Седякина от занимаемой должности... и считает нецелесообразным выдачу диплома человеку, являющемуся противником партии» [4, л. 39].

Второй период жизни и творчества Евгения Александровича Боголюбова, о котором у автора имеется небольшая информация, связан с его пребыванием на Урале, а именно в Перми и Свердловске. Самые ранние сведения датируются 1940 г., когда был написан его портрет известным пермским художником И. Россиком (Иван Игнатьевич Россик – живописец, член Союза художников СССР (1909-1977). Окончил Ленинградскую академию художеств. С 1932 г. жил и работал в Перми. Автор жанровых композиций, портретов, пейзажей, натюрмортов. Работы художника хранятся в Пермской государственной галерее, Пермском краевом краеведческом музее) [8]. В это время Е.А. Боголюбов был профессором Пермского (Молотовского) педагогического института. Следующее упоминание о нем связано с началом Великой Отечественной войны. В этот день студентов пединститута собрали в большом актовом зале и перед ними выступил Е.А. Боголюбов. Вот что вспоминал об этом один из выпускников института: «Пусть фашисты не грозят, силою не хвалятся, Красная армия сильна, с ними она справится!» – под бурные аплодисменты закончил свою речь профессор Евгений Александрович Боголюбов.

Основной темой творческой деятельности Евгения Александровича стало изучение литературного наследия знаменитого уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, которому он

приходился дальним родственником [9, л. 6]. В том же 1941 г. Евгений Александрович принимает активное участие в первой научной конференции, посвященной творчеству Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, которая была организована и проведена в Свердловске. Ее вдохновителем и руководителем стал другой, не менее известный уральский писатель П.П. Бажов, автор всемирно известной «Малахитовой шкатулки». Конференция объединила почти всех известных к тому времени исследователей творчества Мамина-Сибиряка из Москвы, Ленинграда, Караганды, Свердловска, Перми. Работу конференции активно освещала местная печать, в частности, газета «Уральский рабочий». Местом проведения конференции стал только что открытый филологический факультет Уральского университета.

Е.А. Боголюбов выступил с докладом «Д.Н. Мамин-Сибиряк периода анонимного творчества». Его выступление было особо отмечено П.П. Бажовым при подведении итогов как подлинно исследовательское, давшее научно обоснованную атрибуцию и глубокий анализ образной системы творчества Мамина [10, с. 105]. Нужно отметить, что и сегодня, несмотря на прошедшие десятилетия, эта работа не потеряла своего научного значения. Вот как оценивает вклад Е.А. Боголюбова в изучении раннего творчества Мамина-Сибиряка современный исследователь Н.А. Кунгурцева в своей кандидатской диссертации: «Е.А. Боголюбов собрал воспоминания, переписку писателя, официальную семинарскую документацию и подробно обрисовал жизнь Мамина-семинариста и Мамина-студента. Огромной заслугой в сохранении наследия уральского писателя является исследовательская работа Е.А. Боголюбова по идентификации произведений писателя 1875-1877 гг. Им определена принадлежность ряда рассказов этого периода перу начинающего писателя: «Старцы», «Старик», «В горах», «Не задалось», «Русалки», «Тайны зеленого леса»» [11, с. 15].

Решением конференции была создана постоянная комиссия по организации изучения творчества писателя, в которую вошел и Е.А. Боголюбов. Комиссия должна была начать подготовку к проведению юбилейных маминских дней в 1942 г. и сооружению памятников Мамину-Сибиряку.

В декабря 1947 г. состоялась вторая конференция, посвященная творчеству Д.Н. Мамина. Председателем комитета снова был П.П. Бажов. Для выступления Е.А. Боголюбов подготовил доклад

«Философские и политические взгляды Д.Н. Мамина», но из-за болезни не смог приехать. Тем не менее он хотя бы заочно был ее активным участником, чье мнение о Мамине-Сибиряке высоко оценивал П.П. Бажов. В музее писателей Урала сохранилось письмо П.П. Бажова к Е.А. Боголюбову, в котором он давал оценку докладам выступивших и признавал, что на этот раз конференция прошла не на высоком теоретическом уровне [12]. И все же в конференции участвовали почти все уральские исследователи творчества Мамина-Сибиряка. На заседаниях присутствовали учителя, краеведы, писатели, студенты.

15-17 октября 1950 г. состоялось расширенное заседание ученого совета литературного музея имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, посвященное подготовке к 100-летию писателя. Е.А. Боголюбов выступил с докладом «Мировоззрение Д.Н. Мамина-Сибиряка и его связи с идейным наследием 60-х годов XIX века» [10, с. 7].

Кроме этих выступлений перу Е.А. Боголюбова принадлежат и многочисленные статьи, посвященные изучению различных аспектов наследия Мамина-Сибиряка. В их числе «Пермский период жизни Мамина-Сибиряка», «К вопросу о художественных интересах и вкусах Мамина-Сибиряка», «Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка» и др. Нужно отметить и огромный вклад Е.А. Боголюбова в подготовку и издание первых собраний сочинений Мамина-Сибиряка. Он автор предисловия и редактор собрания сочинений Мамина-Сибиряка в 12 томах, вышедшего в Свердловске в конце 40-х гг. В 1953 г. в Москве в издательстве «Художественная литература» вышел том избранных сочинений Мамина-Сибиряка с вступительной статьей Е.А. Боголюбова.

Дополнительные сведения о пермском периоде жизни Е.А. Боголюбова имеются в Пермском государственном архиве, где хранится его дело, а также в архивной коллекции документов, собранных А.К. Шарцем [13]. К сожалению, все эти материалы автору пока не доступны. Кроме того, новую информацию возможно получить из переписки Е.А. Боголюбова с писателем С.Ф. Буданцевым (Сергей Федорович Буданцев – писатель, сотрудник издательства «Круг», печатался в журнале «Красная новь», годы жизни: 1896-1941 – Автор), которая находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) [14].

В начале 50-х гг. (точная дата автором пока не установлена) Евгений Александрович Боголюбов переезжает в Москву, где работает заведующим кафедрой литературы и деканом театроведческого факультета ГИТИСа (Государственного института театрального искусства). Его жизненный путь закончился в 1957 г. Похоронен Е.А. Боголюбов на Новодевичьем кладбище [15].

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф25. – Оп1. – Д.1.
2. Список населенных мест Сибирского края. Выпуск 8. Рубцовский округ. Новосибирск, 1928.
3. Бубеннов М. Светлая даль юности. М., 1984.
4. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.25. – Оп.3. – Д.1 (Из письма Е.А. Боголюбова в редакцию журнала «Просвещение Сибири»).
5. Степной пахарь. – 1928. – 12 апр.
6. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Постановление Совнаркома РСФСР от 23 июля 1927 г. www.LibUSSR.ru
7. Нусинов Н. Хлебозаготовительные пятна (об ошибках рубцовских товарищей). – На ленинском пути. – Новосибирск. – 1928. – №4.
8. Иван Россик: каталог выставочных произведений. Пермь, 1969.
9. Литературный квартал (газета объединенного музея писателей Урала). – Декабрь 2005 – февраль 2006. – №2.
10. Приловская О.В. Вклад П. Бажова в изучение творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка (1930-1940 гг.) // Известия Уральского государственного университета. – 2009 г. – №4 (68).
11. Кунгурцева Н.А. Типология пространства в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка: 1875-1882 гг.: дисс. ... к. филол.н., Екатеринбург, 2009.
12. П.П. Бажов – Е.А. Боголюбову. – 1948. – Янв. – Фонды объединенного музея писателей Урала.
13. Государственный архив Пермской области. – Ф.3 – Оп.3 – Д.45; Архивная коллекция документов, собранная А.К. Шарцем. – Ф.719. – Оп.1. – Д.309.

14. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – Ф.2268. – Оп.1. – Д.87.
15. Кипнис С.Е. Новодевий мемориал. М., 1995.

Немецкие переселенцы

Первые немцы в России появились ещё в конце первого тысячелетия нашей эры. Значительное число их поселилось в России в конце XV – начале XVI вв. как специалисты военного искусства, ремесел, медицины. Их появлению активно способствовали и такие государи, как Иван Грозный и Петр I.

Массовым их приток в Россию стал во времена Екатерины II, которая решила колонизовать недавно завоеванные и остающиеся ещё незаселенными земли юга России. В 1762 г. был издан манифест о колонистах, а в 1763 г. появились два указа, которые законодательно оформили основы колонизации в России.

Первые немцы на территории Сибири появились ещё в начале XVIII в. в составе войсковых частей и горных поисковых отрядов. Здесь они обзавелись семьями и остались на жительство. Основными местами их проживания стали крупные города, которые были административно-хозяйственными центрами (Тобольск, Томск, Омск, Барнаул). До середины XIX в. немцы, как правило, занимали офицерские должности. Усиление роли этнических немцев и немецкой общины связано с развитием горно-металлургической промышленности на Алтае и в Забайкалье. Кризис кабинетского хозяйства середины XIX в. привел к значительному сокращению заводского персонала и ликвидации самих заводов. К пореформенному периоду численность немецкой общины в Сибири резко сократилась [1].

Основной причиной быстрого роста численности немцев и формирования этнотерриториальной группы немцев Сибири в конце XIX в. стали добровольные переселения. Если раньше немцы в Сибири проживали в основном в городах, то теперь основную массу переселенцев составляли сельчане. По мнению Л.В. Малиновского, толчком к этому процессу стали внутренние, аграрные и демографические противоречия в старых колониях, в частности, перенаселение этих колоний и появление значительного количества безземельных [2, с. 94].

Оптимальным выходом из этой ситуации было переселение избыточного населения в другие регионы. В пореформенный период наметилось два основных пути этого переселения – эмиграция в Америку и образование дочерних колоний в малонаселенных восточных районах России. Первые крупные немецкие села в Сибири были основаны переселенцами из Поволжья. В 1893 г. образовано с. Александровка в Омском уезде Акмолинской области. К 1896 г. здесь была организована Александровская волость, которую иногда называют Немецкой волостью. Вторым крупным очагом немецкой крестьянской колонизации стал Алтайский округ. Первое крупное село Подсосново образовано переселенцами из Поволжья в 1894 г. [3, с. 175]. К концу XIX в. численность немцев в Сибири составляла около 5,5 тыс. чел., или 0,3 процента немецкого населения России и 0,09 процента населения Сибири [3, с 174].

В начале XX в. численность немецких переселенцев в Сибирь увеличивается, начинают преобладать переселенцы из разных губерний Европейской России, но также сохраняется и традиционное направление миграции из Поволжья. Большое количество немцев переселилось в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы.

В начале XX в. появляются немецкие поселения и на территории современного Рубцовского района. Большая часть его земель к этому времени была уже заселена, но восточная сторона оставалась почти нетронутой. Здесь уже был поселок Московка, а южнее располагалось большое старинное село Локоть. Об основании одного из немецких сел района – Саратовки – имеется запись воспоминаний первых поселенцев. «Проживал в Саратовке Егор Андреевич Трупп. Родился он в Поволжье, в Саратовской губернии. О переселении на Алтай рассказывал так: «Прослышал отец, что где-то в далекой Сибири много вольготной плодородной земли, сговорился с товарищами, нашел единомышленников, и решили они снарядить ходоков в далекие края. Доверили это важное дело Миллеру и Нагелю. Прибыли, и на этом месте, где сейчас расположено село, вкопали столбик. А вернувшись домой, стали собираться, укладывать пожитки для большой дороги. Мне было тогда всего семь лет, и в памяти сохранились лишь некоторые моменты из рассказов отца. До Семипалатинска добирались на пароходе, а там купили пару лошадей, бричку и караваном повозок двинулись к месту назначения. Выбранное ранее место понравилось всем. Степи были нетронутыми, долины были в разнообразии трав и цветов. Миллер и другие

переселенцы делали разметки для землянок. Скоро стали прибывать новые люди с Поволжья. Деревня стала расти. Прибыл откуда-то землемер по фамилии Жеребенкин, отвел нам землю. Зажили в первое время жители вроде бы и неплохо. Нашей семье нарезали 12 десятин земли. У нас было две лошади, купили корову. Это был 1903 г.» [4].

Этот же год считается годом основания ещё одного немецкого села в Рубцовском районе – Романовки. Первоначально село носило название – Блюменталь (Цветочная долина), но в 1915 г. было переименовано в связи с начавшейся первой мировой войной (немецкие названия в России стали непопулярны – Авт.). В числе его первоселенцев были семьи Беккер, Крафт, Миллер, Моар, Супин, Шлетгауэр, Пропп, Винк. Почти все поселенцы прибыли на рубцовскую землю из Саратовской губернии. Позднее к ним присоединились немцы из Таврической губернии. В 1917 г. была проведена перепись населения. Переписали и жителей Блюменталья. В это время в селе насчитывалось 39 дворов, в которых проживал 101 чел. Одному из основателей села – Георгию Миллеру в это время было 44 года, его жене Екатерине Яковлевне – 33. В семье росли два сына и две дочери. В хозяйстве Миллера было 7 лошадей, 12 голов крупного рогатого скота, 16 овец. Миллеры засевали 12 дес. пшеницы и 4 дес. овса [4].

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. стал периодом зарождения и формирования немецкой диаспоры в Западной Сибири. К 1915 г. здесь, в немецких колониях, а также в некоторых других сельских селениях проживали уже более 80 тыс. немцев. Они имели в своем землевладении и землепользовании около 750 тыс. десятин земли [5, с. 143].

Этот период выделяют как период массового добровольного переселения немцев в Сибирь. Начало первой мировой войны коренным образом изменило характер переселения. Добровольные миграции сменяются депортациями и насильственными переселениями. Во время войны на территорию Сибири попали и интернированные немцы из Восточной Пруссии, среди которых были и военнопленные, и мирные жители. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в СССР 1238549 немцев, в Сибири их проживало 86469 чел., в том числе в Западной Сибири – 75250 чел. В Рубцовском округе насчитывалось 1929 чел. немецкой

национальности, в том числе в Локтевском районе – 1270, в Рубцовском – 570 [3, с. 176].

На Алтае немцы жили компактно, в колониях, образованных на переселенческих участках. В Рубцовском округе 97 процентов немецкого населения проживало в Локтевском и Рубцовском районах, из них мужчин – 997 чел., женщин – 898. Половина (49,6 процента) была грамотной, что более чем в два раза превышало среднесибирский уровень [6]. Первоначально переселенцы придерживались тех традиций строительства, которые были характерны для мест их выхода, с поправкой на природно-климатические условия места вселения. Поселенцы строили землянки из пластов, которые они называли «пластьянки». Земляные пласты толщиной 10-20 см нарезали плугами, обычно на буграх, где земля была неплодородная. Для стен пласты ставили в два ряда. Для крыши на стены клали жерди, на них хворост, и сверху опять укладывали земляные пласты. Такая конструкция крыши применялась для подсобных помещений. Для жилых помещений старались делать настил из досок, на которые клали хворост и пласты. Пластьянки обычно получались невысокие, зимой их заносило снегом так, что даже труб не было видно. Пластьянка стояла несколько лет, пока не начинала рассыпаться. Разрушение стен такого дома происходило из-за рассыпания корневых систем трав, которые скрепляли землю. Возле дома на зиму делали навес из хвороста акаций для защиты входа дома от снега.

Через некоторое время немцы начинали строить саманные дома. Саман делали из смеси глины, соломы и воды. Для изготовления саманных кирпичей применяли деревянные формы. Приготовленные кирпичи сушили на солнце в течение месяца. Саманные дома строились без фундамента. В строительстве дома принимали участие соседи, друзья. За помощь в строительстве не платили, хозяйка готовила на всех обед и угощала строителей. Большинство домов строилось в глубине усадьбы, они были повернуты боковой стороной к улице. Преобладала линейная планировка дома. Печь располагалась в центре дома, чтобы обогревать все помещение. Толщина стен достигала 50-70 см. Число окон было минимальным, и они располагались с подветренной стороны. Вход в жилище располагался через кухню или подсобные помещения. Деревянные дома из-за дороговизны леса долгое время не строили. Также строились дома из камыша. Ставили столбы, между которыми прибивали ряд реек,

которые переплетались камышом. Камыш потом обмазывали глиной и белили. Усадьбы не обносились заборами, либо разграничивались посадками, либо простыми перегородками. Двор могли огородить жилыми постройками [7].

Не обошли сибирских немцев и политические репрессии. Всего в Алтайском крае были репрессированы представители 25 национальностей. Кроме русских больше других в процентном отношении пострадали украинцы и немцы. В 1920-1930 гг. в Алтайском крае было репрессировано 147 немцев из общей численности в Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае в 186 чел. Этот же показатель за 1931-1941 гг. в крае равен 2443 чел. при 5267 репрессированных в крае и двух указанных областях, вместе взятых [8, с. 107]. В Рубцовском районе были осуждены и расстреляны более 30 жителей Романовки и 45 жителей Саратовки. Приведем краткие биографии некоторых из них. Пропп Яков Яковлевич, родился в 1892 г. в Саратовской губернии. Член колхоза «Новая деревня» с. Саратовка. Осужден по статье 58 УК РСФСР, пункты 2, 9, 11 (вооруженное восстание с целью захватить власть, причинение ущерба государственного и общественного имущества). Клейн Генрих Генрихович, родился в 1901 г. в Томской губернии. Учитель. Осужден по тем же статьям и расстрелян в Барнауле. Шеслер Кондрат Христианович, родился в 1888 г. в Донской области. Кузнец колхоза «Ландман» с. Саратовка. Умер в тюрьме г. Рубцовска [9].

В августе 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Так началась новая страница в истории российских немцев. Указ распространялся на немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей, где проживало почти 480 тыс. немцев. Осенью 1941 г. только в Алтайском крае планировалось расселить 95 тыс. чел. Депортация проводилась опергруппами из работников НКВД и милиции. Они составляли списки выселяемых, занимались приемом их имущества. В городах переселение проходило по районам, на селе выселялись немецкие колхозы целиком. Квартиры горожан опечатывались, имущество передавалось под ответственность домоуправляющих. К местам поселения немцев отправляли в эшелонах по железной дороге либо водным транспортом. В пути их сопровождали сотрудники НКВД, красноармейцы. В каждом вагоне, оборудованном для перевозки

людей, планировалось разместить 40 чел. В пути депортируемые должны были получать два раза в сутки горячую пищу и 500 гр. хлеба на человека. В реальной жизни эти условия соблюдались далеко не всегда. С собой выселяемым разрешалось брать личные вещи, мелкий хозяйственный инвентарь и продукты [10].

На совместном заседании бюро Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома от 3 сентября 1941 г. было принято постановление «О приеме и расселении в Алтайском крае эвакуированного населения». В нем рассматривались меры по устройству немцев, назначались ответственные. Главной проблемой стало жилье. На Алтае практически не было свободного жилья. Решить проблему предлагалось методом подселения и уплотнения местных жителей. Райисполкомам предлагалось оказывать помощь переселенцам продуктами питания, деньгами, одеждой, обувью и мебелью [11]. Вот как вспоминал о выселении житель поселка Зеленая Дубрава Эшкар Генрихович Реймхен. Перед войной их семья жила в Крыму. «В июле 1941 г. поступила команда о нашем выселении. А это ведь целый поселок. Вынуждены были бросить все: дома, хозяйство, вещи. В чем были, в том и повезли нас на станцию. Жуткая картина: коровы недоенные, свиньи некормленные, куры, кролики бегают. У некоторых так даже тесто на столе осталось. Многие, покидавшие насиженные места, рыдали, были сердечные приступы и нервные расстройства» [12].

Основная масса российских немцев прибыла на территорию Западной Сибири в период с сентября 1941 по январь 1942 г. Первые эшелоны пришли из Республики немцев Поволжья. В новых местах проживания все немцы расселялись в колхозах, совхозах, районных центрах независимо от того, где они жили до депортации: в городах или селе. Свободных домов для заселения не хватало, поэтому семьи расселялись и в бараках, и в землянках, подсеялись в дома местных жителей. В Западную Сибирь были направлены немцы и из других районов страны. В Алтайский край в октябре 1941 г. были направлены эшелоны из Одесской области – 6 тыс. чел., Днепропетровской – 3200 чел., Куйбышевской – 550 чел. Во время переселения немцы, как правило, сохраняли членство в ВКП(б) и комсомоле. Многие наивно верили, что после войны смогут вернуться на прежнее место жительства, что переселение – не больше, чем эвакуация. Поэтому часто не желали обзаводиться хозяйством в Сибири [10].

Согласно всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., в Западной Сибири проживали 101300 чел. немецкой национальности, что составляло 1,1 процента от общей численности населения региона. К началу 1942 г. на территории Западной Сибири находилось уже около 300 тыс. немцев. Статус немецкого населения в Западной Сибири на протяжении 1940-х гг. имел две стороны: формальную и реальную. Первая складывалась из нормативно-правовых актов партийных и государственных органов. Реальное положение немцев во многом зависело от взаимоотношений местного и переселенного немецкого населения. В научной литературе выделяют три этапа формирования правового статуса немцев. Первый – 1941-1944 гг. – процесс выселения и формирования системы спецпоселений. Второй – 1944-1949 – оформление нормативной базы, закрепление юридического статуса немцев-спецпереселенцев. Третий – начало-середина 50-х гг. – ослабление и снятие режима спецпоселения [13].

Все спецпоселенцы подлежали учету в спецкомендатурах, районных отделениях НКВД по специальным карточкам: 1 – семейная, для учета глав семей; 2 – персональная, для учета каждого спецпоселенца; 3 – суммарная, для учета детей, не достигших 16-летнего возраста. Карточки заполнялись на основании паспортов (старые паспорта изымались и в городах выдавались новые с отметкой о разрешении проживания в пределах данного района), свидетельств о браке, рождении, эшелонных списков. В карточке указывались данные о времени и месте рождения спецпоселенца, его отношении к главе семьи, национальности и специальности, роде занятий до переселения, дате прибытия на место поселения, делалась отметка о трудоспособности [14].

Важное место в деятельности спецкомендатур уделялось агентурно-оперативной работе среди спецпереселенцев. В ее задачи входило выявление и пресечение попыток бегств с мест расселения, содействие розыску и задержанию бежавших, выявление упаднических настроений. Агентурно-осведомительная сеть формировалась с охватом всех пунктов расселения. Один осведомитель должен был обслуживать 20-30 семей, в действительности эта сеть была более густой. На первом этапе вербовки оперработником изучались политические и деловые качества кандидата, его связи со спецпоселенцами. Затем намеченное лицо вызывали для личного знакомства и предварительной беседы,

по результатам которой принималось окончательное решение о вербовке. Если выбранный человек отказывался, с него бралась подписка о неразглашении, если соглашался – бралась подписка о сотрудничестве, составлявшаяся от руки в произвольной форме и хранившаяся в личном деле осведомителя. Для агентов и осведомителей предусматривалось вознаграждение за труд: материальное (денежное), в том числе для оперативных целей, или в виде «лучшего устройства или перевода в порядке поощрения в лучшие климатические и хозяйственно-трудовые условия» [14].

В годы войны промышленные предприятия испытывали острую нехватку работников. Чтобы сократить его дефицит, активно использовался принудительный труд депортированных разных национальностей, в том числе и немцев. С сентября 1941 по январь 1942 г. в рабочие колонны, как они назывались, стали мобилизовывать немцев, отозванных из армии. Затем, с января по октябрь 1942 г., стали призывать мужчин от 17 до 50 лет.

С октября 1942 г. в рабочие колонны призывались не только мужчины, но и женщины. Рабочие колонны получили еще название «тудармия». Она представляла собой систему рабочих формирований, сочетавших элементы военной организации, лагерного режима содержания и производственной деятельности. Людей, призванных в тудармию, постоянно перебрасывали с одного места на другое, не давая возможности обустроиться. Условия жизни тудармейцев были крайне тяжелыми. На местах работы немцы помещались в «зоны», огороженные колючей проволокой, с вооруженной охраной. Нормы продовольственного и промтоварного снабжения устанавливались по нормам ГУЛАГа. Часто продовольствие не доставлялось вовремя. Люди не всегда имели одежду, обувь [10].

«Мужчин в немецких поселках Рубцовского района не осталось. Были только старики, часть женщин и дети. Почти всех трудоспособных принудительно отправили в трудовую армию. Немцы-рубцовчане работали на шахтах Кузбасса, на стройках Алтайского края (строили Михайловский содокомбинат, железные дороги Барнауль-Алаббай, дорогу на Малиновое озеро). Поработали они и на строительстве рубцовских заводов» [10].

Работавшие в тудармии не относились к числу заключенных. Мобилизация шла через военкоматы, но немцы не причислялись к военнослужащим. Непосильный труд приводил к высокой

смертности, но умерших не учитывали, поэтому назвать точное число погибших трудармейцев невозможно [10].

Библиографический список

1. Шайдуров В.Н. Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) – Новый исторический вестник. – 2009. – №17.

2. Малиновский Л.В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.

3. Смирнова Т.Б. Миграция и динамика численности немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XXI в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.

4. Хлебороб Алтай – 2003. – 30 апр.

5. Вибе П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.

6. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск, 2007.

7. История немецких поселений Алтай [Электронный ресурс]// <http://serpikom.narod.ru/menno.html>

8. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №357.

9. Печерин И. Немцы на Рубцовской земле: их жизнь и трагедия // Хлебороб Алтай. – 2003. – 24 мая.

10. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941-1945 гг.) // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999.

11. Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941-1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.

12. Либига В. Образец выживания // Хлебороб Алтай. – 2001. – 21 февр.

13. Оберддерфер Л.И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941-1944 гг.) Действительность и правовой статус // Сибирь в XVII-XX веках; Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999-2000 гг. – Новосибирск, 2002.

14. Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941-1955 гг.) [Электронный ресурс] // <http://www.memo.ru/history/new/Chapter4.htm>

Железная дорога Новониколаевск – Семипалатинск

Идея строительства дороги на Алтай возникает ещё в середине XIX в. При этом предлагались самые разные варианты её направления, среди которых были такие, как Саратов – Семипалатинск – Минусинск, Оренбург – Бийск, Оренбург – Семипалатинск, Омск – Барнаул – Бийск и др. Все это были лишь умозрительные, не подкреплённые никакими практическими расчетами проекты. Реальная потребность в строительстве дороги на юг в Среднюю Азию проявилась сразу же после постройки Транссибирской железной дороги. В первые же месяцы её эксплуатации выяснилось, что она не в состоянии удовлетворить интересы алтайских промышленников и купцов, которые имели возможность доставлять свои грузы на нее, используя всего два варианта: летом в короткие месяцы навигации по Оби и зимой, гужевым транспортом. Такое положение тормозило развитие общероссийского рынка и экономическое развитие всего юга Западной Сибири.

Основными оппонентами в выборе направления дороги стали алтайские и томские предприниматели. На совещании в Томске с представителями Кабинета по выработке плана железнодорожного строительства в Томской губернии в ноябре 1908 г. представители Томска высказались за направление Барнаул – Тайга, а представители алтайских городов – за направление Барнаул – Новониколаевск [1].

Главную роль в отстаивании алтайского проекта сыграл городской голова Новониколаевска Владимир Ипполитович Жернаков. Его поддерживали руководители городских дум Барнаула, Бийска, Семипалатинска. В это время Томск постепенно утрачивает свое экономическое влияние, а Новониколаевск превращается в крупнейший экономический центр всего региона. В 1909 г. Жернаков посылает в столицу «Соображения о стратегическом

значении железнодорожной линии Семипалатинск – Барнаул – Бийск – Новониколаевск», «Ходатайство алтайских городов перед Управлением Кабинета Его Императорского Величества». В 1909-1911 г. Жернаков несколько раз сам ездил в Петербург, где убеждал членов Комиссии по железным дорогам поддержать алтайский проект. 27 апреля 1910 г. Комиссия проголосовала за дорогу через Новониколаевск с Бийской веткой, 27 марта 1912 г. положительное решение было принято на заседании Государственного совета, а 3 июня 1912 г. утверждено императором [2, с. 143].

Для выбора маршрутов пролегания железных дорог на территории Сибири работали изыскательские партии. Для организации сбора материалов был создан порайонный комитет, заседания которого проходили в Новониколаевске. Его представители вошли в состав Петербургской комиссии о новых железных дорогах. От Сибирского комитета членом комиссии был избран управляющий новониколаевским отделением Московского народного банка А.В. Витте, заместителем – профессор Томского технологического института А.В. Введенский [3, с. 218].

В апреле 1911 г. Совет Министров принял решение о передаче строительства Алтайской дороги в руки частных предпринимателей. Частное железнодорожное строительство разрешалось крупным акционерным компаниям, что способствовало концентрации капитала, созданию крупных монополий. К началу XX века в их ведении находилась треть всех железных дорог России [4, с. 12]. Общее руководство осуществляло правление акционерного общества. Главной задачей общества стала организация постройки и эксплуатации железной дороги. Общество с разрешения правительства получило право устраивать склады, элеваторы, речные пристани, подъездные пути к пристаням и заводам. В состав правления входили председатель, пять директоров и члены ревизионных комиссий – представители банков, железнодорожные промышленники, высшие чиновники [5].

Учредителем АО стал Русско-Французский банковский синдикат («Учетно-ссудный», «Петербургский Международный», «Русский» и «Торгово-Промышленный» банки). Впоследствии в состав консорциума вошли ещё пять российских и два французских банка. Руководящее положение в правлении акционерного общества Алтайской железной дороги занимал Учетно-ссудный банк. Правительство предоставило банкам значительные льготы:

освобождение от налогов, право на установление местных тарифов, право на получение половины всех сбережений при сокращении сроков строительства. При этом государство оставило за собой функции контроля и распределения. Правительство определяло и контролировало срок строительства, срок помещения капитала, срок выкупа дороги в казну [5].

Отчуждение земли для железной дороги повлекло за собой значительные убытки для крестьян, так как во многих местах линия проходила через пашню. После окончания изыскательских работ и отвода земель была утверждена окончательная стоимость дороги. Ее строительство было оценено в 60 млн. руб. [3, с. 220].

Техническое и административное руководство строительством осуществляло управление по сооружению линии под руководством главного инженера и его заместителей. Управление Алтайской дороги начало действовать с августа 1912 г. в Томске. С началом строительных работ оно было переведено в Новониколаевск. Для работы были привлечены квалифицированные кадры инженеров и техников с Северо-Донецкой, Сызрань-Вяземской дорог. Для закрепления кадров устанавливались повышенные должностные оклады, вводился коэффициент за дальность и суровые климатические условия. Работы начались 1 июня 1913 г. Главным инженером стал Г.М. Будагов, было образовано 8 строительных участков во главе с инженерами А.К. Пацевичем, Г.В. Ульянинским, А.Л. Орловым, М.В. Бартошевичем, А.И. Шидловским, Р.В. Слободским, В.Н. Хрнжстовским. Работы велись одновременно на всей линии. В 1913 г. на сооружении дороги трудились 19 тыс. чел., в основном из крестьян – сдельщиков окрестных деревень [3, с. 222].

Строительство дороги началось 1 июня 1913 г. одновременно от Новониколаевска и Семипалатинска. К ноябрю 1914 г. планировалось открытие временного движения до Новониколаевска. Велось строительство трёх основных депо на станциях Барнаул, Рубцовка и Новониколаевск. 1 августа 1914 г. началась первая мировая война. В условиях войны резко осложнились ведение работ и подготовка линий эксплуатации. В октябре 1914 г. правление общества Алтайской железной дороги направило главному инженеру предписание по сокращению расходов на строительство. Экономия отразилась на технических характеристиках дороги: уменьшилось количество станционных площадок, сократилось строительство путевых зданий, ухудшилось водоснабжение линий. Стрелочные

переводы, семафоры у путей – все было с ручными приводами. Рельсы были уложены на непропитанных шпалах, без металлических подкладок. Вместо щебенчатого балласта – земля и глина. В результате уже через несколько лет путь стал буквально разваливаться. И для ремонта магистрали постоянно приходилось привлекать немало людей [3, с. 225].

В конце 1914 г. на участке от Семипалатинска до Шипуново стало осуществляться временное движение, было отправлено несколько вагонов груза, преимущественно пшеницы, со станций Аул, Бековская, Веселый Яр, Рубцовка. Летом 1915 г. линия была в основном готова, её пуск сдерживался недоделками на мосту через Обь. С августа 1915 г. открылось временное движение между Барнаулом и Семипалатинском [5].

Начинается процесс оборудования железнодорожных мастерских, депо. Депо в Рубцовске было веерного типа с поворотным кругом и обслуживало самые современные на тот период паровозы. Рабочие-круговороты вручную поворачивали круг с паровозом к пути, который вел на свободную канаву. Была в депо своя электростанция с двумя двухтактными двигателями марки «Русь» по 12 л. с. и генераторами постоянного тока по 14 л. с. Рядом стояла столярная мастерская, разместившаяся в товарном вагоне без колес. В ней работала артель столяров. Изготовленные артелью деревянные диваны с эмблемой «АЖД» (Алтайская железная дорога) на спинке многие годы стояли в зале ожидания вокзала. Цеха отапливались чугунными печами. В 1913 г. было начато строительство приемно-отправочного пункта, состоящего из семи путей, на которых производилась сортировка, взвешивание и погрузочно-загрузочные работы. Пока не были построены водокачка, напорная сеть, водоемное здание и разводящая сеть водопровода, воду для паровозов и строительства депо возили от реки по специально построенной железнодорожной ветке. Ветка проходила мимо мельницы Белогорлова, примерно к тому месту, где позже возникла артель «Красный труженик». К паровозу прицеплялась платформа с двумя огромными бочками. В них и набирали воду из реки при помощи пульзометра. Позднее эти бочки использовались в составе специального инженерного поезда. В 1914 г. машинист Пайс Иванович Юсов пригнал на станцию два паровоза серии «БІ». 30 октября этого же года со станции Рубцовка в сторону

Семипалатинска отправился первый поезд с четырьмя грузовыми вагонами. Его вел машинист Иван Григорьевич Гусев [6].

Официальное открытие дороги произошло 3 ноября 1915 г. в Барнауле, а 21 декабря этого же года пассажирское движение поездов по линии Новониколаевск – Семипалатинск стало ежедневным.

Библиографический список

1. [Электронный ресурс] sovsk.ru/history/regsio1/022.htm<http://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Косарева И. За труды на пользу города // Созидатели. – Новосибирск, 2003. – Т. 2.
3. Баталова Т.И. Железнодорожное строительство на Алтае в начале XX в. // История Алтайского края. XVIII-XX вв.: науч. и док. материалы. – Барнаул, 2005.
4. Макаревич В.И. История Алтайской железной дороги (1897-1917 гг.). – Новосибирск, 1974.
5. [Электронный ресурс] <http://www.neuch.ru/referat/190108.html>
6. [Электронный ресурс] www.rubt

Начало регулирования Алея (проект М. Мичкова)

В настоящее время Алей является полностью зарегулированной рекой со значительными гидротехническими сооружениями как на самой реке (Гилевский гидроузел, подпорные плотины у с. Веселоярск и г. Рубцовск, Склюихинское водохранилище), так и на ее притоках (водохранилища на р. Клепечиха, Язевка, Зиминка и др.). Необходимость их была очевидна еще в самом начале использования сельскохозяйственных земель, расположенных в долине Алея. Первые поселенцы, появившиеся в этих местах в XIX веке, сразу же выяснили, что они попали в зону так называемого рискованного земледелия, где на один-два урожайных года приходится два-три неурожайных, связанных с недостаточным количеством влаги и высокими летними температурами.

Положение могло исправить только искусственное орошение. В 1898 г. с целью обводнения Коростелевской степи горный инженер Биль проводит изыскательские работы. Веселоярские крестьяне в начале XX века давали наказ своему односельчанину, депутату Государственной Думы А.Г. Мягкому помочь с обустройством канала для полива алейских лугов и получения стабильных

сенокосов. На сходах жителей Веселоярска предлагалось от канала проводить арыки и поливать посевы зерновых.

Строительство канала началось в 1911 г. после нескольких неурожайных засушливых лет. Канал протяженностью 14,5 км рыли более двух лет. Инженером строительства был Мухортов, гидротехниками В.В. Вилькевич, Плеханов, десятником В.В. Кузнецов [1, с. 14]. Строительство велось Томским переселенческим управлением на средства из фонда помощи голодающим.

Не совсем ясна история дальнейшей эксплуатации построенного канала. В книге И. Пустынникова описывается довольно фантастическая ситуация открытия канала и его последующего уничтожения, связанного с тем, что подвыпившие устроители торжества, пустив воду для пробы, потом забыли закрыть ее, и она шла более суток, затопив луга и уже заготовленное сено. Крестьяне обозлились и сожгли головной регулятор канала, а его начало засыпали землей [2, с. 33].

Как бы там ни было, но начавшаяся вскоре война, а затем революция, несомненно, помешали развитию орошения на Алее. О имеющемся канале благополучно забыли и вновь вспомнили уже в начале 20-х гг. 11 сентября 1924 г. на заседании Рубцовского уездного исполкома был заслушан доклад председателя комиссии по исследованию состояния канала Шадловского. Было принято следующее решение: «признать целесообразной организацию восстановительных и строительных работ ввиду того, что затрачиваемые средства в ближайшие годы могут быть возвращены государству, при выполнении работ в большинстве земляных можно использовать неограниченное количество неквалифицированных рабочих из пораженных неурожаем Угловского, Рубцовского и Локтевского районов и создать интенсивное образцовое земледелие в крупном степном селе, каким является Веселый Яр» [3].

Организатором нового строительства стал инженер Виктор Иванович Корнилов. В краевом архиве сохранилось ходатайство Корнилова в Алтайский губисполком о выделении средств и материальных ресурсов для канала, в частности, он просил отвести делянку леса для заготовки одной тысячи кубометров древесины и отпустить из Бельгагачского карьера бутового камня в количестве 50 куб. м [1, с. 35]. В результате до Рубцовска был проложен главный канал длиной 25 км, общая протяженность сети вместе с

ответвлениями составила 109 км, что позволило оросить 1736 га земельных угодий [4].

Одной из проблем дальнейшего хозяйственного использования вод Алея стало резкое колебание расхода воды зимой и летом. Если весной в паводок расход воды достигал 600 кубометров в секунду, летом в межень снижался до 20 кубометров, то зимой падал до 3,5 кубометров, а в некоторых местах Алей перемерзал. Разрушительные паводки весной размывали берега, заносили луга, изменяли русло, летом воды для полива не хватало [5, л. 2].

Летом 1927 г. в окружные органы власти была представлена докладная записка заведующего изыскательно-строительной партией В. Мичкова, в которой он предлагал проект и расчеты по строительству гидротехнических сооружений для регулировки Алея и сооружения на нем гидроустановок по выработке электроэнергии. Проект предполагал строительство в верховьях Алея водохранилища. Как вариант предлагалось место возле села Плоское тогда Змеиногорского района (ныне Третьяковского района – Авт.). В этом месте пойму Алея пересекает каменистая гряда. Емкость водохранилища составила бы 30 млн. кубометров с площадью зеркала до 12 кв.км. В этом случае, по мнению Мичкова, было бы возможно устроить на Алее гидроустановки мощностью до 500 л.с. и заменить ими мельницы, число которых в Рубцовском округе доходило до 40. Для осуществления этого плана, сообщалось в записке, необходимо 700-800 тыс. рублей, и тогда задачи орошения и обводнения Рубцовской степи и регулировки Алея будут решены на протяжении 500 км [5, 2 об]. Было высказано предположение, что после регулирования Алей станет лесосплавной рекой.

После рассмотрения записки окружная плановая комиссия постановила признать регулировку Алея необходимой, в 1927-1928 гг. провести необходимые изыскания, просить крайисполком выделить кредит на устройство гидротехнического поста и метеостанции. 19 ноября 1928 г. здесь состоялось совещание по вопросу водоснабжения Рубцовска. Было отмечено, что за последние 5-7 лет в городе резко выросла потребность в воде, что связано с несколькими причинами: строительством Алейской оросительной системы, открытием движения по Туркестано-Сибирской железной дороге, переходом г. Рубцовска на водопроводное снабжение. На совещании было решено просить средства для исследования реки и строительства плотины у города для бесперебойного снабжения

водой, а также разработать систему мер по предотвращению заиливания дна [5, л. 6].

В Сибкрайплан было составлено обращение от власти округа с просьбой включить в план научно-исследовательских работ 1928-1929 гг. «детальное изучение вопроса компетентной экспедицией». В мае 1929 г. составили план и смету работ, 50 процентов средств должен был выделить округ и 50 процентов – краевые власти. С июня 1929 г. решили приступить к изысканиям под постройку плотины у города. Был также запланирован анализ физических и химических свойств воды. Обследование местности поручалось отряду партии, состоящему из четырех рабочих, десятника, техника, инженера. На выполнение задания отводилось 34 рабочих дня с ежедневной нормой нивелировки 6 км. После этого давалось еще два месяца на обработку полученных данных [5, л. 20].

Строительство водохранилища в верховьях Алея требовало значительных материальных и финансовых ресурсов, которыми Сибкрай в это время не располагал. Вот почему вопрос о его сооружении был отложен на десятилетия. В 70-е гг. XX в. в районе с. Гилева, расположенного в нескольких десятках километров от с. Плоское, где В. Мичков предлагал создать водохранилище, началось сооружение водохранилища, полный объем которого составил 471,4 млн.куб.м, а полезный объем 424 млн.куб.м, что более чем в 10 раз больше объема проекта В. Мичкова. Гилевское водохранилище вступило в строй в 1979 г. и является крупнейшим искусственным водоемом на равнинной территории Алтайского края.

Библиографический список

1. Печерин И. Веселоярск. Очерки по истории села. – Рубцовск, 1999.
2. Пустынников И. – Рубцовск, 1968.
3. Цит. по: Севастьянов К. Город в степи. – Коммунистический призыв. – 1977. – 27 янв.
4. Хлебороб Алтая. – 1977. – 6 янв.
5. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.18. – Оп.1. – Д.18.

И.В. Сталин в Рубцовском округе

Многие годы поездка И.В. Сталина в Сибирь тщательно скрывалась, и только в 1949 г. информация о ней впервые появилась в 11-м томе сочинений, где были опубликованы тексты его выступлений. В 1991 г. в журнале «Известия ЦК КПСС» были опубликованы документальные материалы, хранящиеся в архивах, которые и стали основой публикаций об этой поездке.

В Сибири Сталин провел более трёх недель – с 14 января по 6 февраля и побывал в Новосибирске, Барнауле, Рубцовске, Красноярске, Омске. Укажем, что его пребывание в Красноярске было ещё более засекречено.

Что же заставило главу партии, впервые после гражданской войны, совершить столь длительную поездку, да ещё и в такой отдалённый от центра регион? Вопрос до сих пор остаётся открытым. В настоящее время существует несколько точек зрения. В статье В.И. Шишкина они собраны воедино и подробно анализируются автором. По его мнению, главной причиной, подтолкнувшей Сталина к принятию решения о поездке, была внутривнутрипартийная борьба того времени и желание Сталина убедиться в росте своего политического влияния, появлении возможности более решительно расправляться со своими противниками [1, с. 42-43].

Одна из первоначальных версий заключалась в том, что Сталин был вынужден ехать в Сибирь вместо внезапно заболевшего С. Орджоникидзе. Но она совершенно не объясняла причины поездки [2, с. 139, с. 102]. Более аналитичным представляется мнение о том, что Сталин хотел не только «добиться от крестьян сдачи хлеба, но и посмотреть, как отреагирует на чрезвычайные меры в большинстве своём крестьянская по составу сибирская партийная организация, каков будет отклик в деревне в целом» [3, с. 72].

Как бы там ни было, именно после этой поездки в стране начинается коренной поворот политики по отношению к крестьянству.

В Новосибирск Сталин приехал рано утром 18 января. В этот же день состоялось расширенное заседание бюро Сибкрайкома, на которое кроме членов и кандидатов в члены бюро были приглашены ответственные работники крайисполкома, судебных органов, прокуратуры, краевые заготовители, транспортники и т.д., т.е. был собран расширенный партхозактив краевых, партийных и

хозяйственных структур. На заседании Сталин предложил свою программу по преодолению хлебного кризиса, направленную на усиление репрессий против крестьян, не желающих сдавать хлеб по государственным заниженным ценам [4, с. 20]. 19 января 1928 г. Сталин посылает из Новосибирска в ЦК ВКП(б) телеграмму В.М. Молотову и С.В. Косиору, в которой анализирует результаты заседания. Он, в частности, сообщал: «Считаю долгом отметить, что здешние партработники взялись за дело с большим рвением и работают по совести, как большевики, что дает основание рассчитывать на успех. 21-го вечером выезжаю на Алтай, откуда сообщу свой адрес. Сталин» [5, с. 202].

22 января в Барнауле было проведено кустовое совещание представителей партийных и советских организаций Барнаульского, Бийского и Рубцовского округов по вопросам хлебозаготовок. В своем выступлении Сталин назвал несколько причин заготовительного кризиса. Одной из главных он считал то, что партийные организации отстранились от хлебозаготовок и возложили ответственность за их проведение на заготовителей. Сталин предложил: а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам; б) в случае отказа кулаков подчиниться закону – привлечь их к судебной ответственности по 107 статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков...» [6, с. 5].

23 января И.В. Сталин прибывает в Рубцовск, где проводит совещание с местным активом и представителями руководства Семипалатинской губернии. Фактически это было расширенное бюро Рубцовского окружкома ВКП(б), на котором кроме членов бюро присутствовали секретарь Сибкрайкома Сырцов, руководители крупнейших учреждений и организаций округа. Совещание заслушало вопрос о ходе хлебозаготовок по округу. С сообщениями выступили секретарь окружкома ВКП(б) Дьяков, а также Коробов, Веркутис, Кавешников, Ямковой, Хвалебнов, Каврайский. Участвовали в обсуждении и высказались Сталин, Комарницкий, Лебедева, Мошковский, Сырцов, Будаев, Токарев, Дьяков. На заседании было принято решение: «план хлебозаготовок по округу в 11700000 пудов принять к выполнению в установленные сроки» [7, л. 13].

Барнаульский историк Евгений Платунов следующим образом описывает пребывание Сталина в Рубцовске, используя при этом доступные ему воспоминания очевидцев. Так, прибывших в Рубцовск семипалатинцев Сталин выгнал из своего вагона за то, что они, желая раньше всех выполнить план хлебозаготовок, повысили у себя на 4 копейки за пуд закупочную цену и тем самым перетянули часть алтайского хлеба. Собрание началось с информации из районов: «По ходу отчетов Сталин не раз прерывал докладчиков. Кто-то взъерепенился: – Да что вы с меня хлеб спрашиваете. Я секретарь райкома партии, а не заготовитель! Вмиг последовал не терпящий возражения ответ. – Ты секретарь райкома и хлеб не хочешь заготавливать, а я секретарь ЦК и хлеб заготавливаю. – Больше желающих поговорить не оказалось» [8].

В целом генсек остался доволен. Это подтверждает разговор по телеграфу между председателем Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе, командированным в Минусинск, и Новосибирском. «Прошу передать информацию, – беспокоился Эйхе, – Особенно интересуюсь впечатлением Сергея и его соседа от поездки в Барнаул и Рубцовку». Из крайкома поступил следующий ответ: «Были они в Барнауле и Рубцовке. Впечатление, что хлеб должен, безусловно, пойти. Меры нажима на кулаков дают положительные результаты. Страшно слаба раскочка партийно-советской низовки. В общем впечатление от поездки у них хорошее [8].

Об этом свидетельствует и текст шифрограммы, которую Сталин послал со станции Тайга в ЦК ВКП(б). «...Был в Барнауле, Рубцовске, Омске, беседовал с бийскими, славгородскими, новосибирскими товарищами, имел переписку с каменскими товарищами, накрутил всех как следует» [8].

Все эти указания были приняты к сведению и тут же стали воплощаться в реальные действия. В районы и села были направлены коммунисты. На бюро райкомов ВКП(б) о ходе кампании регулярно отчитывались секретари партячеек. Формы и методы «выколачивания хлеба» у крестьянства, использованные на хлебозаготовках, были востребованы уже в ближайшие месяцы, когда началась массовая коллективизация. «Хлебный кризис» и способы, какими он преодолевался, стали своеобразной репетицией, полигоном для широкого использования придуманных форм силового внеэкономического принуждения в последующие годы.

Библиографический список

1. Шишкин В.И. Поездка И.В. Сталина в Сибирь (15 января – 6 февраля 1928 гг.) // Проблемы истории аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв.: Материалы всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2009.
2. Павлова И.В. Поездка Сталина в Сибирь. Почему в Сибирь? // ЭКО. – 1995.– №2; Косачев В.Т. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. – 1998. – №5.
3. Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №1.
4. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М., 2010.
5. Известия ЦК КПСС. – 1991. – №5.
6. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 11., М., 1949.
7. ЦХАФ АК. – ФП. 34. – Оп. 1. – Д. 326.
8. [Электронный ресурс] www.bank.fax.ru/news/49736.

Дом крестьянина

В ноябре 1922 г. в Москве открылся Центральный Дом крестьянина (ЦДК), что послужило примером для создания таких учреждений в губернских и уездных городах, а затем и в волостных центрах. К 1 октября 1924 г. в стране было зарегистрировано 60 областных и губернских, 75 уездных и около 100 волостных Домов крестьянина [1, с. 65]. Основными задачами таких домов были: дать приют крестьянам, везущим продукты на сельскохозяйственные рынки, а также обеспечить временным жильем делегатов различных совещаний и заседаний, командированным из села для решения неотложных вопросов в местных органах власти. Кроме этого, подобные дома имели культурные и просветительские функции.

Традиция создавать такие дома ведет свое начало еще из дореволюционной России и связана с так называемыми народными домами, первый из которых – Народный дом императора Николая II был открыт в Петербурге в 1900 г. [2]. Основной функцией таких домов было культурное просвещение народа. В них читались образовательные лекции, игрались пьесы, имелись библиотеки. Одной из целей было отвлечение населения от пьянства и «разумное использование досуга».

Идея народных домов была хорошо воспринята и советской властью. В 1920-1930 гг. сеть подобных домов существовала по всей стране. Позднее часть из них стала основой для создания клубной системы, а для некоторых главными стали гостиничные функции, и они превратились в Дома крестьянина.

Законодательно Дома крестьянина и опыт нескольких лет их существования в стране были закреплены в постановлении Совета народных комиссаров РСФСР от 5 ноября 1928 г. В нем организация и контроль за деятельностью домов крестьянина возлагалась на местные исполнительные комитеты Советов. Финансирование домов велось из средств местных бюджетов. Постановлением домам крестьянина давалось право открывать и содержать столовые, общежития, заезжие дворы, чайные, кинотеатры, библиотеки и т.д., доходы от деятельности которых должны были идти на развитие домов. При каждом доме организовались советы из представителей организаций и учреждений, связанных с работой в деревне. Местным исполнительным комитетам поручалось разработать и утверждать свои положения о Домах крестьянина.

В Рубцовске Дом крестьянина был создан в феврале 1928 г. и находился в двухэтажном доме на переулке Бульварном. В доме было 16 комнат, четыре из них были заняты под квартиру заведующего, красный уголок, чайную-столовую и кухню. В остальных комнатах располагались приезжие, в них помещалось до 150 коек. Лишь 20 из них были полностью обеспечены постельным бельем, для остальных имелись только матрасы с подушками без простыней и одеял. Как отметила комиссия, обследовавшая в августе 1929 г. состояние рубцовского дома, «мебели недостаточно, что заставляет посетителей садиться на кровати или же на пол» [3, л. 27]. Дом отапливался голландскими печами.

При доме имелся двор площадью 800 кв. м., под навесом одновременно могли располагаться до 50 лошадей с упряжью и подводами. По данным канцелярии дома, за 11 месяцев 1928 г. было обслужено 53153 чел. Из них крестьян – 31223. В среднем за день обслуживали по 150 чел., осенью – до 450. За ночлег с одного человека с лошадей брали 30 копеек [3, л. 28а].

В доме постоянно велась культурно-просветительная работа в форме бесед, лекций, докладов, имелся стол справок. Лекции проводились на самые различные темы: «Луга и их улучшение», «Борьба с вредителями сельского хозяйства», «Заразные болезни»,

«Правильное содержание животных». Эти лекции собирали до 100 чел. Лекторами выступали агрономы, ветеринары, специалисты окружных организаций. В красном уголке было несколько направлений: сельскохозяйственное, военное, кооперативное, антирелигиозное, здравоохранения. В фондах местной библиотеки в основном имелись брошюры по сельскому хозяйству, ежегодно выписывались 16 экземпляров различных периодических изданий (газет и журналов) [3, л. 29а].

Рубцовский Дом крестьянина находился в непосредственном подчинении окружного земельного управления. Существовал и Совет Дома, в который вошли представители окружных организаций: отдела народного образования, здравотдела, женотдела, окружкома ВЛКСМ.

В своем заключении комиссия, обследовавшая состояние Дома, отметила плохо отштукатуренные стены и потолки, наличие клопов, тараканов и крыс. Было предложено расширить жилую площадь до 500 коек, увеличить навес для скота. Высказывалось и пожелание строить в городе гостиницу, ибо Дом крестьянина в это время был единственным местом, где могли переночевать приезжие [3, л. 29б].

Как следует из имеющейся информации по ряду городов России, в большинстве из них такие дома просуществовали до конца 30-х гг. Постепенно их культурно-просветительские функции уходят на второй план и они, как правило, превращаются в обычные гостиницы. Выскажем предположение, что это связано с развитием системы специальных культурно-просветительных учреждений: клубов и домов культуры, а также сложностью совмещения в одном учреждении столь разных функций, начиная от бытового устройства и до организации и существования подсобных хозяйств.

Библиографический список

1. Бахтин М.И. Начало великого пути: Из истории социалистического преобразования деревни. 1917-1925 гг. – М., 1979.
2. Капуста Л. Из истории народных домов в России. – Карелия. – 2002. – 2 февр.
3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.18. – Оп.1. – Д.37.

Народная повстанческая армия

О том, что совсем недалеко от Рубцовска в годы гражданской войны действовала многотысячная партизанская армия под командованием Е.М. Мамонтова, знают, пожалуй, все жители Алтая. Именно ей принадлежит одна из решающих ролей в последующем разгроме белых соединений армии Колчака и установлении Советской власти на территории края. В то же время почти никто не представляет, что всего через несколько месяцев практически в этих же местах развернулось еще одно вооруженное противостояние местного населения на этот раз уже против Советской власти, которое по своему масштабу, охваченной территории и количеству участников почти не уступало армии Мамонтова и в котором значительную часть повстанцев составляли бывшие партизаны.

Причины случившегося разнообразны и многочисленны. После разгрома общего врага 11 декабря 1919 г. был издан приказ Революционного Совета Советской республики, который запрещал существование партизанских отрядов как самостоятельных боевых единиц на советской территории. Не подчинившиеся отряды предписывалось «подвергать беспощадной каре», особенно их командный состав. По решению советского командования около 15 тыс. сибирских партизан пополнили состав 5-й Красной армии, нуждавшейся в срочном пополнении.

К лету 1920 г. на территории Сибири не осталось ни одного партизанского формирования. Партизаны старше 35 лет были распущены по домам вместе с бойцами расформированных отрядов, не пожелавших добровольно вступить в Красную Армию. Одновременно решалась судьба партизанских органов власти. Центральные партизанские органы власти были ликвидированы. Но многие их члены вошли в состав уездных ревкомов, в партийные, хозяйственные и другие управляющие структуры. Среднее звено партизанской власти (революционные штабы, комитеты, советы) переименовались в ревкомы и работали до февраля 1920 г., затем расформировались, их члены вливались в состав уездных и волостных советских органов. Часть бывших партизан была против ликвидации своих органов власти и управления, а также форм и методов работы, которые получили название «партизанщина». Она проявлялась в невыполнении постановлений вышестоящих органов власти, самоуправстве, нарушении законов [1, с. 110-112].

По мнению известного сибирского историка В.И. Шишкина, который является крупнейшим исследователем гражданской войны в Сибири, главной причиной, вызвавшей мятеж 1920 г. в Степном Алтае, нужно считать неприятие населением, особенно бывшими партизанами, политики новой власти. Именно этим можно объяснить тот факт, что с 8 февраля по 18 апреля 1920 г. Алтайская губерния находилась на чрезвычайном положении по борьбе с контрреволюцией. Значительная часть бывших партизан дезертировала из Красной Армии. В мае-июне 1920 г. ситуация в Степном Алтае обострилась. В.И. Шишкин считает, что положение усугубили три фактора: жесткие меры против дезертиров, переход к принудительному изъятию излишков продовольствия и объявление о призыве в Красную Армию военнообязанных 1901 г. рождения [2].

Восстание началось одновременно в нескольких центрах отказом населения от выполнения продразверстки и неявкой на призывные пункты. В западной части Барнаульского уезда два бывших партизанских руководителя Ф.Д. Плотников и В.К. Чайников организовали вооруженные отряды и стали уничтожать местных коммунистов и продовольственных работников. Один из них – Ф.Д. Плотников сыграл большую роль в последующих событиях. Приведем его краткую биографию. Из крестьян села Белово Барнаульского уезда. В революцию член Боровского волостного земельного комитета, член Барнаульской уездной управы. В армии Мамонтова был комиссаром 1-го Алтайского полка. В Красной Армии был военкомом запасного полка в Барнауле, но вскоре отстранен от должности и арестован, так как не скрывал недовольства коммунистическими порядками. Бежал из заключения, подговорив конвоиров. В мае 1920 г. поднял восстание [3].

Причины выступления и пожелания восставших были изложены Плотниковым в обращении к крестьянам, написанным в с. Коробейниково 15 июня 1920 г.

«Товарищи крестьяне. Вы уже убедились, что партия коммунистов ведет к полному уничтожению всякой частной собственности.

Их лозунг: что твое – то мое, что мое – то твое. Чтобы сделать это, они расстреляли уже сотни тысяч людей, которые доказывали, что пока так жить невозможно. Сейчас коммунисты воюют со всеми странами и готовы воевать бесконечно. А чья проливается во всех концах света кровь? Наша, товарищи крестьяне. Да вы тоже, кроме

расстрелов, ничего от коммунистов не дожидаетесь, ибо они, несмотря на то, что крестьянин питается своим трудом, считают вас буржуями. А чтобы было так, как они хотят, они уничтожили свободу выборов и предписывают крестьянам: выбирайте только коммунистов. Не за это, товарищи крестьяне, мы боролись. Мы боролись за истинную свободу всех трудящихся.

Долой насилие коммунистов! Да здравствует власть всех трудящихся! Да здравствует советская крестьянская власть!» [4].

Наиболее значительный характер события принимают в Алексеевской волости Змеиногорского уезда, которая впоследствии стала центром формирования повстанческой армии. 29 июня в Алексеевку прибыл отряд Семипалатинского уездного комитета по борьбе с дезертирством в составе 135 штыков. Он был окружен и подвергся нападению повстанцев. Командир советского отряда К.А. Фомин, его заместитель были убиты, а остальные взяты в плен. Нападение совершили крестьяне Алексеевской, Павловской и Сосновской волостей, тайно сформировавшие 1-й Крестьянский повстанческий полк. Повстанцы срочно мобилизовали население нескольких соседних волостей и создали еще два полка, которые стали главной силой народной армии. Были сформированы органы военного управления: избрали военный совет штаба армии, начальника штаба. Местом нахождения штаба были Алексеевка и Сосновка [2].

В течение нескольких недель мятеж охватил соседние районы Барнаульского, Змеиногорского и Славгородского уездов Алтайской губернии, Павлодарского, Семипалатинского уездов и Семипалатинской губернии. По подсчетам В.И. Шишкина, общая численность Народной повстанческой армии Степного Алтая была не меньше 18 тыс. чел., что позволяет ее считать самым крупным антикоммунистическим вооруженным выступлением в Сибири в 1920 г. [5, с. 217].

Советские историки этот мятеж называли кулацко-эсеровским или белогвардейско-кулацким. При этом имелось в виду, что опорой его составляли кулаки, а руководящую роль играли белогвардейцы и эсеры. В настоящее время установлено, что в восстании участвовали представители всех слоев крестьянства, в основном середняки и бедняки. Не было среди повстанцев и бывших белогвардейцев. Почти все руководители мятежа были местными жителями. Сегодня это восстание характеризуется как крестьянско-казацкое [5, с. 218].

Несмотря на широкий спектр политических требований, основная масса восставших поддерживала лозунг «За советы без коммунистов». Во многих районах, уничтожив коммунистические ячейки, коммуну и совхозы, повстанцы приступали к созданию беспартийных советов. Если члены местных советов пользовались доверием местного населения, они не подвергались реорганизации. Политические цели повстанцев исследователи характеризуют как антикоммунистические, имевшие целью установление советской власти демократического типа, без диктата одной коммунистической партии [6, с. 139]. Практические действия мятежников также сопровождались убийствами коммунистов и продработников, прекращением хлебозаготовок, мобилизацией населения в свои ряды, созданием военных органов управления, боевых отрядов и дружин самообороны.

В начале июля 1920 г. повстанческие полки из центра мятежа двинулись в трех направлениях: в северном (на Славгород), в северо-восточном (на Барнаул) и в юго-западном (на Семипалатинск). 8 июля 1920 г. 1-й крестьянский полк занял село Большая Владимировка, являвшееся центром Александровской волости Семипалатинского уезда, где сформировал 12-й Крестьянский повстанческий полк. В этом же районе был создан 11-й повстанческий полк в Алексеевке и в отдельных казачьих станицах и поселках на Иртыше организованы повстанческие отряды. 2 и 3-й Крестьянские полки 3 июля захватили Михайловское (Марзагул) и Ракиты, с боем взяли Боровой Форпост, на следующий день заняли Усть-Волчиху (Трубину) и центр Покровской волости – Волчиху. Успех во многом был обусловлен благоприятным отношением местных крестьян. В Михайловском и Волчихе были созданы районные штабы, которые опираясь на местные сельсоветы и волисполкомы, приступили к мобилизации мужского населения. В результате было сформировано еще шесть полков. 11 июля из Боровской волости в Волчиху скрытно перешел отряд Плотникова [2].

Не имевшие организованного управления и средств связи, вооруженные в основном вилами и пиками повстанцы первое время показали себя очень хорошо, успешно сражаясь против регулярных войск, располагавших пулеметами и даже легкой артиллерией. Так, в течение 11 часов они вели бой за волостное село Каип и вынудили красных оставить его. 10 июля 1-й Крестьянский полк и два

повстанческих эскадрона два часа удерживали деревню Канонерская Семипалатинского уезда. Около 10 часов 12 июля длился бой за село Большая Владимировка между 1-м и 12-м крестьянскими полками и сводным отрядом советских войск под командой комбрига К.И. Новика, насчитывавшим 503 штыка, 600 сабель и взвод артиллерии. Потери сторон составили 4 убитых и 31 раненый красных, около 250 убитых, 300 пленных и много раненых у повстанцев. Особенно упорный и ожесточенный характер носили бои 13 июля за Волчиху и 16 июля за Боровой Форпост [2].

В боях за Волчиху активное участие принимали бойцы 226 Петроградского полка, расквартированного в Рубцовске.

Вот что сообщал 14 июля военком полка Ершов: «13 июля нами занята д. Волчиха с боем. Бой продолжался 3,5 часа. При въезде в д. Волчиху партизаны стреляли и бросали бомбы из окон. Наши потери: 4 убиты и 8 ранены, также тяжело ранен комполка Бойко. Потери противника убитыми точно не выяснены. Собрано трупов 660, но есть еще убитые в бору» [4]. И еще: «Полк находится в боевом походе по ликвидации повстанцев. С 13 по 17 июля полком занято 5 деревень, в которых противник потерял убитыми более тысячи шестисот человек. Так что противнику нанесен удар... повстанцы дрогнули и разбегаются по домам и поняли, что с советвластью шутить нельзя. Остались жалкие остатки, которые на днях будут ликвидированы» [4].

Поражения отрицательно сказались на моральном духе повстанцев, на настроении и поведении местного населения. Началась добровольная сдача красным бойцов нескольких полков, которые объявили, что они были мобилизованы в народную армию насильно. Оставшиеся повстанцы без боя оставили несколько крупных населенных пунктов, в том числе Каип, Михайловское, Сосновку, Алексеевку, бывшие начальными центрами восстания, и стали отходить на запад, в направлении Иртыша. Командование повстанцами взял на себя уроженец станицы Лебяжья штабс-капитан Д.Я. Шишкин, незадолго до этого вернувшийся в родные места из Восточной Сибири. Его ближайшим помощником стал Плотников. 22 июля передовые отряды повстанцев общей численностью около 5 тыс. чел. вышли к Иртышу, где заняли ряд населенных пунктов. 27 июля они нанесли поражение красным войскам в станице Подстепная и стали угрожать взятием уездного города Павлодара, но затем изменили маршрут своего движения и решили вернуться в знакомые

им места. По мнению В.И. Шишкина, к этому повстанцев вынудили несколько обстоятельств. Прииртышское население, за исключением части казаков, почти не поддержало мятежников. Соотношение сил все больше менялось в пользу красных. Существовала реальная опасность быть прижатыми к Иртышу и здесь полностью разгромленными [5].

В начале августа 1920 г. отряды Шишкина появились в Угловской волости Змеиногорского уезда. Их численность к этому времени сократилась до 2 тыс. чел. Нового пополнения не поступало. В Михайловском отделился отряд Плотникова, который решил вернуться в Волчихинский район. Его дальнейшая судьба незавидна. Приведем отрывок из воспоминаний одного из руководителей партизанской армии Мамонтова, а в 20-м году командира коммунистического отряда особого назначения Боровского района Р.П. Захарова: «Плотников находился со своим отрядом банды в Барнаульском бору между сел Рожнев Лог и Песчаное, от Боровского в 35 верстах... . 10 октября 1920 г. в 12 часов дня Городов донес Захарову, что банда Плотникова вверенным ему эскадронам после упорного боя разгромлена. Сам Плотников бился до последнего патрона, даже был ранен, живым в руки не сдался. В донесении Городов спрашивал; бросить в лесу или доставить в штаб, в Боровское. Родион приказал труп Плотникова представить в штаб, в Боровское для показа кулачеству и эсерам села Боровского... . Городов по своему соображению решил так, что труп Плотникова не повезем, а голову отрубим и привезем дяде Роде, так как борода и голова Плотникова для всех известны и знакомы. Отрубили Плотникову голову и еще отрубили голову у трупа Пяткова – бандита, кулака села Рожнев Лог – и привезли в село Боровское на клинках шашек, продемонстрировав через села Песчаное и Серебрянниково. В Боровском навстречу эскадрону Городова с торжеством выступила ячейка РКП(б) и бедняки крестьяне. Таким образом, Плотникова со своей бандой не стало... » [4].

Шишкин с остальными повстанцами через Шелковниково, Локтевский завод, Гилев Лог двинулся к центру уезда – Змеиногорску. По оперативным сводкам советского командования можно проследить путь движения его отрядов более подробно. В районе с. Шелковниково они разделились на две группы. Первая, численностью до 600 чел., перешла железную дорогу между станциями Рубцовка и Аул и направилась в Локтевский завод. Этот

отряд в свою очередь разбился на три, из которых один двинулся на Аул, другой с Локтя пошел в направлении Змеиногорска и появился в д. Гилево, третий, предположительно, по мнению авторов донесения, пошел в сторону Рубцовки. Второй отряд из Шелковниково прошел степью между Рубцовкой и Лебяжьей. Численность этого отряда около 200 чел. 7 августа начдив 13 кавалерийской дивизии Хмыров издал приказ по дивизии, в котором сообщалось, что противник из района Локтевского завода двинулся в направлении Гилево-Змеиногорск. Отряд Змеиногорского уездвоенкома Грузинского был разбит повстанцами [4].

Вечером 8 августа 1920 г. повстанцы заняли Змеиногорск. 9 августа штаб Народной повстанческой армии обратился к гражданам Змеиногорского уезда с воззванием «Невыносимый гнет коммунистической власти заставил нас взяться за оружие. Мы встали за то, чтобы освободиться от насилия и крови, чтобы дать нашей несчастной России мир, порядок и выборную для народа власть. Все, кто понимает, к какой гибели, к какой нищете, голоду, и бесправию ведет русский народ нерусская коммунистическая власть, должны идти с нами, мы хотим только порядка, справедливости и русской народной власти. Чтобы каждый знал свое, знал, что его дом, его добро, его труд принадлежит только ему одному, чтобы каждый мог и имел право заниматься тем, к чему он годен и что он хочет, лишь бы это не было во вред народу. Когда будет сброшена коммуна, выборные от народа соберутся и сами определят, какой порядок, какая власть должна быть в России. Мы боремся только против коммуны, за народные права, завоеванные революцией. Мы хотим права и настоящей гражданской свободы слова, собраний и выборов. Русские люди, давайте же кончим разрушать Россию и начнем строить, давайте заживем настоящей гражданской свободной жизнью без плоти и крови. У нас, взявшихся за дело свержения коммуны, нет оружия, но с нами весь народ, а где народ, там и победа. Идите же, граждане, к нам, освобождайте себя, спасайте Россию. Штаб повстанческой армии» [4].

Партийно-советские учреждения уезда были эвакуированы в с. Курья, а войска гарнизона отошли на Черепановский рудник. Шишкин издал приказ о мобилизации мужского населения уезда. Повстанцев было немногим более одной тысячи. Утром 10 августа к Змеиногорску подошел 227-й стрелковый полк. Ввиду явного перевеса сил после небольшой перестрелки повстанцы оставили

город. В последующие две недели преследуемые советскими войсками мятежники отходили на юг в горы. Шишкин предпринял попытку выйти на Усть-Каменогорский тракт, но потерпел неудачу и стал горами уходить к границе с Китаем. В конце августа 1920 г. он вывел остатки повстанческой армии к поселку Катон-Карагай Бухтарминского края, откуда они ушли за границу [2].

Библиографический список

1. Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XIX веке. Выпуск 4 – Новосибирск, 2013.

2. Шишкин В.И. Народная повстанческая армия Степного Алтая // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. – Новосибирск, 1997.

3. Плотников Филипп Долматович [Электронный ресурс] // <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/person/1005883>.

4. Сибирская Вандея. 1919-1920. Документы в 2-х томах. – М., 2000.

5. Шишкин В.И. Численность и состав Народной повстанческой армии Степного Алтая (лето 1920 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 1998.

6. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. Мат-лы международной научной конференции. – Екатеринбург, 29 сент. – 2 окт. 2010. – М., 2011.

Первые овцеводы Юго-Западного Алтая

Начало тонкорунному овцеводству в России положил Петр I. Наиболее быстрое развитие эта отрасль получила в середине и конце 19 в. Одним из основателей российской породы тонкорунных овец стал известный таврический овцевод Мазаев, который на основе испанских мериносов получил особую местную породу овец, в скором времени получивших название «мазаевские». В последующие годы эти овцы широко распространились также на Северном Кавказе, в Среднем и Нижнем Поволжье. От мазаевских овец, появившихся в

Коростелевской и Катковской степях в начале 20 в., ведет свое начало сегодняшняя порода алтайских тонкорунных овец.

Овцы появились в этих местах следующим образом. В начале 19 в. в с. Астраханка Таврической губернии стали разводить тонкорунных овец. Среди первых овцеводов этих мест были Соседовы и Сизовы. Земельная теснота вынудила их искать больше простора. В 1884 г. эти овцеводы и другие, всего 15 семейств, перекочевали со своими стадами на границу Терской области и Ставропольской губернии, где арендовали казенные и частновладельческие земли. Но, как вскоре выяснилось, земли не хватало и там. И в 1902 г. овцеводы выбрали 5 чел. для поиска новых, более свободных земель. Их экспедиция побывала в Ташкенте, Верном, Казалинске и Перовске, но свободных и пригодных для овцеводства земель не нашлось и там [1].

Поиски продолжались, теперь пригодные земли искались в Сибири. Управление Алтайского округа предложило овцеводам выбрать участки в Бель-Агачской или Коростелевской степях. Они остановились на последней, где им и были отведены в аренду участки земли общей площадью в 50 тыс. дес., сроком на 36 лет, с оплатой за первое шестилетие по 12 коп. за дес. в год и с прибавлением 25 процентов арендной платы за каждое следующее шестилетие. После заключения договора приступили к организации доставки овец из Европы в Азию: было решено перегнать их своим ходом. Этот перегон успешно выполнили сыновья Матвея Лазаревича Соседова. Движение началось 16 марта 1904 г. К стадам Сизова и Соседова в Терской области присоединились овцы Здорова и Коленко – их односельчан. Всего в сибирский поход ушло овец: Сизова – 2030, Соседова – 1200, Здорова – 1400, Коленко – 120, всего 5850. Через семь с половиной месяцев после выхода отары пришли в с. Мариинское, возле г. Атбасара, но без стада Здорова, которое в дороге отстало и зазимовало на р. Ишиме, в 150 верстах от Атбасара. Почти все овцы этой отары погибли: из 1400 Здоров пригнал на место лишь 160. В Мариинском овец случили (с 20 ноября по 20 декабря), они пережили зимовку и окот (с 20 апреля по 20 мая). Зимовали овцы в нанятых крестьянских дворах: здесь же покупались корма — сено, овес, пшеница [2].

Весной овец выгнали на пастбища, а 1 июня, когда полученные ягнята достаточно окрепли, чтобы перенести длительное путешествие, вновь тронулись в путь – на Акмолинск, Куяндинск,

Семипалатинск, Коростелевскую степь. На место овцы прибыли 25 сентября 1905 г. Таким образом, все путешествие продолжалось полтора года. Всего прибыло 3750 овец. Через год той же дорогой пришли 800 овец Степановых, 500 – Филатовых и стадо в 1000 голов, купленное Я.Л. Соседовым около Омска. Всего стало 6210 голов. По данным М. Алексева, автора статьи о переходе овец из Европы в Азию, новых овец сразу же стали покупать крестьяне с Локтевского и других сел округа. В 1909 г. у 20 овцеводов насчитывалось 16850 овец, и за четыре с небольшим года их число увеличилось в 2,7 раза [3].

Быстрому росту поголовья способствовали наличие свободных пастбищ и сенокосов и низкая в те годы арендная плата на сельхозугодья. Сухие, ровные степи, богатые разнообразной растительностью, являлись хорошими пастбищами и служили источником для заготовки на зиму достаточного количества хорошего сена. Климат степей – резко континентальный, с широкой амплитудой температурных колебаний, среднегодовая температура плюс 2,1 градуса. Лето преимущественно жаркое, а зима продолжительная и холодная. Господствующие ветры – южные и юго-западные. Речки Кизиха и Поперечная своими верховьями перерезывали территорию с юга на север. Они почти ежегодно летом пересыхали. А вода оставалась только в больших углублениях в виде отдельных больших и малых озер. Летом из этих речек и озер поили животных, вода в них засоленная, для употребления людям малоприспособная.

В 1908 г. коростелевско-катковскими овцеводами было продано 2426 пудов шерсти на сумму 23052 руб. [4]. По обследованию 1913 г., овец было уже 13984, или в полтора раза больше, чем в 1908 г. Кроме того, овцеводы имели 389 лошадей, 1215 голов КРС, в том числе 32 производителя: 5 симментальской породы, 4 украинской, 2 холмогорской, остальные – местной. Пшеницей в этом году они засеяли 519 десятин. Для обработки земли у них имелись многолемешные плуги, рядовые сеялки, жнеисамосброски и сноповязалки. Пастбищами для выпаса скота они пользовались на условиях долговременной аренды.

Следует отметить, что, несмотря на быстрый рост поголовья, овцы мазаевского типа оказались плохо приспособленными к суровым сибирским условиям. Вследствие повышенной жиропотности шерсть на них в зимнее время смерзалась, и поэтому

они страдали от простудных заболеваний, очень плохо переносили и продолжительный стойловый период. Средний живой вес взрослого барана равнялся 50-60 кг, а матки – 33-37. С одной взрослой овцы при постриге 5-6 кг шерсти в физическом весе мытой получали лишь 1,2-1,4 кг [5].

Планомерное качественное преобразование мериносовой овцы мазаевского типа на территории юго-западного Алтая было начато после гражданской войны, когда в 1921 г. на территории Катковской степи был организован специализированный овцеводческий совхоз «Рубцовский». Всего сюда было передано около 5 тыс. собранных по всей степи мазаевских мериносов [6].

Библиографический список

1. Алексеев М. Тонкорунное овцеводство в Змеиногорском уезде. Сибирский земледелец и садовод. – Томск. – 1909. – №9. – С. 389.
2. Там же. С. 390.
3. Там же.
4. Арх. отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.15. – Оп.1. – Д.1. – Л. 17.
5. Васильев Н.А. Племенной овцеводческий совхоз «Рубцовский». – М., 1955. – С. 17.
6. Вовченко Ф.Я. Племенной завод колхоза «Страна Советов». – М., 1982. – С. 3.

Фонд красных партизан

В архивном отделе администрации г. Рубцовска в фонде №4 районного Совета депутатов трудящихся особо выделен комплекс документов, включающих в себя 371 личное дело красных партизан, прошедших регистрацию в райисполкоме в 1930-1935 гг. Документы собирались для выдачи специального удостоверения ЦИКа и Совнаркома СССР [1].

Бывший красногвардеец, или красный партизан, либо кто-то из членов их семей (если сам участник событий к тому времени уже умер) должны были подготовить и предъявить президиуму того сельсовета, на территории которого они проживали, следующие документы:

- заявление с просьбой о выдаче документа (удостоверения);
- справку с последнего места работы с положительной характеристикой;

- справку о том, что заявитель не лишен избирательных прав и не состоит под судом и следствием.

К заявлению прилагалась справка об участии в общественных, массово-политических организациях. Довольно часто само заявление заявитель делал расширенным с описанием пройденного боевого пути либо прикладывал к заявлению автобиографию.

Но наиболее важными, основополагающими документами являлись справки от командиров партизанских частей или сослуживцев с указанием времени вступления в партизаны, как вступил (добровольно или по мобилизации), где и какое принимал участие в боях. Справки подписывались и заверялись печатями сельсоветов либо нотариусами. Число поручителей не ограничивалось. В делах встречается от трех до пяти-шести и более поручителей. Особо предусматривалось недопущение круговой поруки.

ЭТОТ комплекс документов рассматривался на заседании пленума того сельсовета, где жил заявитель. Пленум принимал решение и ходатайствовал перед райисполкомом о выдаче партизанских удостоверений. Затем документы вместе с решением подавались в комиссию по предварительному рассмотрению партизанских дел. Комиссия давала свое заключение, и ее протоколы передавались на заседание президиума районного исполнительного комитета, который и принимал окончательное решение.

На каждого заявителя заводилась папка с надписью на титульном листе: «Дело по ходатайству о выдаче партизанского документа гражданина пос...., сельсовета..., фамилия, имя, отчество...». Практически все документы в них рукописные, чернила значительно выцвели, и текст читается плохо. Некоторые написаны карандашом на оберточной бумаге, обратной стороне ведомостей и квитанций. Среди документов встречаются небольшие, размером 3x4 см, фотографии заявителей.

Каждому заявителю, чье ходатайство удовлетворялось, выдавалось удостоверение в форме маленькой книжки. Такие удостоверения были отпечатаны в Рубцовске в типографии издательства «Степная коммуна» тиражом 500 экз. Удостоверение выдавалось на определенный срок, и время его действия надо было продлевать, ставить печать с подписью ответственного лица. Кроме этого, в удостоверении ставились отметки о прохождении чисток.

На обложке каждого удостоверения напечатан лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», посередине – изображение пятиконечной звезды и внизу еще один лозунг: «Красная армия – вооруженный отряд мирового пролетариата – мощный оплот Октября».

Согласно вышеуказанному Постановлению, обладателям таких удостоверений предоставлялись значительные льготы. В их числе было выделение в первую очередь и на наибольшие сроки различных ссуд, безземельные и малоземельные имели преимущественное право перед другими единоличными хозяйствами на получение в пользование свободных земель. На льготных условиях и в первую очередь красным партизанам отпускался также лес, выдавалась семенная ссуда. Бывшие красные партизаны пользовались первоочередностью наравне с членами профсоюзов при устройстве на работу. Они и их дети освобождались от платы за обучение и имели преимущественное право на стипендию и т.д. Большие льготы получали коллективные хозяйства, организованные бывшими партизанами, если эти граждане составляли не меньше половины общего числа трудоспособных мужчин – членов коллективного хозяйства [2].

Иметь такие льготы было выгодно. Красной партизанской книжкой дорожили, да и давалась она не всем заявителям. В материалах фонда встречаются и отказы в выдаче, со следующими обоснованиями: «за поздним вступлением в партизаны», «за недостаточностью доказательств» и т.д.

Дальнейший анализ содержания документов всего комплекса позволил автору получить новые сведения о начале вооруженной борьбы с колчаковцами на территории Змеиногорского уезда, об организации подпольных крестьянских ячеек, ходе дальнейших партизанских боев по освобождению Алтая. В делах содержатся также факты о последующем жизненном пути бывших красных партизан.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.4. – Оп.1п. – Д.1-371.
2. Постановление СНК РСФСР от 25.03.1930 г.

Сельские лекари

Сохранилось не так уж много сведений о первых медицинских работниках города и прилегающей округи. Документы, хранящиеся в городском архиве, дают слабое представление об их работе и условиях труда, нет статистических данных, которые позволили бы узнать их численность и обеспеченность медицинскими учреждениями местного населения. Тем не менее, то, что имеется, даёт некоторую возможность охарактеризовать хотя бы отрывочно деятельность рубцовских медиков 20-х годов.

Более того, мы можем назвать и некоторых руководителей рубцовского здравоохранения того времени. Так, в 1929 г. окружным отделом здравоохранения заведовал Владимир Петрович Русин, его заместителем был Илья Исаевич Розенфельд [1]. По данным на 25 марта 1930 г., окружным здравотделом заведовал уже Константин Петрович Дядькин, 1903 года рождения, из рабочих, санитарно-эпидемиологическим отделением руководил Сергей Николаевич Губкин, окружной больницей – Иван Гаврилович Крюковских [2, л. 24]. В окружной больнице на 25 мая насчитывался 51 работник, в окружном здравотделе – 12, в городской амбулатории – 8. В окружной больнице трудилось всего два врача: Иван Гаврилович Крюковских и Григорий Логинович Бондарь. Остальной персонал представляли фельдшеры и обслуга [3, л. 15].

Некоторые представления о врачах и других медработниках конца 20-х – начала 30-х гг. мы можем получить из их служебных характеристик, где по требованиям того времени отражались не только их достоинства, но также и недостатки, особо подчеркивалось отношение к Советской власти и ее мероприятиям. Так, о фельдшере окружной больницы П.Г. Старухине было отмечено следующее: «фельдшер действительно старого строя, работает из рук вон плохо и очень недобросовестно и с большой замашкой на темные дела по царской установке. Все же Советские мероприятия для него как кол в горло, хотя он их и проводит, но без пользы и халатно, на молодых медработников смотрит очень враждебно и с усмешкой. Это, говорит, людишки ерунда, работать будут до первого случая и не более 2-3 месяца» [4, л. 111]. Из характеристик мы узнаем, что Иван Гаврилович Крюковских в 1932 году работал в Рубцовске уже 4 года, его основной специальностью было акушерство и гинекология, также он выполнял обязанности и рентгенолога. Пять лет работал хирургом

в городе к этому моменту Фёдор Владимирович Стадлер. Глазными заболеваниями в окружной больнице занимался Дмитрий Владимирович Колобов. На должности врача – лора был П.Е. Алалыкин, зуботехника – А.М. Бобович [5].

Пожалуй, одним из самых первых рубцовских врачей, о котором мы имеем достоверные сведения, был Вячеслав Евгеньевич Орлецкий. Как в городе, так и в селах района он проработал почти 10 лет, с сентября 1916 г. по апрель 1926 г. Вячеслав Евгеньевич – сын священника, уроженец села Платоно-Александровского Южно-Уссурийского края. Он закончил Благовещенскую духовную семинарию и училище, с 1912 по 1916 гг. учился в Томском и Варшавском университетах. В итоге он закончил Томский медицинский факультет по специальности врач-хирург, затем служил участковым врачом в Амурской области, военным врачом в Омске, врачом в Томске. В сентябре 1916 г. Орлецкий назначен врачом Шелковниковского врачебного участка вместо врача Берюзова, призванного на военную службу. В июне 1917 года он одновременно с Шелковниковским заведует Бородулихинским и Локтевским врачебными участками. В 1919 г. он участковый врач Локтевского участка, в 1924 г. Вячеслав Евгеньевич руководил Рубцовским уездным участком. Дальнейшая его судьба после увольнения неизвестна, но думается, что впереди у него было ещё много лет плодотворной работы, ведь в год увольнения ему исполнилось всего 33 года [6, лл. 2,23].

Во времена Рубцовского уезда, т.е. в самом начале 20-х годов, Рубцовским врачебным участком руководила врач Мария Борисовна Колодина-Сергеева. Вместе с ней в 1919-1920 гг. работал фельдшер Петр Константинович Севко. Это был опытнейший профессионал, имевший большой стаж. По происхождению из крестьян, он был призван на военную службу, где и окончил курсы при Сувалкинском военном лазарете. После ухода со службы работал в Локтевской сельской больнице, затем был мобилизован во время русско-японской войны, работал в госпитале в Кургане, служил в Ново-Николаевске, на строительстве Кольчугинской железной дороги. В 1920 году его перевели в Рубцовку [7].

Рубцовским уездным санитарным врачом в 1919-1921 гг. был Михаил Фомич Яковлев, 1885 года рождения, из крестьян Казанской губернии. Он окончил начальное и городское училище, Казанский университет [8]. Змеиногорским врачебным участком руководил в

1925 г. врач Николай Павлович Сокол-Черниговский, в 1925 г. ему исполнилось 35 лет. Это был человек с довольно сложной биографией. Сын чиновника, он окончил Харьковскую гимназию, затем учился в Харьковском университете, откуда был исключен и выслан в армию. В армии он был слушателем медфака Лембергского университета. После начала первой мировой войны уехал на Кавказский фронт, затем участвовал в гражданской войне, служил в Красной армии [9].

Наиболее ранние данные о медицинских работниках на территории современного Рубцовского района связаны с Шелковниковским врачебным участком. Здесь с 1912 по 1914 гг. участковым фельдшером работал Павел Ананьевич Колесников. Он также из солдат, в 1908 году окончил фельдшерскую школу при Бобруйском лазарете, затем служил в армии, фельдшером в психиатрической больнице. В годы первой мировой войны он выполняет свой профессиональный долг в госпиталях Омска, Ново-Николаевска, затем возвращается на Алтай, работает в различных районах [10]. В 1919 г. участковым фельдшером в Шелковниково был Тимофей Ефимович Зотов [11].

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.24. – Оп.1. – Д.9.
2. Там же. – Д.19.
3. Там же. – Д.31.
4. Там же. – Д.34.
5. Там же.
6. Там же. – Ф.23. – Оп.1(л). – Д.30.
7. Там же. – Д.21, 47.
8. Там же. – Д.51.
9. Там же. – Д.41.
10. Там же. – Д.27.
11. Там же. – Д.20.

Рубцовское земельное управление

В декабре 1919 года при Рубцовском исполнительном комитете был организован земельный отдел. В 1922 г. он был реорганизован в Рубцовское земельное управление. После образования округов

управление стало частью исполкома Рубцовского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сибирского края, затем Западно-Сибирского края. Документы распределены по 40 делам в двух фондах и находятся в архивном отделе администрации г. Рубцовска [1]. Фонд Р-7 включает в себя документы постоянного хранения за 1921-1925 гг. и состоит из 9 дел. Опись переработана 10 марта 1982 года. Документы внесены в хронологической последовательности, время поступления в архив неизвестно.

Фонд Р-9 состоит из документов земельного управления Рубцовского округа за 1925-1930 гг.; поступил в архив в 1943 г.

Документы находятся в удовлетворительном состоянии, многие написаны карандашом, читаются хорошо. Для их написания использовалась как газетная бумага, так и обрывки различного рода афиш, уведомлений, порой еще царского времени.

В делах содержатся циркуляры и указания Алтайского губернского земельного управления, переписка с этим управлением, списки сотрудников Рубцовского управления, анкеты на них, протоколы заседаний аттестационных комиссий, данные переписки с уездным государственно-политическим управлением (УГПУ), данные о чистке советского аппарата, о работе ветеринарных врачей, о надзоре за распределением семенной ссуды, о работе агроперсонала.

Из этих документов мы можем получить данные о численном составе и структуре управления. Даже по тем временам это была мощная организация, в состав которой входило множество специалистов различного профиля. Так, в 1925 году в списке работников земельного управления округа насчитывалось 78 чел. Заведовал управлением Сергей Арсеньевич Бадаев. В штате управления в этом году числились агрономы, зоотехники, пчеловод, землеустроитель, заведующий лесным отделом, ветспециалисты, бухгалтеры, сторожа, специалисты на участках, а также директора сельтрестов, управляющие совхозами и их заместители, заведующие районными семенными лабораториями, заведующие молочными лабораториями, специалисты лесоустроительной партии, специалисты охранно-карантинных пунктов, землемеры и др. [2].

В 1927 г. окружным земельным управлением заведовал Неклюдов, в 1928 г. – Новаковский Марк Борисович, член ВКП(б) с 1917 г., по профессии кожевник, еврей, его заместителем был Зинченко Афанасий Филиппович, украинец [3].

На каждого руководящего работника управления заполнялся «личный листок ответственного работника», составлялась характеристика.

Работник в личном листке должен был ответить на такие пункты, как «Ваша работа до 17 г.», «После 17 года», указывал, какими языками владеет, был ли за границей и цель пребывания. Кроме этого, он обязан был сообщить, служил ли в армии, к какой партии принадлежит сейчас и принадлежал в прошлом, участвовал ли в революционной и общественной работе до 17 г. и после, привлекался ли к суду, и даже был вопрос «физические недостатки». В характеристике служащего главное место отдавалось социальному происхождению и политическим убеждениям. Предлагалась следующая градация этих убеждений: «сочувствующий (Советской власти – Авт.), скрыто-враждебное настроение, аполитичен, не выяснено». Заполнялись также графы о социальном происхождении, службе в белой армии, давалась характеристика как работника, выяснялось его отношение к коллективизации.

Все социально «неблизкие» работники тут же «вычищались из аппарата», увольнялись без права последующего приема на соответственную работу. Обо всех разговорах, порочащих работника как недоброжелательно настроенного к Советской власти, тут же сообщалось через органы ОГПУ (Объединённого государственного политического управления). Соответственно, руководство делало оргвыводы. Документов такой направленности в описываемых фондах встречается не один десяток.

По данным списка рабочих и служащих окружного земельного управления и работников лесничеств на 1927-1928 гг., всего здесь работало 196 чел., заведовал управлением в это время Яков Николаевич Крылов [4].

Значительная часть документов управления проходила под грифом секретного делопроизводства. Такая секретная документация подразделялась на совершенно секретную, секретную и не подлежащую оглашению переписку. К совершенно секретным относились распоряжения по подготовке землеуправлений и страны к мобилизации, расчёты и нормы мобилизационных запасов, переписка о строительных и ремонтных работах, эвакуационные планы и материалы к ним, фотосъёмки и планы крепостей, укрепрайонов, заводов, технических сооружений.

Секретной была переписка по подготовке рыболовных, лесных, пастбищных договоров и соглашений, переписка о хищничестве иностранных рыбопромышленников в водах СССР, переписка о привлечении сотрудников земорганов по обвинению в преступлениях, отвод земель под крепости, лагеря и полигоны, план развития коневодства, переписка по заказам сельхозорудий и продуктов. Не подлежала оглашению информация о пограничных спорах между национальными республиками, о болезнях скота, планы экспорта леса, переписка по экспорту и импорту.

В целом собранные в этих фондах документы позволяют получить самую разнообразную информацию о земельном устройстве, распределении земельных и лесных ресурсов на территории Рубцовского уезда, а затем Рубцовского округа в 20-х гг. 20-го столетия. Эта информация несомненно будет полезна всем исследователям истории юго-западного Алтая.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.7, 9.
2. Там же. – Д.1, 6.
3. Там же. – Д.13, 30.
4. Там же. – Д.11.

Численность и основные занятия населения Рубцовского округа (1925-1930 гг.)

История образования Рубцовского округа была не столь однозначной как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что против организации округа еще в 1924 г. выступило руководство Рубцовского уезда. Этот вопрос стал даже предметом обсуждения на президиуме Рубцовского уездного исполкома Советов депутатов. Президиум постановил: «Организацию округа в степном районе с основным занятием населения земледелием считать нецелесообразным ввиду того, что такой округ не имел бы под собой прочной экономической базы» [1, л. 188]. Но к этому доводу рубцовских управленцев краевые власти не прислушались. Самостоятельный округ рубцовчане предлагали создать на основе горных районов бывшего Рубцовского уезда с включением туда района Бухтармы, в это время уже ставшего частью соседней республики. Как мы знаем сегодня, и это предложение было не

осуществлено. Более того, выскажем предположение, что за такую «инициативу» рубцовские руководители получили соответствующее внушение, т.е. предложение и рекомендацию не лезть в дела, не входящие в их компетенцию.

Дальнейшее районирование (преобразование укрупненных волостей в районы) продолжалось несколько месяцев. В мае 1925 г. ВЦИК утвердил новое территориальное деление Сибирского края. На территории бывшего Рубцовского уезда был образован Рубцовский округ, куда первоначально вошло девять районов: Рубцовский, Локтевский, Змеиногорский, Колыванский, Курьинский, Покровский, Чарышский, Поспелихинский, Угловский. В декабре 1925 г. решением первого краевого съезда Советов Сибири в состав округа был включен Шипуновский район. В постановлении съезда об этом было записано следующее: «...2. Шипуновский район, запроектированный в составе Барнаульского округа, перечислить в состав Рубцовского округа» [2, с. 225]. Причины такого решения в постановлении не указывались.

Границы и территория округа на протяжении всех лет его существования не были постоянными и претерпели ряд изменений. Отсюда и колебания, как в численности населения округа, так и его площади. Так, в уже указанном постановлении краевого съезда Советов было принято такое важное решение, как передача в состав округа целиком всего Угловского района, а не частично, как планировалось ранее.

Приведем данные из справки о территориальном делении округа, подписанной начальником административного отдела округа Рогаевым и начальником канцелярии Филимоновым. Справка составлена не ранее начала 1926 г. Согласно ее в составе округа было 10 районов с общей численностью населения 384017. Округ состоял из 468 населенных пунктов, 194 сельсоветов, в них было расположено 69483 хозяйства [3, л. 19].

Согласно переписи 1926 г., население округа достигало 418764 человека, из которых 15909 приходилось на город Рубцовск. Среди других округов Сибирского края по этому показателю Рубцовский округ занимал 11-е место. Сельскохозяйственная плотность населения, по данным 1928 г., равнялась 14,03 чел. на 1 кв. км (4-е место среди других округов). В округе, по данным переписи, насчитывалось 935 населенных пунктов [4, л. 2]. При процентном соотношении территории в 0,74 и 4,82% населения посевная площадь

округа составляла 7,72% от посевной площади края; 5,42% достигала численность скота. Товарная продукция хлебофуража округа достигала 15,72% (1/7) всего хлеба края (данные 1928 г.-Авт.) [5, с. 1].

По национальному составу округ был достаточно однородным, т.е. основную часть населения составляли русские и представители других славянских национальностей, но были национальные меньшинства и места их компактного проживания. Так, по данным председателя исполкома Токарева от 17 июня 1927 г., в округе имелось 9 национальных населенных пунктов с населением 3298 чел., из них: немцев – 1768, эстонцев – 502, киргиз (имеются в виду казахи. – Авт.) – 447, татар – 581 [6, л. 42].

По численности городского населения округ находился на одном из последних мест в крае. Так, в 1926 г. население г. Рубцовска составляло 15909 чел., в 1928 г. – 21560 чел. Основным занятием населения города было сельское хозяйство. Промышленность состояла из мельницы, типографии и кирпичного завода. В городе почти полностью отсутствовали культурные учреждения и благоустройство. Вот что писалось об этом в одном из отчетов о развитии округа. «За исключением небольшого железнодорожного клуба, расположенного при станции, в городе нет ни театра, ни кино, ни одного клуба; отсутствует школа-девятилетка. Существующая библиотека ютится в полуразвалившейся избе. Преобладающие строения – дома крестьянского типа и саманные избы. Каменных зданий всего семь. Первые тротуары построены в 1927 г., мостовые отсутствуют совершенно» [5, с. 1-5].

Наиболее крупными населенными пунктами Шипуновского района, по данным 1925 г., были села: Шипуново, Быково, Хлопуново, Порожнее, Нечунаево (соответственно 2494, 3260, 3537, 2382, 3676 жителей). Общая численность населения района составляла 32650 чел. Оно проживало в 40 населенных пунктах [3, л. 2, 2 об.]. В Угловском районе насчитывалось 15 населенных пунктов. Его особенностью было то, что каждый населенный пункт имел свой сельсовет. Общая численность населения района равнялась 26040 чел., число хозяйств 5045. Наиболее крупными селами были: Угловское, Лаптев Лог, Шадруха, Озерно-Кузнецово (в них проживало соответственно 2426, 3867, 2296, 3802 чел.) [3, л. 4]. В Локтевском районе в это время существовало 37 населенных пунктов, 18 сельсоветов. Численность населения достигала 34964 чел. Самыми крупными были села: Локтевское, Покровское, Устьянка, Успенское,

Георгиевка, Александровка, Новенское, Николаевское (соответственно 5567, 2558, 2697, 2509, 2301, 2505, 2262, 2058 жителей) [3, л. 6, 6 об.]. Для Колыванского района было характерно объединение в один сельсовет нескольких сел, так как они в основном были малочисленны. Так, например, в Колыванский сельсовет входило население восьми населенных пунктов. Всего в районе проживало 23551 чел. Самыми крупными были села: Колыванское, Краснощеково, Суетка, Чинятинское, Усть-Беловское, Усть-Чагырка (3638, 3354, 1709, 1600, 1385, 1224 чел.). В районе насчитывалось 53 населенных пункта, 13 сельсоветов [3, л. 9, 9 об.].

Густонаселенным был Змеиногорский район. На его территории в 92 населенных пунктах проживали 58614 чел. Самыми крупными были села: Змеиногорское, Гилево, Саушка, 1-е и 2-е Каменское, Плоское, Старо-Алейское, Шипуновское, Барановское, Ново-Алейское, Корбалихинское (9325, 2809, 3423, 2454, 2839, 2294, 2614, 2658, 2327, 2643, 2358 жителей) [3, л. 11, 11 об., 12, 12 об.]. На территории Чарышского района проживали 20221 чел., имелось 26 населенных пунктов. Крупными были села: Белоглазово, Самсоново, Кособоково, Воробьево, Тугозвоново (1671, 1961, 1340, 1623, 2173 чел.); поселок Ельцовка (1538 чел.) [3, л. 13]. В Курьинском районе в 30 населенных пунктах проживали 27155 чел. Самыми крупными селами были Курья, Кузнецово, Таловка, Ивановка, Трусово, Фирсово (5147, 4446, 2713, 1459, 2557, 2171 чел.) [3, л. 15]. В Покровском районе проживали 46180 жителей, насчитывалось 30 населенных пунктов. В селах Березовка, Комариха, Верх-Камышинка, Ново-Шипуново, Маралиха, Харлово, Кабаново, 2-е Карпово – соответственно 5203, 4295, 4420, 3969, 4340, 2540, 2900 чел. [3, л. 17]. Крупным районом был Пospелихинский. В нем проживало 50747 чел., насчитывалось 68 населенных пунктов. В таких крупных селах, как Калмыцкие Мысы, Клепечиха, Красноярское, Николаевка, Новичиха, Пospелиха, проживали соответственно 3584, 3257, 2988, 4566, 4056, 3301 чел. [3, л. 21, 21 об.]. По данным переписи 1926 г., в Рубцовском районе было 129 населенных пунктов, в которых проживало 65853 чел. [7, с. 38].

Значительно различались районы округа и по своей территории. Локтевский район занимал 2960 кв. верст по данным 1926 г., Колыванский – 1712 кв. верст, Змеиногорский – 3159 кв. верст, а Курьинский – всего 350 кв. верст, Чарышский – 1441 кв. версту [3, л. 6-13].

Трудоспособное население округа по видам занятий было распределено следующим образом: в промышленности работало 284 чел., кустарными промыслами занимались 686 чел., на транспорте и связи – 957 чел., в торговле – 1858, строительстве – 428, государственных и общественных учреждениях – 3639 чел. Всего в этих отраслях было занято 14030 чел. [4, л. 3]. Промышленность округа была развита весьма незначительно и особой роли в экономике округа не играла. В 1926 г. в округе имелось 9 промышленных предприятий краевого значения, в том числе Змеиногорский спиртово-водочный завод; республиканское предприятие (Колыванская шлифовально-гранильная фабрика); предприятия местного значения – 5 мельниц (Рубцовская, Тополинская, Локтевская, Коробейниковская, Змеиногорская), Рубцовская типография и Рубцовская электростанция [5, с. 33]. На 103 маслобойных заводах работали 141 чел. [8, л. 155].

Кроме этого в округе насчитывалось 30 артелей, 15 из них было в Рубцовске, 4 – в Змеиногорске. В них числилось 494 чел. По видам услуг артели разделялись на следующие: ремонтные мастерские, кирпичные, пошивочные, кожевенно-обувные, пимокатные, пряничные и др. Наиболее крупными были: артель по производству и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий — «Красный труженик». В ней работал 71 чел. Выделялась также артель по производству кирпича – «Труд» (46 чел.) [9].

И все же основным занятием населения округа было сельское хозяйство и прежде всего земледелие. Главными сельскохозяйственными культурами были пшеница и овес, которые занимали свыше 80% всей посевной площади округа. Их средняя урожайность за 30 лет, с 1897 по 1927 г., составляла примерно 6-7 ц с 1 га. Технические культуры – лен, конопля, подсолнечник – занимали 3,6% посевных площадей округа. Из крупяных выращивали гречиху и просо. Большую роль в экономике округа играл экспорт масла. Так, в 1927-1928 гг. округ дал на экспорт 180 тыс. пудов масла. По заготовкам масла рубцовчане занимали 4-е место в Сибири. В эти годы в округе заготавливалась 1 тыс. пудов меда и 1 тыс. пудов воска. Было 18722 рамочных улья и 13700 колодных ульев [10].

Особую роль в хозяйстве округа играло животноводство. В 1928 г. в округе было: лошадей – 230492, крупного рогатого скота – 345509, овец и коз – 849055, свиней – 107447. Средний вес туши вола или быка составлял 8,9 пуда, коровы – 6,7, молодняка старше года –

4,6, телят – 1,65, овцы – 1,1 пуда. Удой молока на одну корову в год в 1925-1926 гг. достигал лишь 62,4 пуда, или около 1 тыс. кг. Выход шерсти с одной овцы за две стрижки, весеннюю и осеннюю, равнялся 3,24 фунта, или 1,3 кг. Есть данные о числе крестьянских хозяйств округа по количеству коров. В 1928 г. без коров были 5,2% крестьянских хозяйств округа, с одной коровой – 35,2%, с двумя – 33,3%, с тремя – 15,4%. Четыре и более коровы имели 10,9% хозяйств округа [10].

В целом хозяйственный облик округа можно охарактеризовать как типичный сельскохозяйственный район юга Сибири.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.15. – Оп1. – Д.13.
2. Первый краевой съезд Советов Сибири (3-9 декабря 1925 г.). – Новосибирск, 1993. Ч. II.
3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.58. – Оп.1. – Д.13.
4. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.35. – Оп.1. – Д.24.
5. Конъюнктурный обзор хозяйства Рубцовского округа за 1927-1928 гг. – Рубцовск, 1929.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф.47. – Оп.1. – Д. 359.
7. Список населенных мест Сибирского края. Вып. VIII: Рубцовский округ. – Новосибирск, 1928.
8. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.22. – Оп.1. – Д.3.
9. Володин В. Сельское хозяйство Рубцовского округа // Хлебороб Алтая. – 1987. – №110.
10. Кузнецов В. Рубцовский округ в цифрах и фактах // Хлебороб Алтая. – 1986. – №142.

Руководящие работники Рубцовского уезда и округа (1922-1930 гг.): жизнь и судьба

В начале 20-х гг. резко увеличивается население как села, так и поселка при станции Рубцовка. Так, в 1920 г. оно составляло 8740 чел., а в 1926 г. – уже 15956 чел. Близость к железной дороге

способствовала тому, что сюда из Змеиногорска, бывшего центром уезда, стали переезжать уездные хозяйственные учреждения: продовольственный комитет, заготконтора и т.д. Легче стала связь с губернским центром и волостями, входившими в состав уезда. Административные учреждения ещё оставались в Змеиногорске, но эффективность их деятельности стала снижаться. Поэтому президиум губисполкома 8 сентября 1921 г. принял решение о переносе центра уезда из Змеиногорска в Рубцовку. В декабре 1921 г. состоялся губернский съезд Советов, который утвердил новое районирование губернии в составе шести уездов. В Рубцовский уезд вошли 28 волостных исполнительных комитетов, Змеиногорский горисполком и 216 сельских советов.

Первым председателем Рубцовского уисполкома избрали Матвея Александровича Игнатова, ранее возглавлявшего Змеиногорский уисполком. Он происходил из крестьянской семьи, уроженец села Павловское Алтайской губернии. Окончил церковно-приходскую школу. Участвовал в аграрных беспорядках в с. Павловское в 1911 г., за что был арестован. Год просидел в предварительном заключении. В годы революции был также заключен в тюрьму. Участвовал в подпольной работе, готовил восстание в Барнаульском уезде. Был назначен начальником штаба дивизии, освобождавшей от колчаковцев Барнаул. Дошел с дивизией до Новониколаевска. Отозван на работу в Томский губком РКП(б), был членом Алтайского губкома РКП(б). Направлен председателем Змеиногорского уисполкома (Рубцовского). 25 сентября 1922 г. освобожден от должности и выехал в Барнаул на новое место работы. Вместо него председателем уисполкома стал Моисей Израилевич Фугенфиров. О нем известно, что он в начале 1920 г. был членом Новониколаевского уездного комитета труда [1].

Секретарем Рубцовского уисполкома в 1922-1923 гг. был Николай Иванович Аникин, 1885 г. рождения, уроженец Пермской губернии. Его биография очень сложна и запутанна. Он окончил городское училище и педагогические курсы, работал учителем начальной школы в Чусовском заводе. В 1905 г. вступил в РСДРП, был пропагандистом, парторганизатором на уральских заводах. Несколько раз арестован, заключался в тюрьмы и крепость, затем отошел от партийной работы. После революции вновь вступил в партию. Работал секретарем, заместителем председателя Бийского уисполкома, секретарем Рубцовского уисполкома, членом губкома

партии в Барнауле. С 1924 г. в Москве в наркомате финансов РСФСР. В 1925-1929 гг. на дипломатической работе – управляющий делами банка в Тегеране, консул в Персии и Китае. Далее Николай Иванович сменил ещё несколько работ и видов деятельности и в 1934 г. назначен заместителем директора публичной библиотеки в Ленинграде. Умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. [2].

Далее, вплоть до упразднения уездов и создания системы округов, главой исполнительной власти являлся Георгий Степанович Корняков. Он родился в 1893 г. в Северо-Двинской области в крестьянской семье, окончил начальное училище и учительские курсы, работал учителем. Затем была армия, в которой он служил прапорщиком. С 1917 по 1919 гг. содержался в барнаульской тюрьме, затем был политраблотником в Красной Армии. С 1921 по 1922 г. заведовал отделом в Горно-Алтайском уезде, с 1922 по 1923 гг. был секретарем Алтайского губисполкома. В Рубцовске жил и работал с 1923 по 1926 гг. После ликвидации уездов был избран первым председателем Рубцовского окружного исполкома. В декабре 1926 г. переведен в Новосибирск заведующим краевым организационным отделом [3].

В эти же годы в Рубцовске работал ещё один известный в истории Сибири человек – Юлиан Гаврилович Циркунов. В 1922 г. он был Рубцовским уездным продовольственным комиссаром. По профессии он также учитель, из крестьян Воронежской губернии. Участвовал в русско-японской войне, окончил Чугуевское юнкерское училище. В первой мировой войне дослужился до штабс-капитана. Дважды ранен, награжден тремя орденами. С 1921 г. на Алтае: губернский военный комиссар, Рубцовский продкомиссар. После гражданской войны заведовал Барнаульским рабфаком Томского университета, губернским истпартом и окружным архивным бюро, был заместителем редактора газеты «Красный Алтай». В 1929-1937 гг. Ю.Г. Циркунов – научный сотрудник Западно-Сибирского истпарта, который возглавлял известный большевик-подпольщик, историк и журналист В.Д. Вегман. В эти годы появляются краеведческие публикации Ю.Г. Циркунова – «Красногвардейский отряд Петра Сухова», «Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова», «Повстанческое движение на Алтае», «Солоновский бой». После ареста Вегмана в 1936 г. начались гонения и на Циркунова. Он был обвинен в том, что все его краеведческие работы написаны с троцкистских позиций. В 1937 г. Циркунов переехал в с. Турочак,

спасаясь от преследований, где работал заведующим отделом здравоохранения Турочакского аймака (района) и преподавателем истории в школе. В июне 1938 г. был арестован и приговорен к 20 годам заключения. Умер в лагерной больнице в сентябре 1941 г. Реабилитирован в 1954 г. [4].

25 мая 1925 г. на территории уезда в составе Сибирского края был образован Рубцовский округ. После Г.С. Корнякова председателем исполкома Рубцовского окружкома стал Александр Арефьевич Токарев. Он родился в Черемховском районе Иркутской области, до 22 лет работал чернорабочим. Окончил 2-классное приходское училище, служил в царской армии рядовым. С 1917 по 1920 г. в партизанском отряде, был членом ревкома в Черемхово, там же председателем райсполкома. Затем работал в Зиминском, Каинском, Новониколаевском уездах заместителем, председателем уисполкома. В Новосибирске был заместителем председателя окрисполкома. После Рубцовска служил на подобных же должностях в Кузбассе, где и был репрессирован [5]. В должность председателя Рубцовского окрисполкома А.А. Токарев вступил 12 августа 1926 г.

Высшим органом округа был Президиум, в состав которого в 1926 г. входили следующие члены: Токарев, Комаров, Игнатьев, Будаев, Беседин, Шестопалов, Скворцов. Кандидатами в члены Президиума были Филиппов, Калашников, Задорожных [6, л. 34]. Заместителем Токарева был Иван Михеевич Будаев, секретарем Президиума – Тихон Герасимович Шестопалов, уроженец Тульской губернии, из крестьян, занимался пчеловодством. С 1916 по 1918 г. был на военной службе в Румынии. С 1919 по 1921 г. работал секретарем исполкома в Барнаульском уезде, затем в 1922 г. его перевели секретарем в Рубцовский уезд [7].

Окружной плановой комиссией руководил Вадим Михайлович Лавров, личность очень примечательная в плане биографии и образования. Родился Лавров в 1898 г. в Златоусте, по основной профессии журналист, окончил Томское реальное училище и 3 курса Московского университета. Активно участвовал в революционных событиях в Омске, сидел в тюрьме при колчаковцах. Работал в газетах «Советская Сибирь», «Красный Крым», «Рабочей газете», «Жизнь Сибири», издательстве «Красная новь» [8]. Его заместителем с 1925 по 1928 гг. был бывший крестьянин деревни Поломошной Василий Фролович Байдилов. Он один из немногих руководителей окружного звена, проживавших ранее в округе. У Байдилова за

плечами было Змеиногорское училище и Омский учительский институт [9].

Организационным отделом Рубцовского окрисполкома заведовал Тимофей Николаевич Пугачев, 1895 г. рождения, уроженец Брянской губернии. Тимофей Николаевич – член ВКП(б) с 1917 г., окончил коммунистический университет им. Зиновьева, был участником всероссийского съезда Советов. До назначения в Рубцовск два года заведовал отделом уисполкома в Енисейской губернии [10].

Есть данные и на руководителя окружного статистического бюро. Им в 1925-1926 гг. был Иван Иванович Ежов, 1898 г. рождения, уроженец Алтайской губернии, окончил Тальменское училище. Служил в царской армии, у Колчака, затем бежал. Работал в Барнауле, заведовал уездным статбюро [11].

Секретной частью окрисполкома заведовал Сергей Алексеевич Карташов, 1904 г. рождения, окончил Семипалатинское училище. Ранее работал секретарем сельсовета, делопроизводителем в районе [12]. К числу ответственных работников округа относилась и должность инструктора. Ее занимали Лука Афанасьевич Басаргин и Федор Дмитриевич Непомнящих. В сравнении с другими руководителями округа он был постарше, до революции успел поработать слесарем, окончил ремесленное училище, затем Коммунистический университет. С 1917 по 1921 г. работал в г. Ишиме, был комиссаром участка железных дорог, затем служил в Тюмени [13].

Кроме вышеуказанных, в состав окружных организаций входили: окрздравотдел, управление прокурора, военкомат, уполномоченный сибкрайсуда, окружное земельное управление, административный отдел, уполномоченный сибкрайторга, собес, инспекция труда, страховая касса, отделение госстраха, селькредит, госсельсклад, хлебопродукт, сибторг, госбанк, охотсоюз, маслогосторг, кожсиндикат, кожсырье, госторг [14, л. 34].

В каждом районе округа избирались по 15 членов райисполкома. В 1926 г. председателем Рубцовского райисполкома был Федор Иванович Задорожных, 1897 г. рождения, уроженец Рубцовского округа, закончил начальную сельскую школу. Работал секретарем волисполкома и председателем Екатерининского и Успенского волисполкомов, заведовал Рубцовским собесом. С 1919 по 1921 гг. участвовал в партизанском движении [15]. Его заместителем был Дмитрий Андреевич Полухин, 1896 г. рождения, уроженец с.

Шелковниково Рубцовского округа, активный участник партизанского движения. Дмитрий Андреевич работал в волисполкоме, обществе потребителей, маслозаводе. В дальнейшем исполнял должность председателя Рубцовского райсполкома [16].

Позднее председателем Рубцовского райисполкома стал Николай Васильевич Зиновьев, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1920 г., окончивший начальную школу. До этого он служил в милиции, был инструктором райкома партии. Его сменил Х. Новиков, далее председателем райисполкома был Конопелько (имя, отчество не установлены – Авт.). В 1930 г. председателем Рубцовского РИКа стал В. Мохов [17, лл. 79, 138, 38].

Угловским райисполкомом до сентября 1926 г. руководил Леонид Дмитриевич Кузнецов, 1886 г. рождения, уроженец с. Локоть, окончивший начальную школу. Леонид Дмитриевич – участник гражданской войны, в 1918 г. организовал восстание молодых новобранцев против Колчака, за что получил наказание в виде 350 плетей и 14 месяцев отсидел в барнаульской тюрьме. Работал секретарём партячейки, делопроизводителем в Локте, секретарём волостного парткома [18].

Руководителем исполнительной власти в Шипуновском районе был Леонид Артемьевич Нечунаев, 1898 г. рождения, уроженец Алтайской губернии, по профессии – машинист по паровым двигателям. Был мобилизован в колчаковскую армию, затем перешел на сторону партизан. С 1919 по 1925 гг. служил в Красной Армии, был ответственным организатором полка, занимал должность комиссара полка [19].

Должность председателя исполкома в Колыванском районе занимал Алексей Степанович Целовальников, 1893 г. рождения, уроженец с. Ново-Егорьевское, из крестьян, без профессии. Был призван в царскую армию, дослужился до старшего унтер-офицера. В советское время командовал ротой, был военкомом, секретарем райкома, инструктором укома партии [20].

Чарышским райисполкомом руководил Василий Федорович Кузнецов, 1895 г. рождения, уроженец Нижегородской губернии, из крестьян. Василий Федорович в Красной Армии дослужился до командира эскадрона. С 1918 по 1925 г. был на советской работе: председателем сельсовета в Ельцовке, председателем райисполкома в Белоглазовском районе [21].

Главой Локтевского района – председателем райисполкома был Иван Михайлович Василенко, украинец, возраста 31 год; председателем Змеиногорского райисполкома был Константин Григорьевич Дудников, возраст – 33 года, в этой должности на 1 мая 1926 г. находился 4 года; Курьинским райисполкомом руководил Иван Семенович Каменев, возраст – 28 лет, 2 года в должности; Покровским – Андрей Антонович Шабанов, 32 года, 5 лет в должности; Пospелихинским – Федор Гаврилович Васильев, 38 лет, 6 лет в должности [22].

В ходе дальнейших розысков были установлены биографии ещё нескольких ответственных работников Рубцовского округа. Среди них Георгий Григорьевич Коротков. В 1929-1930 гг. он был ответственным секретарем Рубцовского окружкома партии. Георгий Григорьевич Коротков – русский, из крестьян, образование низшее. Батрачил на селе, работал на пороховом заводе в Казани. Активный участник гражданской войны. Родился в 1892 г. Был военным комиссаром в Ижевске, Златоусте. В начале 20-х гг. в Акмолинске – председатель уездного партбюро, председатель Акмолинского уисполкома, ответственный секретарь Кокчетавского укома партии. С 1928 г. в Сибири – ответственный секретарь Тулунского окружкома, далее работа в Рубцовске, Омске, Караганде, Петропавловске [23].

Еще одним руководителем Рубцовского округа – ответственным секретарем окружкома партии в конце 20-х гг. был Василий Иосифович Никульков. Он родился в 1899 г. в Богучарском уезде Воронежской губернии в семье крестьянина-бондаря. Окончил церковно-приходскую школу. В мае 1917 г. вступает в партию большевиков. Устанавливал советскую власть в Калаче и Миллерово. Окончил рабфак Воронежского университета. После гражданской войны на партийной работе: секретарь Омского окружкома ВКП(б), секретарь окружкома в Рубцовске, заведующий отделом крайкома партии в Новосибирске, заведующий краевым отделом народного образования. Арестован в 1936 г. как активный участник контрреволюционной организации правых в Западносибирском крае. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1957 г. Его сын Анатолий Васильевич Никульков – известный сибирский писатель, редактор журнала «Сибирские огни» (1975-1987 гг.) [23].

Окружным прокурором в Рубцовске в это время работал Станислав Казимирович Садковский, уроженец Гродненской губернии, из рабочих. В 1919-1921 гг. зам. председателя,

председатель ревтрибунала дивизии, далее член Новониколаевского губсуда. В 1923-1928 гг. прокурор Ойротской автономной области, в 1928-1929 гг. – прокурор Рубцовского округа. В 1930-1936 гг. – прокурор Сибирской краевой прокуратуры. В 1938 г. арестован как «троцкист». В 1939 г. из заключения освобожден. Впоследствии работал в органах прокуратуры Кемеровской и Новосибирской областей [24].

С Рубцовском связана и часть биографии одного из редакторов газеты «Красный Алтай» Семена Рувимовича Телишевского. Он родился в 1903 г. в семье портного. Работал в газетах Ижевска, Смоленска, Рудни. В 1932 г. поступил в Московский институт журналистики, по окончании 1-го курса был направлен редактором многотиражной газеты МТС «Гигант» Рубцовского района. С 1935 по 1937 гг. – редактор газеты «Красный Алтай». В августе 1937 г. был арестован органами НКВД. Его обвинили в подрывной работе, в «протаскивании» в газете контрреволюционных фраз и лозунгов. Во все горкомы и райкомы ВКП(б) Западно-Сибирского края 16 августа 1937 г. поступило письмо из крайкома за подписью секретаря крайкома Эйхе, в котором Телишевский прямо обвинялся в том, что «не только не вел борьбы за оздоровление аппарата редакции и типографии, но и сам засорял его и преднамеренно прикрывал преступную контрреволюционную деятельность врагов народа». В письме предлагалось: «Проверить состав редакции, освободиться от политически неустойчивых». Телишевский был расстрелян 16 августа 1938 г. в Барнауле. Реабилитирован в 1956 г. [4].

В Рубцовске начиналась карьера будущего начальника управления НКГБ Ойротской автономной области Алексея Ивановича Храмова, уроженца Самарской губернии, участника гражданской войны. В 1920 г. он возвращается в родное село Гавриловку, где работает переписчиком и в колхозе. Затем уезжает в Сибирь и на несколько лет его судьба связана с Алтаем и Рубцовском, где он работает грузчиком, делопроизводителем, секретарем райкома ВЛКСМ. После окончания юридических курсов в Иркутске он становится следователем, оперативным уполномоченным ГПУ и НКВД [25].

С 1927 г. в Рубцовском окротделе ОГПУ на разных должностях служил будущий капитан государственной безопасности, «местный Берия», как его называли в Томске, где фактически закончилась его карьера, о чем сообщает В.Н. Уйманов [26, с. 229] Иван Васильевич

Овчинников. Он родился в 1898 г. в Костромской губернии, в семье крестьянина. Окончил двухклассное училище и учительскую школу. Служил в Красной Армии, работал продовольственным комиссаром. В 1923 г. откомандирован в распоряжение Сиббюро ЦК РКП(б), направлен на работу в Алтайский губотдел ОГПУ. В 1936 г. переведен в Томск, где прослужил до мая 1938 г. в должности начальника городского отдела НКВД. В 1935 г. был награжден знаком «Почетный сотрудник», в 1937 г. был представлен к награждению именованным боевым оружием. В мае 1938 г. Овчинников был освобожден от оперативной работы и назначен на работу в систему «Дальстроя» НКВД. В 1939 г. был арестован за «антисоветскую агитацию» и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. В мае 1941 г. по приговору Военного трибунала был расстрелян. Реабилитации не подлежит [27].

Библиографический список

1. Никитин М.Ф. Незабываемое прошлое // Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904-1920 гг.). – Новосибирск, 1959.
2. Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1-3. Аникин Николай Иванович [Электронный ресурс] //http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=902.
3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска – Ф. 1. – Оп 1(л). – Д. 14
4. Алтайская правда – 1997. – 9 августа.
5. Архивный отдел администрации г. Рубцовска – Ф. 1. – Оп 1(л). – Д. 48
6. Там же. – Ф.58. – Оп 1. – Д.56.
7. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.45.
8. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.46.
9. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.49.
10. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.35.
11. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.9.
12. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.24.
13. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.47.
14. Там же. – Ф.58. – Оп 1. – Д.56.
15. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.11.
16. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.32.

17. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.21, 26, 38.
18. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.18.
19. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.29.
20. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.43.
21. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.17.
22. Там же. – Ф.1. – Оп 1(л). – Д.2.
23. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. 1898-1991 [Электронный ресурс] [//www.knowbysight.info/ТТТ/13574.asp](http://www.knowbysight.info/ТТТ/13574.asp)
24. Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Том 5. Книга 2. – М., 2006.
25. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – М., 1999.
26. Уйманов В.Н. Капитан государственной безопасности Иван Овчинников // Вестник ТГПУ – 2012. – №5 (120).
27. Оперативная разработка на начальника Томского ГО НКВД капитана госбезопасности Овчинникова [Электронный ресурс] <http://blog.stepanivanovchkaragodin.org/?p=563>.

Коммуна «Новая Корея»

Первые корейцы на российской земле появились еще в 60-е гг. XIX в. Местом их поселения становится Дальний Восток. Постепенно они осваиваются на новых землях и начинают продвигаться на Запад в Восточную и Западную Сибирь. На Алтае корейцы появились на рубеже XIX-XX вв., в годы гражданской войны в Сибири находилось около 5 тысяч корейцев, а по данным переписи 1926 г. в Сибирском крае проживало 877 корейцев.

Приток корейцев на Алтай вырос после гражданской войны. Часть их надеялась найти здесь работу, другие присоединялись к уже жившим соплеменникам. Одной из причин их продвижения в западные регионы Сибири стало ужесточение норм предоставления им земли на Дальнем Востоке. В Сибири корейцы селились немногочисленными группами, работали в основном в городах на самых тяжелых работах [1, с. 15].

Одним из немногих мест концентрации корейцев в Сибири и на Алтае стала коммуна «Новая Корея», возникшая в конце 20-х гг. на территории Веселоярского сельсовета Рубцовского района Рубцовского округа. По мнению В.С. Бойко, поселение корейцев в

Веселоярске возникло еще в 1925 г., до начала массовой коллективизации. По его же информации, основанной на данных официальной статистики, в начале 1920-х гг. на Алтае проживало совсем небольшое число корейцев: 7 чел. в Барнаульском уезде, 12 – в Рубцовском, 8 – в Бийском, однако он тут же добавляет, что в действительности их было значительно больше, так как точного учета миграции населения в то время не существовало [2, с. 138].

В момент образования в коммуне насчитывалось 15 хозяйств, в которых проживало 30 чел. [3, л. 37]. Основным занятием членов коммуны было полеводство. На протяжении трех лет коммунары ставили опыты по выращиванию риса, но они оказались неудачными. Большое количество тепла давало возможность полного налива зерна, но оно не успевало вызреть до начала осенних заморозков, и от идеи выращивать рис на веселоярской земле пришлось отступить. Стали сеять пшеницу, просо, овес, выращивали также лук, капусту, картофель. В 1931 г. в коммуну входило 50 хозяйств, в которых проживало 192 чел. Надо сказать что кроме корейцев в поселке проживали и представители других национальностей. Коммунарам принадлежало 53 лошади, 66 голов КРС, 26 свиней. Посевная площадь артели в этом году составила 153 га [4, с. 67]. Корейцы составляли 0,2 процента численности населения Рубцовского района на 1 июля 1931 г. (163 чел. при населении района 81716 чел.) [5, с. 145].

Вот что написано о жизни в коммуне в эти годы в книге веселоярского краеведа И.Д. Печерина. «Коммуна имела 2 трактора, однолемешные конные плуги, бороны «Зиг-Заг», пароконные брички, лобогрейки, самосброски. Поселок коммуны был благоустроенный, работу коммунары начинали по сигналу, по сигналу обедали, собирались на собрания и т.д. Жили в достатке, имели столовую, пекарню, баню, клуб, даже неплохую самодеятельность. Но были трудности: не хватало техники в посевную и уборочную пору, недостаточно было рабочих рук. Работали в три смены и больше вручную» [6, с. 39].

Осенью 1931 г. в Рубцовском районе и в Веселом Яре побывал будущий известный советский поэт Евгений Долматовский. Ему в это время было всего 16 лет, в Сибирь и на Алтай он был послан как корреспондент центральных пионерских газет («Дружные ребята», «Пионер», «Пионерская правда»), в которых уже были опубликованы его первые стихи. Во время своей командировки Евгений Аронович

некоторое время даже успел поработать в рубцовской окружной газете. Об этой поездке он впоследствии написал в автобиографической повести «Было», где, в частности, описывается его посещение коммуны «Новая Корея».

Приведем некоторые выдержки:... «Коммуна у Веселоярска, а в Рубцовске их комната-корейское представительство. Я впервые в жизни вижу корейцев. Лица их загадочно красивы, женщины кажутся всегда задумчивыми...

... Они меня повели обедать. Нечто сугубо национальное – огурцы в чесночном настое... Пак водил меня смотреть посеvy риса – засеяли пока один гектар. В Сибири рис никогда не рос, в прошлом году сеяли, но неудачно. Некоторые агрономы утверждают, что не будет риса, а другие, что будет, еще какой. Однако в этом году рис будет, наперекор природе. Триста пудов с гектара – доходная статья.

... Пионеры-корейцы приехали на телегах с веселыми гортанными криками. Почистив зубы, умывшись, стали играть в игру – вроде нашего чижикиа. Чудно кричали. Веселее всего было смотреть, как двое русских ребят-коммунаров точно так же орали по-корейски... Отряд оказался хороший, деятельностный. Создали дозоры урожая» [7, с.162].

Кроме корейцев в поселке коммунаров жили и представители других национальностей. Многие одинокие корейцы брали в жены женщин из Веселоярска. Так рождались смешанные семьи. Очень сложной была судьба самого старшего из корейцев – Кима Тен-ока, родившегося в 1870 г. После долгих лет скитаний в 1928 г. он принимает советское гражданство и в 1930 г. оказывается в коммуне, где женится на Бисюковой Анне. Среди старейших жителей «Новой Кореи» был и Пак-Ги-дюн. Вместе с ним в поселке жили его мать, братья, сестры, его жена и дети.

В поселке была собственная корейская школа. В 1936/37 учебном году в ней обучалось 32 ребенка, во втором классе – 16, третьем – 8, четвертом – 8. Занятия вели учителя Ли Сын-юр и Те Гван-себ. В годы гражданской войны они служили в Красной Армии, затем работали на Дальнем Востоке, после оказались в Новосибирске, где узнали о корейском поселке в Рубцовской степи. Они также имели здесь свои семьи [2, с. 140].

Известны и руководители «Новой Кореи». Одним из них был Сергей Николаевич Мун. Он родился уже в России в 1913 г. Жил и учился в Хабаровске, затем в Томске, Ленинск-Кузнецке. В 1933 г.

выехал в Рубцовск и «Новую Корею». Был женат на русской. С 1936 г. всего один год колхоз возглавлял Ким-Чер-гван. В «Новую Корею» приехал в 1931 г. Сначала работал кладовщиком. В юные годы жил в Китае у своих родственников. Учился в китайской школе, где преподавание велось на японском языке, изучались также немецкий и английский языки [2, с. 142].

В конце 30-х гг. рубцовские корейцы, как и все жители страны, попали в мясорубку репрессий и чисток. На Алтае были репрессированы представители 43 национальностей и народностей, из них 57 корейцев [8, с. 106]. Массовый арест корейцев из «Новой Кореи» произошел 18 декабря 1937 г. Среди арестованных был Ким Ен, 1915 г. рождения, рядовой колхозник; Ким Чер Гван, 1907 г. рождения, председатель сельхозартели; Семен Когай, 1904 г. рождения, колхозник; Мун Де Ир, 1909 г. рождения, комбайнер; Те Гван Себ, 1897 г. рождения, колхозник. Все они были обвинены сразу по нескольким пунктам (6,7,11) статьи 58 УК. Эти пункты предусматривали участие в организации, действия которой направлены на свержение, подрыв или ослабление власти, в саботаже и подрыве промышленности, торговли и транспорта, а также активные действия, проявленные на ответственных должностях при царском строе или в период гражданской войны (какие ответственные должности могли быть у корейцев-мигрантов? – Автор). Мерой наказания им стал расстрел, осуществленный 20 октября 1938 г. в Барнауле [9].

По сведениям В. Бойко, после репрессий уцелели только два коммунара из Веселоярска – Тен-Пен-юр и Ли-Чан-Себ. Тен-Пен-юр в «Новой Кореи» оказался в 1934 г. До этого жил и работал на Дальнем Востоке. Был арестован в апреле 1938 г. Отбывал срок и жил на поселении в Казахстане и Красноярском крае. Реабилитирован в 1957 г. Ли-Чан-Себ приехал в «Новую Корею» в 1934 г. Здесь у него была семья: жена и сыновья. Ближайшие родственники обосновались в Ташкенте. Ли-Чан-Себ работал счетоводом, но тоже был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к 10 годам лишения свободы. После освобождения вернулся в Веселоярск [2, с. 148].

В настоящее время на постоянной основе корейцы на территории Рубцовского района не проживают, но они вносят существенный вклад в развитие товарного огородничества. Ежегодно они приезжают из Киргизии, арендуют земли в хозяйствах района и

выращивают лук, бахчевые культуры, снабжая своей продукцией горожан.

Библиографический список

1. Ворожищева О.М. Из истории формирования корейской диаспоры в Западной Сибири // Вопросы истории международных отношений и документоведения. – Выпуск 6. – Томск, 2010.

2. Бойко В.С. Корейцы на Алтае: Особенности хозяйственной жизни и социального устройства общины // Вестник центра корейского языка и культуры. – Выпуск 9. – Спб., 2006.

3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф39. Оп.1. – Д.63.

4. Кузнецов В. Земля Рубцовская. Часть 2. – Рубцовск, 2006.

5. Рубцовский район Западно-Сибирского края – Экономический справочник. – Новосибирск, 1931.

6. Печерин И. Наш путь. Очерки и заметки по истории Рубцовского района. – Рубцовск, 2004.

7. Цит. По: Печерин И. Веселоярск. – Рубцовск, 1999.

8. Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931-1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №357.

9. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. VI. – Барнаул, 2004.

Двадцатипятидесятники

В ноябре 1929 г. на пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в соответствии с которым было решено направить в колхозы и МТС на постоянную работу 25 тысяч рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами» [1]. Сразу после пленума в стране начинается отбор добровольцев. Заявления добровольцев рассматривали также партийные организации, кандидатов обсуждали на заводских и цеховых собраниях. Для подготовки 25-тысячников к работе в деревне были созданы специальные курсы, на которых изучались вопросы колхозного строительства, часть 25-тысячников была послана на 2-3 месячную практику в совхозы.

Основным критерием отбора стал критерий обладания «достаточным организационно-политическим опытом», который на практике выразился в сочетании принципов добровольности и принуждения, так как необходимо было отсеять тех, кто имел неподходящее происхождение и прошлое. В условиях дефицита кадров и времени достаточно часто приходилось прибегать к мобилизации членов партии без учета их согласия.

На 25-тысячников возлагались две основных задачи – организационно-производственная и идеолого-политическая. На местах они должны были не только руководить создаваемыми коллективными хозяйствами, но и мобилизовывать, убеждать население.

Для участия в коллективизации сельского хозяйства Сибири было мобилизовано 1730 рабочих промышленных предприятий Ленинграда. В январе-феврале 1930 г. они прибыли в Сибирский край и были распределены между основными зерновыми районами Западной Сибири. Не менее 350 рабочих были мобилизованы на предприятиях Сибири [2, с. 15]. Еще более точные данные были представлены в отчете Сибкрайкома ВКП(б) 5-й краевой конференции. По состоянию на 10 мая 1930 г. в «Рубцовку было направлено 288 ленинградских рабочих, Славгород – 283, Новосибирск – 218, Барнаул – 192, Омск – 150, Бийск – 143, Барабинск – 129». Всего 1403 чел. или 70,9 процента от общего числа [3, с. 156].

Численность 25-тысячников, направленных в Рубцовский район, по данным И.Д. Печерина, составляла 36 чел., из них 26 работали председателями и членами правления колхозов и коммун. В апреле 1930 г. в район прибыли 5 чел. из Москвы. Они были направлены на советскую работу: Гусев – секретарем РИКа, Розыграев – в Титовский сельсовет, А.И. Беляев – в Тишинский сельсовет, И.С. Лебедев – Веселоярский сельсовет, Белоусов – Половинкинский [4]. По данным на 10 сентября 1931 г., в районе работало 19 ленинградских рабочих, которые были председателями колхозов, секретарями партячеек, зам. директорами МТС. Их новым местом жительства стали Веселоярск, Катково, Новоалександровка, Рубцовск, Безрукавка, Лебяжье, Титовка, Дурнево. В прошлой жизни они были рабочими – кузнецами, слесарями, механиками, токарями. Обязательным условием было членство в партии. Приведем более подробную информацию по одному из них. В. Василенко, 1904 г.

рождения, член партии с 1926 г. слесарь механического завода №7, направлен председателем колхоза в Новоалександровку [5, л. 4].

Значительная часть этих новых кадров, поставленных на руководящие должности, не могла соответствовать им как в силу своего низкого образования, так и неимения соответствующего опыта работы на селе, незнания сельской специфики. По сведениям Сибкрайкома ВКП(б), в Сибири весной 1930 г. на руководящей колхозной работе было использовано 66,3% процента 25-тысячников (43,9 процента – председателями коммун и колхозов, 22,4 процента – членами правления). Эти показатели значительно превышали средние по стране. По мнению исследователя движения 25-тысячников в Сибири Н. Троценко, такое расхождение можно объяснить более значительным дефицитом руководящих кадров в Сибири [6, с. 40]. Это мнение подтверждается и данными по Рубцовскому округу. В декабре 1929 г. состоялось заседание бюро Сибкрайкома ВКП(б), заслушавшего отчет о работе и состоянии Рубцовской парторганизации. Решением бюро это состояние было признано неудовлетворительным, секретарь окружкома Коротков снят с должности. Было также решено в кратчайший срок подобрать руководящих работников для Рубцовской организации [7, л. 20].

В течение последующих лет численность 25-тысячников в Сибири постоянно сокращается. К 1932 г. их осталось 60 процентов от работавших осенью 1930 г. Часть из них была впоследствии выдвинута на ответственную работу в земельные управления, направлены на курсы подготовки специалистов, в вузы и техникумы и вошла в сельскохозяйственную номенклатуру. Некоторые были привлечены к уголовной ответственности, исключены из партии. Были и такие, кто возвратился домой самовольно, за что понес соответствующее наказание [2, с. 16].

Лишь немногие остались в Сибири насовсем. Среди них был и наш земляк Иван Родионович Шахов. Он родился в 1897 г. в Тульской губернии, с 1918 по 1922 г. был в Красной Армии (1-й Заамурский полк), затем работал в Москве на Трехгорной мануфактуре. В 1925 г. Краснопресненским РК ВКП(б) был принят в партию. В 1930 г. как 25-тысячник прибыл на Алтай, работал в Тальменке председателем сельсовета, заместителем председателя Тальменского райисполкома, с 1948 г. работал в Рубцовском районе директором Заготзерно и Рубцовской заготсбытбазы [8].

Деятельность посланцев Ленинграда была положительно оценена уже через несколько месяцев после начала их работы в Сибири, что отметил секретарь Сибкрайкома Р.И. Эйхе в выступлении на 5-й краевой партийной конференции ВКП(б). В резолюции конференции указывалось, что «конференция считает правильной дальнейшую посылку новых кадров рабочих на колхозную работу путем тщательного отбора посылаемых и с предварительной основательной подготовкой к предстоящей работе в колхозах». На конференции один из ленинградских 25-тысячников, Ф.Д. Шутеев, работающий в Рубцовском округе, был избран членом Сибирской краевой контрольной комиссии [9, с. 194, 727, 753].

И все же, как показывают исследования сибирских историков, значительная часть 25-тысячников (23 процента от оставшихся осенью 1930 г. в Западной Сибири), по оценкам, данным их работе райкомами ВКП(б), не справились со своими задачами [2, с. 20]. Так, П. Юрьев не справился с работой директором Лебяжинского МКС и был послан секретарем партячейки в с. Сросты. Но и эту работу выполнял неудовлетворительно. Юрьев был назначен культурником в коммуну «Сибирский пахарь», но и здесь Рубцовский райком ВКП(б) был не удовлетворен его деятельностью и предложил крайкому перевести его в другой район. В итоге он был откомандирован обратно на производство [6, с. 42].

Работа 25-тысячников контролировалась и центральными органами власти, в частности ОГПУ. Так, в секретной справке, подготовленной информационным отделом ОГПУ и разосланной руководителям партии, сообщалось о случаях нарушения 25-тысячниками правовых норм, пьянства, грубого обращения, игнорирования местных работников. Были среди них и ленинградцы, посланные в Рубцовский округ. «В с. Поспелиха Рубцовского округа председатель коммуны «Гигант» ленинградец Кошелев на общем собрании коммуны выступил с таким заявлением: «Здесь я, товарищи, живу недолго, но уже узнал, что все вы – аспиды и идиоты, и рассуждать по бедняцки-батрацки и по-большевистски не можете». Такое заявление привело в сильное возмущение присутствующих на собрании, имелись выкрики: «Раз все мы дураки и негодяи, то, выходит, нам здесь делать нечего, мы не нужны». Собрание было сорвано».

Еще: «Отдельные лица из приехавших в г. Рубцово (Сибирь) ленинградцев после обследования нескольких советских учреждений

и обнаружении ряда недочетов в их работе на совещании в ОКРИКа заявили: «Окружком партии нужно сменить, он покровительствует лицам, делающим злоупотребления уголовного и политического характера. Надо срочно вызвать комиссию из ЦК»».

«В Локтевском районе Рубцовского округа отдельные члены ячейки с. Локоть по поводу приезда ленинградцев на руководящую работу в колхозы с неудовольствием высказывались: «Вот приехали ленинградцы, а разве мы сами здесь не справились бы с работой. Их посылают управлять нами, тогда как работа наполовину уже проведена. Посмотрим, как они будут работать»» [10].

Подобные случаи были не единичны и регистрировались во всех регионах, куда направлялись 25-тысячники. Отсев неспособных или скомпрометировавших себя своей деятельностью и поведением осуществлялся непрерывно. Если вначале большинство 25-тысячников направлялись на руководящую работу в колхозах, то в дальнейшем их стали использовать и как резерв для управленческих кадров на уровне сельсоветов и районных организаций. В целом их вклад в осуществление коллективизации можно считать весьма значительным.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.4. – М., 1970.
2. Троценко Н.Д. Двадцатипятидесятники в Сибири: опыт социально-культурной адаптации (1929-1933 гг.) // Автореферат дисс... канд. ист. наук. Томск, 2013.
3. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). – Томск, 1972.
4. Печерин И. Из истории района. – Хлебороб Алтая. – 1975. – 11 ноября.
5. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.39. – Оп.1. – Д.87.
6. Троценко Н.Д. Двадцатипятидесятники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930-1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – №1.
7. ГААК. – ФП.34. – Оп.1. – Д.458.
8. Хлебороб Алтая. – 1977. – 17 сент.
9. Стенографический отчет пятой сибирской краевой партийной конференции ВКП(б). – Новосибирск, 1930.

10. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). – Т.8. – Ч.1. – 1930 г. – М., 2008.

Кампания по ликвидации кулаков Рубцовского округа в годы массовой коллективизации

Политика ликвидации кулачества как класса в нашей стране была выработана в конце 1929 – начале 1930 гг. и закреплена в нескольких документах партийных и государственных органов. Главным из них стало постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и борьбе с кулачеством», принятое 1 февраля 1930 г. На основании этих документов было принято соответствующее постановление Сибкрайкома ВКП(б), в котором указывалось, что «экспроприации подлежат все кулацкие хозяйства данного села или района, перешедшего к сплошной коллективизации» [1, лл. 1-8]. Число ликвидируемых кулацких хозяйств различалось по районам и должно было составить по краю примерно 4-5%.

В соответствии с характером кулацких хозяйств, особенно со степенью их активности в борьбе с Советской властью и колхозами, кулаки делились на три категории. К первой категории относилась антисоветски настроенная кулацкая верхушка, инициаторы террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций. По отношению к ним применялись такие меры, как заключение в тюрьму, лагеря. Вторую категорию составляли остальные наиболее богатые и активные кулаки. Они подлежали высылке в отдаленные районы края. В третью категорию входили кулаки, лояльно настроенные к Советской власти. Они подлежали высылке и расселению в районе на новых, отводимых им за пределами коллективных хозяйств, участках.

После принятия этих документов в округах и районах началась работа по составлению списков кулацких хозяйств, подлежащих выселению. В Рубцовском округе было выявлено 4164 кулацких хозяйства индивидуального обложения, их процент к общему числу всех хозяйств в округе равнялся 5,3. Число хозяйств, подлежащих выселению по 2-й категории, составило 2702, процент выселяемых к общему числу хозяйств в округе равнялся 3,5. Это был один из самых высоких показателей в крае [2, с. 134-135]. На начало января 1930 г. в

Рубцовском районе на территории сельсоветов проживало следующее число кулаков, внесенных в списки: на территории Бобковского сельсовета – 33, Безрукавского – 9, Больше-Шелковниковского – 12, Веселоярского – 26, Дурневского – 4, Кругло-Семеновского – 12, Кизихинского – 1, Лебяжинского – 13, Ново-Александровского – 20, Новосклюихинского – 9, Новогорьевского – 23, Петроградского – 2, Половинкинское – 7, Поповского – 4, Саратовского – 1, Сротинского – 33 [3, л. 1-9]. Всего по 2-й категории в районе было запланировано к выселению 109 хозяйств, по 3-й категории – 415 хозяйств [4, л. 4].

Основным местом выселки для кулаков Рубцовского округа был определен Верхне-Васюганский район Томского округа в бассейне реки Юрса. Местом сбора выселенных стала станция Пospelиха. Отсюда выселенные по железной дороге довозились до Томска, затем их доставляли до с. Подгорное Томского округа, служившего контрольно-пропускным пунктом, и далее в конечный пункт высылки [5, л. 14].

Кулаки Рубцовского района были высланы в необжитый район под названием «Галки». Выслано 220 семей в количестве 991 чел. (подсчет автора) [6, л. 10-19]. Для рубцовских кулаков подготовили 19 вагонов, в каждом из которых разместили по 50 и более человек [7, л. 66].

Выселяемым оставлялось продовольствие для самого себя и для членов семьи так, чтобы оно обеспечивало на срок не менее 2 месяцев, а также зерно- фураж для лошадей тоже на 2 месяца. Можно было взять одну лошадь, сани, телегу, упряжь – по одному комплекту на хозяйство. Плуг оставлялся из расчета на три хозяйства, бороны – на четыре, кузнечный и столярный инструмент – на двадцать и т.д. Кроме этого, местные райисполкомы обязывались за счет фонда конфискованного имущества выделить на выселяемое из района кулачество продовольствие, фураж и семена по нормам, установленным крайисполкомом. Органы ОГПУ должны были доставлять выделенные местными органами ресурсы в места расселения [8, л. 15].

К апрелю 1930 г., по данным Сибкрайисполкома, было экспроприровано по 15 округам около 52 тыс. кулаков, что составляло 3,4% всех крестьянских хозяйств [9, с. 214]. В Рубцовском округе к этому времени было раскулачено 5017 кулаков, выселено 1667, арестовано 557, подлежало расселению 2793 (из данных

телеграммы Рубцовского окружного комитета партии в Сибкрайком – Авт.) [10, л. 55].

Стремление партийных и хозяйственных органов быстрее закончить коллективизацию сочеталось с необходимостью полного выполнения плана хлебозаготовок, а в Рубцовском округе этот план был одним из самых значительных в крае, так как округ входил в число самых хлебных. Такое отношение вызывало крайне негативную реакцию крестьянства, которое реагировало на произвол и притеснения самыми различными способами – от укрывательства хлеба и другого продовольствия до пассивного, а порой и активного сопротивления. Окружная газета тех лет «Степной пахарь» была заполнена антикулацкими лозунгами вроде «Разоблачение кулацких проделок», «Беднота в загоне», «Кулаки намечают своих кандидатов» и др. Партийный руководитель округа Г. Коротков резко критиковал в своих выступлениях местных коммунистов за их «мягкотелость» по отношению к кулакам и призывал к жестким мерам. В докладе о работе окружкома ВКП(б) в августе 1929 г. он приводил следующий факты: «Нередко встречаем такие явления, когда отдельные партийцы, больше того, партячейки села, не видят кулака, а если и находят, то примиренчески к нему относятся (Устьянка и Золотуха, Локтевский район). В с. Суетка Колыванского района секретарь партячейки на вопрос, сколько они выявили кулацких хозяйств, ответил: «Да какие у нас тут кулаки, их нет, а если и есть, так бедные...» [11, с. 19].

Одной из таких мер стала кампания по «чистке колхозов и других сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов». Она была начата еще в марте 1929 г., но ее ход и темпы не устраивали партийные и исполнительные органы власти края. По их мнению, она шла неудовлетворительно, и в течение года Сибкрайком и Сибкрайисполком неоднократно возвращались к этому вопросу, требуя исключать из колхозов всех крестьян, обложенных дополнительными налогами, «уличенных в сознательном вредительстве». Для руководства чистками в колхозах создавались особые комитеты. Последним сроком окончания чистки было 15 февраля 1930 г. [12, с. 110].

Для Рубцовского округа борьба с кулачеством выделялась особо, так как, по мнению секретаря крайкома ВКП(б) Р. Эйхе, «...в Рубцовске наиболее крепкий мощный слой кулаков. Таких по своей мощи кулаков мы имеем в немногих округах» [13, с. 25].

Недовольство крестьян, нередко переходившее в крайнее озлобление, принимавшее самые жестокие формы, вызывала и крайняя «коммунизация» Рубцовского округа, предполагавшая полное обобществление всех средств производства. Всего за год (1929) число коммун в округе среди всех форм сельскохозяйственных объединений выросло с 28 до 60, что составило 15,9% всех коммун края. Это был самый высокий показатель в Сибирском крае [14, с. 11, с. XI].

Все это приводило к тому, что регулярные сводки политической ситуации в округах края, подготовленные местными органами власти и поступавшие в Сибкрайком, в большинстве случаев напоминали сводки с фронта боевых действий. Так, в с. Первая Карповка Покровского района несколько кулаков в поле напали на коммунара-общественника, застрелили его. Затем, зайдя в дом, убили его жену и взрослую дочь, закололи холодным оружием грудного ребенка, а второго ребенка, 3 лет, повесили. Сложили в печь все ценное имущество, подожгли дом и скрылись [15, с. 113]. В поселке Соколовка Пospelихинского района кулак, зайдя в экспроприированный у него дом, занимаемый бедняком-пастухом коммуны того же поселка, передал последнему три куска мяса со словами: «Нате, ешьте на здоровье». Пастух, ничего не подозревая, сварил мясо и поел вместе с семьей. В результате вся семья оказалась отравленной этим мясом [16, с. 163]. В селе Ново-Егорьевском Рубцовского района стреляли в секретаря сельсовета, активного работника по выявлению объектов обложения, в поселке Новороссийский того же района избили батрака за выявление объектов обложения [17, л. 27]. 21 июля 1930 г. в с. Шадруха Угловского района толпа крестьян численностью около 200 чел. подошла к амбару, где хранилось зерно сельхозартели имени Ворошилова. Был сбит замок, и началось растаскивание зерна. Местный милиционер попытался уговорить людей разойтись. Но толпа не послушалась, в результате был убит один человек, было назначено следствие и заведено уголовное дело [18, лл. 115, 116].

Подобные случаи наблюдались и в других районах округа, и в целом по краю. В конечном итоге взаимное ожесточение, вызванное разжиганием классовой борьбы со стороны государства, привело к уничтожению всех наиболее предприимчивых и зажиточных крестьян. Полная ликвидация кулачества в сибирской деревне была окончательно завершена в 1932-1933 гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – ФП.3. – Оп.1. – Д.40.
2. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927 – 1937 гг.). – Томск, 1972.
3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.1. – Оп.1. – Д.9.
4. Там же. – Д.37.
5. Там же. – Ф.58. – Оп.1. – Д.120.
6. Там же. – Ф.1. – Оп.1. – Д.9.
7. Там же.
8. Там же. – Ф.58. – Оп.1. – Д.120.
9. Гуцин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. – Новосибирск, 1972.
10. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – ФП.34. – Оп.1. – Д.458.
11. Коротков Г. На фронте классовых битв (очередное и главное в работе Рубцовской окружной партийной организации). – Рубцовск, 1929.
12. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). – Томск, 1972.
13. О состоянии и работе Рубцовской и Славгородской партийных организаций (Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 25 декабря 1929 г.). – Новосибирск, 1930.
14. О состоянии и работе Рубцовской и Славгородской партийных организаций...; Колхозы Сибирского края. Сибкрайисполком, стат. отдел. – Новосибирск, 1929.
15. Медников В.П. Союз, закаленный в борьбе и труде. – Барнаул, 1973.
16. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). – Томск, 1972.
17. ГАНО. – ФП.2. – Оп.1. – Д.3257.
18. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.58. – Оп.1. – Д.121.

Чаинское восстание

В мае 1931 г. Западно-Сибирский крайисполком принимает постановление «О ликвидации кулачества как класса» [1, л. 26], в

соответствии с которым в период с 10 мая по 10 июня в Западно-Сибирском крае предстояло провести экспроприацию и выселение 40 тысяч кулацких хозяйств. Во исполнение постановления во всех сельских поселениях края были составлены списки кулацких хозяйств и хозяйств, члены которых подлежали выселению.

В Рубцовском округе число хозяйств, подлежащих выселению по второй категории по спискам, на начало 1930 г. составило 3,5 процента к общему количеству хозяйств в округе. Этот показатель вместе со Славгородским округом стал самым большим в крае [2, с. 134]. В Рубцовском районе было выселено 220 семей (991 чел.). Из них 50 семей бежали из места расселения [3, л. 1-9].

По официальным данным, в Нарымском крае были благоприятные условия для хозяйственной деятельности спецпереселенцев: в среднем течении р. Оби на ее притоках Васюган, Кеть, Парабель выделено более 2,1 млн. га удобной для освоения земли, на которой могло разместиться около 100 тыс. хозяйств. По заключению комиссии Сибкрайкома и крайисполкома, «климатические условия всех выделяемых участков позволяют не только заниматься сельским хозяйством и, в частности, полеводством, но и вести крупное хозяйство в масштабе совхозов» [4, с. 9].

В действительности «кулаки» выселялись в места, малопригодные для хозяйственного освоения. Старший комендант Чаинской комендатуры И.Т. Бочарников следующим образом описывал устройство семей спецпереселенцев. «Согласно карте и предписанию свыше началось расселение людей на местности. Оно прошло без особых хлопот и выбора места для будущего села. Бралась пачка из трех – четырех тысяч людей и подконвойно сопровождалась до отметки Гулага. На карте с отметкой «новое поселение» значился лес или взгорье, или луг, а в действительности здесь хлюпало болото. А в ином месте селение предполагалось поставить посреди озера, которое на карте не значилось.

Скородельные селения перезимовки были поставлены в местах, для жилья не приспособленных. Тухлую болотную воду нельзя было употреблять для питья. Начались болезни. Но главное был голод. Есть людям было совсем нечего... Цинга косила людей, от истощения и тифа сваливались тысячами. Хоронить мертвых не успевали. Трупы укладывали в штабелях на берегу рек...» [4, с. 11].

Рубцовские кулаки были расселены в бассейне притоков реки Чаи-рек Тоя, Нюрса, Галка, Тетеринка, Андарма, Парбиг. Здесь были сформированы Тоинская, Галкинская, Парбигская комендатуры. Естественные условия этих территорий были весьма неблагоприятными для занятий сельским хозяйством из-за их оторванности от обжитых районов, бездорожья и сложности работ по расчистке земель под пашню. Суровый климат, ранние осенние заморозки не давали созревать яровым культурам. Часть выделенных земель оказалась неплодородной из-за высокой заболоченности [5, с. 82].

О жизни рубцовчан в Большой Галке сохранились воспоминания поселенца Л. Шахрая. Вот что он писал в районной рубцовской газете «Хлебороб Алтая»:

«Привезли нас в Большую Галку Бакчарского района на голое место. Неделю жили в санях, пока мужчины из неоскуренного леса строили бараки. Получились помещения без окон, нары в три этажа. Постоянно топилась железная печка, но топилась она в «божий свет», поэтому было холодно.

В первые дни умерли самые старые и маленькие. Умер и мой брат – младший в семье. Я до сих пор помню, как он просил есть. Первых покойников хоронили по одному, а потом клали сколько войдет в яму и закапывали ...

Нас охраняли. Поселок сразу разбили на десятидворки. В Большой Галке была комендатура, где отмечались все поселенцы. Многие умирали, многие убегали и гибли в болоте. Все поголовно болели дизентерией и куриной слепотой ...» [6].

Спецпереселенцы были обязаны подчиняться установленному в поселке режиму, не отлучаться без разрешения коменданта, оказывать помощь коменданту в охране общественного порядка. За нарушения они привлекались к административной и уголовной ответственности. В спецпоселках запрещалось проводить шествия, демонстрации и собрания политического характера. Вся хозяйственная жизнь строилась на принципе принуждения. Коменданты давали производственные задания с доведением этих заданий до каждого двора. От заработка каждого спецпереселенца 25 процентов отчислялось на административное управление поселка [7, с. 123-124].

В феврале 1931 г. в Парбигской и Галкинской комендатурах было размещено 818 семей спецпереселенцев (всего 3459 чел.), семьи

кулаков, выселенных из районов сегодняшних Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей [8, с. 160]. Именно здесь и зародилось одно из немногих в истории репрессированных крестьян вооруженное сопротивление властям, получившее название «Чаинское восстание». Причинами восстания стало бесправное положение переселенцев, тяжелый труд на лесоповале, мелиорации, перебои в снабжении продуктами и товарами первой необходимости. Начавшийся голод, высокая заболеваемость и детская смертность привели к вспышке недовольства, которое переросло в выступление против власти со своими требованиями. Есть данные и о жестоком обращении с поселенцами служащих комендатур. В воспоминаниях очевидцев тех событий приводятся факты насилия женщин, рукоприкладства и телесных наказаний. Среди протестовавших были и рубцовские крестьяне.

У восставших нашлись руководители. Ими стали Григорий Егорович Усков и его односельчанин А.Г. Медведев. Первоначально Усков устроил несколько нелегальных собраний своих выселенных земляков, пригласил и ближайших соседей из других районов. На собрании присутствовало около 50 чел. и шла речь об увеличении пайка переселенцам и о посылке делегации в край. Затем в тайге Усковым было созвано еще одно собрание, на котором решили послать агитаторов в другие комендатуры для поднятия восстания. Усков объявил, что в Новосибирске, Томске и других городах уже началась работа по свержению Советской власти. Восстание проводилось под лозунгом «Долой коммунизм, да здравствует вольная торговля, свободный труд и право на землю. Совласти быть не должно, а должно быть учредительное собрание и выбор президента» [9, с. 39].

Датой выступления было определено 1 августа. Но из-за опасности провала начало было передвинуто на 29 июля 1931 г. В планы повстанцев входил захват Орловской комендатуры, взятие Бакчара и дальнейшие движения на Подгорное и Парабель. Восставшие были вооружены топорами, вилами, было несколько берданок. Восставшие двинулись на Орловку, но их наступление было отбито. Более успешен был захват комендатур в п. Крыловка и Парбиг и арест их работников. Центрами восстания стали п. Ленино и Истомино, где стояли шалаши из бересты и домики из земляных кирпичей (рыть землянки в болотистых местах было невозможно) [10].

Под руководством Георгия Язикова повстанцы захватили крупное село Высокий Яр. Из показаний нашего земляка, поселенца Рубцовского района Павла Морозова следовало, что после ночевки в Крыловке 31 июля посленцы двинулись на Галку, а через 1,5 версты после Высокого Яра встретились с отрядом красных. «По команде «в цепь», – говорит Морозов, – я побежал обратно, встретил там Бычкова и вместе с ним сдались в Красном Яре красным» [11].

По разным данным, повстанцев было от 500 до 1000 чел. 30-31 июля стали пиком выступления. Для ликвидации сопротивления восставших был сформирован сводный отряд из кавалерийского взвода томской милиции, Колпашевского и Чаинского партотрядов под руководством начальника Томского оперсектора ОГПУ Плахова [9, с. 40].

2 августа 1931 г. восставшие были окружены. Они потеряли убитыми более 100 чел., аресту подверглись около 140 активных участников. Особая тройка приговорила 54 обвиняемых к различным срокам заключения, остальные – около 80 чел. были приговорены к ссылке и отправлены с семьями в штрафную Александрово-Ваховскую комендатуру СибЛАГа [11].

10 августа 1931 г. состоялось бюро Чаинского РК ВКП(б), заслушавшее доклад о борьбе с восставшими. В резолюции было отмечено, что принятые меры помогли разбить повстанцев. Бюро одобрило действия партийных и беспартийных органов ряда партийных ячеек и сельсоветов района [12, л. 113-114].

Часть участников Чаинского восстания была повторно репрессирована в конце 30-х гг. уже по другим статьям и событиям. В их числе был и бывший житель Рубцовского района Александр Сергеевич Нищеглод, 1892 года рождения, проживавший в с. Чернышовка, Чаинского района, Томской области. Он был расстрелян 30 марта 1938 г. [13].

Библиографический список

1. ГАНО. – Ф.Р47. – Оп.5. – Д.121.
2. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). – Томск, 1972.
3. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – ФР-1. – Оп.1. – Д.9.

4. Цит. по: Гушин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928-1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996.
5. Рудакова И.Ф. Природно-климатические и хозяйственные условия географии расселения спецпереселенцев в Нарымском крае // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №4.
6. Шахрай Л. Так все и было. – Хлебороб Алтай. – 1999. – 30 янв.
7. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М., 2004.
8. Красильников С. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М., 2003.
9. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было ... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995.
10. Бойко В. Чаинское восстание крестьян. – Народная трибуна. – Томск. – 1991. – 8, 10, 13 августа.
11. Малков А. Восстание. – Красное Знамя. – 1990. – 31 марта, 1 апреля.
12. ГАНО. – Ф.Р-47. – Оп.5. – Д.122.
13. www.proza.ru/2011/07/31/528 Петров Владимир

Структура и функции Рубцовского окружного отдела народного образования

В 1925 году на территории Сибири была проведена очередная административно-территориальная реорганизация, по которой вместо существовавших ранее уездов были образованы округа, в свою очередь разделенные на районы. Юго-западная часть сегодняшнего Алтайского края вошла в состав Рубцовского округа. Реорганизация потребовала и соответствующей перестройки структуры управления. Задачи организации и руководства системой народного образования и просвещения были возложены на окружные отделы народного образования. Подобные отделы были созданы и в десяти районах, вошедших в состав Рубцовского округа.

По данным архивного отдела администрации г. Рубцовска, на июль 1929 г. в Рубцовском ОкрОНО работало 10 сотрудников, в том числе заведующий Гавриил Михайлович Ламан, заместитель заведующего Мария Ильинична Чернавская, четыре инспектора: Екатерина Петровна Голенкина, Даниил Петрович Мехоношин, Федор Адольфович Лепржицкий, Антон Петрович Попов. Остальные сотрудники были техническими работниками [1, л. 9-10].

На 468 населенных пунктов округа в 1925 г. приходилось 196 школ различных уровней [2, л. 4 об.]. Наиболее крупными по численности населения были Рубцовский и Змеиногорский районы – соответственно 72215 и 59539 жителей [3, л. 19].

В Рубцовском районе в этот период существовало 30 школ. Самыми большими были Веселоярская – 235 учащихся, Ново-Егорьевская – 209, Титовская – 150, Захаровская – 149 [4, л. 3 об.].

Кроме школ в сферу ответственности окружного отдела входили избы-читальни, пункты ликвидации неграмотности, красные уголки, библиотеки-читальни, детские дома. В с. Половинкино Рубцовского района, например, существовал детский дом, в котором на ноябрь 1926 г. проживало 33 мальчика, 17 девочек. Руководство детдомом и практическую работу осуществляли 3 педагога [5, л. 2]. Для школьников округа был организован окружной детский лагерь-санаторий.

Очень широки были и функции окружного отдела. Они включали два основных направления: образование населения и его просвещение. На местах в школах помимо учета посещаемости и успеваемости существовало еще много различных показателей, по которым оценивалась работа школ и которые не имели прямого отношения к педагогической деятельности. Школьники вместе с педагогами участвовали в посевных сельскохозяйственных кампаниях, хлебозаготовках, в начавшейся коллективизации. В каждой школе были организованы кружки либо уголки безбожника, выпускались стенгазеты и фотоплакаты, работали военные кружки, ячейки МОПР (Международная организация помощи борцам революции), пионерские отряды. Школьники и учителя активно участвовали в кружках по ликвидации неграмотности, распространяли газеты, собирали средства на школьную эскадрилью и дирижабль «Сибирский школьник». Они заготавливали топливо для школы, закладывали силос, работали на школьном огороде [6, л. 13]. Очевидно, что при такой загруженности посторонними делами у них оставалось совсем мало времени и сил на полноценную учебу.

В 1929 г. в связи с начавшейся коллективизацией начинаются «чистки» как педагогического состава школ, так и самих учащихся. Эта работа проводилась в соответствии с секретной директивой Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Из школ повышенного типа (т.е. школ, в которых давалось полное общее среднее образование – Автор) и техникумов исключались дети

обеспеченных родителей, лиц нетрудового элемента, лишенных избирательных прав. Позднее, в самый разгар начавшейся кампании, очевидно, исходя из наметившейся угрозы опустошить школы из-за чрезмерного усердия исполнителей, в директиву была внесена поправка: исключать только тех, кто скрыл свое социальное положение и «выявил себя как активный антисоветский элемент» [7, л. 4-6]. Одновременно выявлялись и снимались с работы и педагоги. Так, в июле 1929 г. из Сибирского краевого отдела народного образования поступило указание о выявлении и снятии с работы руководителей различных школьных кружков, лишенных избирательных прав [8, л. 21].

Детей нередко ставили перед выбором – быть исключенным или официально отказаться от своих «богатых» или ущемленных в правах родственников. В окружной газете «Степной пахарь» часто публиковались подобные письма. Приведем одно из них полностью.

«Я, гражданка с. Колыванского того же района, Таманова Раиса порываю родственные отношения с отчимом Зайцевым Иваном С., проживающим в с. Саввушке, Змеиногорского района, как с бывшим торговцем. Таманова Раиса» [9].

Эта история имела свое продолжение. Вскоре после публикации отречения Раиса была уличена в том, что она продолжает поддерживать связь с родственниками. Было вскрыто ее письмо домой, которое и стало уликой для дальнейшего расследования. Финал этой во многом даже трагичной истории неизвестен. Скорее всего, подобный обман в условиях того времени был не прощен, раз дело дошло до разбирательства в ОкрОНО.

Одновременно с репрессиями против имущих усиливалась помощь и предоставлялись льготы детям рабочих, батраков и беднейшего крестьянства. Особые привилегии в виде усиленного снабжения и повышенных стипендий существовали для детей-инвалидов гражданской войны, красных партизан, красногвардейцев, семей лиц, погибших во время гражданской войны, жертв контрреволюции. Для этих целей создавались специальные фонды, в которые вкладывали средства не только государственной структуры, но и родители в каждой школе [10, л. 21].

И в завершение приведем информацию о материальном положении рубцовских педагогов, полученную из документов одного из конфликтов между окружной властью и учительским корпусом округа. В июне 1930 г. учителя Змеиногорского района на

конференции учителей выступили с заявлением об улучшении своего материального положения. Ими также был отправлен делегат в Новосибирск в СибкрайОНО. В заявлении указывалось на то, что зарплата учителям выплачивается нерегулярно, «снабжение печеным хлебом происходит через общий распределительный пункт, и учителя вынуждены или сидеть голодными, или пропускать уроки, чтобы через общую очередь получить хлеб» [11, л. 41а]. Среди требований было повышение нормы продовольственного пайка с 250 до 400 гр., обеспечение квартирами и урегулирование вопроса с выходным днем.

Сам факт такого выступления был воспринят властями крайне неодобрительно и квалифицирован как контрреволюционное выступление. Можно предположить, что в ситуации, когда после окончания учебного года почти 30 процентов змеиногорских учителей подали заявления об уходе, были предприняты определенные шаги по сглаживанию конфликта. Вопрос, пострадал ли кто в ходе проводимых разборок и поисков зачинщиков (а они, несомненно, были – Автор), остается открытым.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – ФР.25. – Оп.1. – Д.4.
2. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.1.
3. Там же. – ФР.58. – Оп.1. – Д.13.
4. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.1.
5. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.2.
6. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.13.
7. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.4.
8. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.5.
9. Степной пахарь. – 1929. – 29 ноября.
10. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – ФР.25. – Оп.1. – Д.5.
11. Там же. – ФР.25. – Оп.1. – Д.8.

Коростелевская и Катковская степи и их экономическое использование

В исторической и географической литературе, посвященной Алтаю, неоднократно упоминаются такие географические названия,

как Коростелевская и Катковская степи. Так, в книге «Очерки истории Алтайского края», изданной в Барнауле в 1987 г., название «Катковская степь» встречается в связи с организацией одной из первых коммун на Алтае (с. 258). Здесь же приводится и такой широко известный факт, как выезд учетно-реквизиционной комиссии во главе с Н.В. Ерушевым в начале 1918 г. в Катковскую степь для отбора хлеба у крестьян. Довольно часты эти названия и в документах о возникновении тонкорунного овцеводства на Алтае. Кроме того, именно Катковская степь считается географической родиной алтайских мериносовых овец, местом, где эта порода была выведена и получила широкое распространение.

О Коростелевской степи пишут и многочисленные авторы, дающие характеристики состояния пореформенного сельского хозяйства Алтая.

Между тем мы до сих пор не имеем четкой географической расшифровки этих терминов, истории их возникновения и употребления, хозяйственного использования этих земель населением и т.д. Нам удалось найти некоторые документы, проливающие свет на данную проблему. Эти документы в настоящее время хранятся в архивном отделе администрации г. Рубцовска.

Хронологически все они привязаны к началу 20-х годов, времени окончательного уточнения и определения юго-западной границы Алтайского края, отделения и передачи в ведение Семипалатинской губернии Бухтарминского края, бывшего ранее частью Змеиногорского (Рубцовского) уезда. Коростелевская степь в это время стала предметом спора между двумя государственными образованиями. В связи с этим потребовалась подробная и более точная характеристика спорной территории как с географической, так и с исторической точки зрения.

В справке, подготовленной специалистами Наркомзема в Алтайский губземотдел, давалось следующее географическое описание Коростелевской степи: «В естественном отношении Коростелевская степь по описаниям почвоведов Выдрина представляет следующее: «Коростелевская степь, расположенная на продолжении гранитного Колыванско-Локтевского массива в Змеиногорском уезде между наделами селений Лаптевского, Кругленького, Веселого Яра, Локтевским бором и переселенческим участком Бель-Агачской степи, представляет бессточную равнину высотой от 90 до 110 саж. над уровнем моря, испещренную выходами на дневную поверхность

гранита и разных продуктов его разрушения... В углублениях степи, благодаря отсутствию стока, задерживается вода, образуя озера. Одни из этих озер содержат пресную воду, другие – горько-соленую. От соленых озер на большие расстояния тянутся солонцы, пригодные для пастбы скота...” “Поверхность степи довольно ровная и за исключением лощин и вообще низменности имеет желтоватый цвет и по наружному виду представляет плотный суглинок, покрытый мелкой злаковой растительностью. На лощинах же и более низких местах растет кустарник и тарнач» [1].

Территориально урочище «Коростелевская степь» занимало пространство около 120 тыс. дес. и входило в состав еще более обширных пустыющих земель под общим названием «Бель-Агач», общей площадью свыше 800 тыс. дес. Как особое урочище оно было вымежено в 1880 г. и в 1884 г. разбито на 8-верстные кварталы, средний размер каждого составлял 6666 дес. Кварталы, в свою очередь, делились на более мелкие части.

Сразу после отмежевания земли Коростелевской степи начали сдаваться в аренду с платой за усадебную и сенокосную землю. Управление Алтайского округа не предполагало поземельного устройства местных арендаторов, и эти земли не были переданы Переселенческому Управлению с организацией здесь массового переселения. Уже проживающее в этих местах население не имело на это права. В планах администрации округа была передача Коростелевской степи в долгосрочную аренду для создания крупных скотоводческих хозяйств. Для этого поделенная на кварталы Коростелевская степь была разделена на части: северную, предназначавшуюся под тонкорунное овцеводство, и южную, выделенную для коневодства. Главное управление конезаводства впоследствии отказалось от устройства здесь таких хозяйств из-за отсутствия водопоев.

Овцеводство же в северной части степи получило значительное развитие. С 1904 г. здесь появились крупные арендаторы — овцеводы Соседов, Сизов, Степановы, Коленко, Здоров. Управлением Алтайского округа им было сдано в долгосрочную аренду на 36 лет 48 тыс. дес. [2]. Переписью 1908 г. на Коростелевской степи было зарегистрировано 15 хозяйств овцеводов с 80 душами населения. Сверх того, 52 чел. наемных рабочих. Овцеводы имели 9175 мазаевских овец. К 1913 г. хозяйство овцеводов значительно выросло. По данным специального обследования, произведенного в 1913 г. по

распоряжению министерства земледелия, в Коростелевской степи было зарегистрировано 17 хозяйств с населением 169 душ. У них имелось 13984 овцы, т.е. в полтора раза больше, чем в 1908 г. [3].

Вплоть до революции земельные отношения на территории Коростелевской степи складывались следующим образом. Северная часть степи площадью около 50 тыс. дес. находилась в долгосрочной аренде у овцеводов. Южная часть продолжала оставаться в погодной аренде расположенных в ней казахских аулов.

Помимо северной части Коростелевской степи овцеводы заарендовали и соседние Кизихинский и Катковский участки, выделенные под аренду из кабинетских земель для размежевания старожильческого населения. Эти участки отстояли от Коростелевской степи на расстояние в несколько десятков верст и были заарендованы соответственно на 24 и 12 лет. Площадь Катковской степи составляла 22,5 тыс. дес.

Уже тогда произошло своеобразное разделение труда овцеводов на этих участках. Основное хозяйство овцеводы имели в Коростелевской степи, а на Катковской вели заготовку сена и выращивали хлеб. Это разделение обуславливалось природными условиями. В Катковской степи на более плодородных целинных землях было возможно земледелие с получением высоких урожаев зерновых. В Коростелевской же степи за исключением редких лет с осадками хлебопашество считалось невозможным. Ежегодный животноводческий цикл у арендаторов складывался из двух основных этапов. Ранней весной, еще по снегу, до разлития р. Алей основная масса овец перегонялась в Коростелевскую степь, где они оставались до глубокой осени, а затем возвращались обратно в Катковскую степь на зимние корма. В Коростелевской степи, по свидетельствам очевидцев, пастбищный период продолжался, по меньшей мере, на месяц дольше, а начинался на 3 недели раньше, чем в Катковской степи. Нередко скотина ходила на подножном корму до Рождества. Обе степи, следовательно, составляли как бы одно хозяйство и друг друга дополняли.

В период революции хозяйства коростелевских овцеводов с первых же дней подверглись нападению со стороны крестьян, весь инвентарь был разграблен, а овцы растащены. В гражданскую войну овцеводы боролись против партизан и были уничтожены. Специальное обследование, проведенное в 1919 г., показало, что бывшие заимки овцеводов заброшены, а земли пустыют. На

территории обеих степей резко увеличилось казахское население, образовалось несколько русских самовольных поселений. В дальнейшем на землях бывшей Катковской степи был организован один из крупнейших в стране овцеводческих совхозов – совхоз «Овцевод», существующий и в настоящее время.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.15. – Оп.1. – Д.1. – Л.61,4.
2. Там же. – Л.15-16.
3. Там же. – Л.17.

Территориальные споры вокруг Коростелевской степи

На современных географических картах как Алтая, так и Казахстана название «Коростелевская степь» не сохранилось. А ведь когда-то, в начале XX века, под ней понимали довольно значительный участок малопродуктивных степных земель, расположенный на самом юго-западе сначала Змеиногорского, а потом Рубцовского уездов. В 20-е годы XX века эти земли стали предметом долгих пограничных споров между Алтаем и Казахстаном (тогда АССР). Понадобился не один год для того, чтобы эти споры были улажены. Истории этих споров и выработке совместного решения и посвящена эта статья.

Начнем с того, что Коростелевской степью называлось урочище площадью 120 тыс. десятин, бывшее арендной статьёй Алтайского округа. Это название существует в официальных документах с начала 50-х годов XIX века. Географически ее местоположение уже в советское время определялось следующим образом: «расположена по правую сторону Алтайской железной дороги между станциями Аул и Бельгач и фигурой почти в виде правильного квадрата тянется в 10-12 верстах от железнодорожной линии» [1, л. 5]. Здесь же приводилось и описание ее природно-климатических условий: «Поверхность степи довольно ровная и за исключением лощин и вообще низменностей имеет желтоватый цвет и по наружному виду представляет плотный суглинок, покрытый мелкой злаковой растительностью. На лощинах же и более низких местах растет

кустарник и тарнач... Много на степи солонцов, имеется даже довольно большое соленое озеро» [2, л. 4].

Всю вторую половину XIX века эта территория не имела постоянного населения. По краям кочевали киргизы (так называли тогда казахов), но и они были временными и в любой момент могли быть выселены по первому требованию горного начальства округа. Русское население появляется здесь в первые годы нового, XX века, и его появление связано с интенсивным развитием овцеводства после того, как сюда с Северного Кавказа вместе со своими отарами, которые они провели через всю Россию в Сибирь, переселились крупные овцеводы: Соседовы, Сизовы и др. Они стали арендаторами этих земель царского Кабинета. Овцеводы обосновались в этих местах прочно, построили первые заимки, с каждым годом увеличивалось поголовье выращиваемых овец.

Все изменила революция и начавшаяся вскоре гражданская война, во время которой овцеводы, принявшие сторону белых, были уничтожены. Огромный урон понесли и их отары, так что после войны, когда овцеводство в Змеиногорском уезде стали возрождать, с трудом удалось собрать по всей степи чуть более пяти тысяч породистых овец и организовать Катковский совхоз по их выращиванию.

В это же время ставится вопрос о территориальной принадлежности Коростелевской степи. Связан он с определением государственной границы между Змеиногорским уездом Алтайской губернии и Семипалатинской губернии Киргизского края.

Разграничение началось еще в 1918 г., когда земельными учреждениями Алтайской губернии и Семипалатинской области было произведено причисление к Семипалатинской губернии трех южных волостей Алтая, тяготеющих к Семипалатинску и имеющих в составе преобладающее казахское население. В 1920 году были произведены работы по переводу в Семипалатинскую губернию алтайских волостей, расположенных по правую сторону реки Иртыш и в системе реки Бухтармы. После окончания гражданской войны руководители Семипалатинской области Киргизской автономной республики обратились к вышестоящим органам РСФСР с просьбой перевести часть территорий Змеиногорского уезда, и, в частности, Коростелевскую степь, в их ведение, мотивируя тем, что здесь уже несколько десятилетий кочевали казахи, имели свои поселки и эта территория со свободными землями нужна им для ведения

животноводства. Для того чтобы прояснить ситуацию, Алтайским губернским земельным управлением была создана комиссия, которая занялась выяснением истории принадлежности Коростелевской степи. Было отмечено, что «на территории бывшего Алтайского округа не существовало киргизских земель как старых владений и их земельные отношения определялись допущением к временному пользованию свободных земель, которые частично даже передавались и в постоянные распоряжения отдельным группам киргиз, но только с особого каждого раз разрешения государственной власти» [3, л. 66]. Со своей стороны Алтайская губерния ходатайствовала перед Сибревкомом об оставлении Коростелевской степи в ведении Алтайского губземотдела, так как «здесь имеется овцеводческое хозяйство, имеющее общегосударственное значение» (совхоз «Катковский» – Авт.) [4, лл. 80,80 об].

В начале июля 1921 года в Семипалатинске состоялось совещание смешанной комиссии по вопросу об установлении точных границ. 21 ноября того же года постановлением ВЦИК пограничные волости закреплялись за Алтайским краем, но в нем не упоминалось о государственных дачах и Коростелевской степи, расположенных среди этих волостей [5, с. 231]. Вот почему власти Семипалатинской губернии относились к Коростелевской степи как к свободному земельному фонду и распоряжались им самостоятельно, отдавая под заселение жителям губернии. Алтайское земельное управление, в свою очередь, считало, что после постановления ВЦИК Коростелевская степь и лесные дачи автоматически входят в состав губернии. Были начаты работы по подготовке документации и закреплению этих земель. Семипалатинцы с такими действиями не согласились и потребовали пересмотреть вопрос в комиссии по земельным спорам.

Проблема решалась медленно, и еще в 1923 году Коростелевская степь прочно удерживалась Алтайской губернией. Так, 5 апреля 1923 года Семипалатинское земельное управление обращается с просьбой в Алтайское управление предоставить населению Бельгагачской волости сельскохозяйственные угодья в Коростелевской степи на правах временного пользования [6, л. 7,7 об]. Лишь 13 июля 1923 года из Москвы было получено письмо административной комиссии при Президиуме ВЦИК, в котором волости Змеиногорского уезда Алтайской губернии: Угловская, Алексеевская, Лаптевская и Локтевская – были включены в Семипалатинский уезд

Семипалатинской губернии. Согласно постановлению ВЦИК от 21 ноября 1923 года эти же четыре волости вновь были отданы Алтайской губернии [7, л. 10]. Нигде не была оговорена территориальная принадлежность примыкающих к этим волостям земель: Коростелевской степи и лесных дач: Пограничной, Коростелевской, Локтевского бора. Все это вызвало недоразумение между Семипалатинским и Алтайским губисполками. В итоге ВЦИК сообщил, что Коростелевская степь с лесными дачами входит в состав Алтайской губернии.

Но и это был не окончательный ответ. В феврале 1924 года решением Секретариата ВЦИК создается комиссия по разграничению Алтайской губернии и Киргизской ССР [8, лл. 10.13]. Ее председателем назначили Корнева, председателя Томского губисполкома, членами стали от Сибревкома Палькин, зам. предгубисполкома Алтайской губернии, от Киргизской республики – Досов, председатель Семипалатинского губисполкома. В это время осуществлялось новое административно-территориальное деление, вместо уездов создавались округа. Алтайский губисполком дал рекомендацию о нецелесообразности организации Рубцовского округа и проводил политику раздела территории Рубцовского уезда между его соседями. В архиве сохранился протокол заседания президиума Рубцовского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 23 октября 1924 года. Исполком согласился с аргументацией губернской плановой комиссии. В постановлении, в частности, отмечалось: «Организацию округа в степном районе с основным занятием населения земледелием считать нецелесообразной ввиду того, что такой округ не имел бы под собой прочной экономической базы. Признать возможным создание самостоятельного в горной части со включением в его состав Бухтармы, но только после того, как будет приступлено к разработке черных богатств и в настоящее время разобщенный край соединится ж/д линией с Алтайской дорогой» [9, л. 188].

Такое пожелание, несомненно, способствовало активизации вопроса о спорных территориях. К тому же дополнительное исследование вопроса об использовании Коростелевской степи для выращивания тонкорунных овец на этот раз выявило то простое обстоятельство, что природные условия и имеющаяся растительность этой местности не дают возможности прокормить предлагаемое

количество овец и что и прежде, в начале века, местные овцеводы имели основное хозяйство в Катковской степи на расстоянии 50 км от Коростелевской [10, л. 87]. 27 октября 1924 года последовало очередное постановление ВЦИК РСФСР. В нем указывалось, что необходимо «1. Коростелевскую степь со всеми населенными пунктами, на ней находящимися, передать в состав Семипалатинской губернии» [11, с. 239].

Окончательную точку в этом вопросе поставили заседание согласительной комиссии по передаче Коростелевской степи, состоявшееся в Рубцовске 9 февраля 1925 года [12, с. 252], и заседание президиума Алтайского губисполкома от 3 марта 1925 года [13, с. 272]. Они официально закрепили эту передачу.

Надо отметить, что представители КАССР при решении спорных вопросов по разграничению территории имели несомненное преимущество. При Сибревкоме было учреждено представительство Казахской автономии. Имеющиеся документы свидетельствуют, что процесс передачи территорий от приграничных губерний Сибкрая имел не столько административно- хозяйственный характер, сколько был процессом политического значения. Казахская республика составной частью входила в РСФСР, и, по мнению политического руководства страны, нужно было оказывать ей всестороннюю помощь в создании национальной автономии.

В заключение укажем на то, что первоначально население территорий, переданных в Семипалатинскую область, не сразу разобралось в преимуществах и неудобствах нового положения. Потребовалось несколько месяцев для того, чтобы в Локтевский, Угловский и Рубцовский РИК пошли ходки сельских обществ с просьбой о причислении их сел к Рубцовскому округу. В 1926 и 1927 годах по инициативе населения в этих селах неоднократно происходили сходы, где принимались решения ходатайствовать о переводе этих поселений в Рубцовский округ. При этом выдвигались следующие аргументы: Коростелевская степь глубоко врезается в Рубцовский округ, разделяя два смежных района – Локтевский и Угловский; в поселках казахское население составляет всего 19 процентов от всего населения; население степи находится значительно ближе к Рубцовску, чем к Семипалатинску, и экономически тяготеет к Рубцовску и др. Но вопрос так и не был решен.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.15. – Оп.1. – Д.1.
2. Там же.
3. Там же.
4. ЦХАФ АК. – ФР 10. – Оп.1. – Д.581.
5. Алтайская губерния – Казахстан. 1917-1925: Сборник документов и материалов. – Барнаул, 2001.
6. ЦХАФ АК. – ФР 24. – Оп.4. – Д.2940.
7. Там же.
8. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.15. – Оп.1. – Д.1.
9. Там же.
10. Там же.
11. Алтайская губерния – Казахстан.
12. Там же.
13. Там же.

Из истории рубцовской печати

После окончания гражданской войны и начала мирного строительства в 1922 г. на территории Рубцовского уезда начала выходить своя уездная газета, получившая название «Красная степь». Ее считают своей прародительницей сегодняшняя районная газета «Хлебороб Алтая» и газета города Рубцовска «Местное время». Обнаруженные архивные данные говорят о том, что и у этой газеты были свои предшественники и до организации регулярной газеты в уезде существовали другие печатные органы, в которых помещались различные сведения как о событиях в мире и стране, так и о делах уезда. Первым таким периодическим изданием стал радиовестник Рубцовского уездного исполкома [1]. Он выходил раз в неделю на 4-х страницах тиражом 400 экз. Вестник был органом Рубцовского уисполкома, ответственным редактором являлась Малкова. Это издание было оформлено в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми к периодическому изданию. Оно имело название, другие выходные данные, лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», рубрикации содержания. В вестнике публиковались только новости по стране, местной информации не было. По всей очевидности, источником информации было радио, передачи

которого стенографировались, а затем перепечатывались в вестнике, о чем, в частности, говорит и название – радиовестник.

С 1 июня 1922 г., согласно постановлению пленума Рубцовского уисполкома от 20 мая 1922 г. за №7, в уезде начал выходить бюллетень Рубцовского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [2]. Бюллетень выходил два раза в неделю: в четверг и воскресенье. Согласно постановлению, целью его выпуска была «концентрация всех уездных, так и важнейших губернских распоряжений для распространения таковых на город и уезд, экономия рабочей силы и бумаги по перепечатке распоряжений как в отделах так и в волостях» [3]. На бюллетень была объявлена подписка, для отделов уисполкома и сельсоветов она была бесплатной. Тираж издания не был постоянным, от 300 до 500 экз. Редактировала это издание все та же Малкова. Несколько номеров бюллетеня в настоящее время хранятся в архиве г. Змеиногорска.

По другим сохранившимся данным как местных, так и краевого архивов, мы можем судить о том, какое большое значение как в Рубцовском районе, так и во всем округе придавали развитию селькоровского движения, распространению периодических изданий среди населения. Эти вопросы постоянно были в центре внимания местных органов власти. Так, в апреле 1927 г. вопрос о распространении печати в районе был рассмотрен на заседании бюро Рубцовского РК ВКП(б) [4]. Докладчик Ханунов сообщил, что «... на 1 апр. 1927 г. имеем количество выписываемых разных изданий газет населением и учреждениями 1540 экз., что составляет на 5 двор. 1 газету. Коллективных подписчиков 150 случаев, выписывают 450 экз. Селькоровское движение по району развернуто слабо, селькоровских кружков 7» [5].

Вопросы развития рабселькоровского движения в округе обсуждались и на бюро окружкома ВКП(б) [6]. 11 октября 1928 г. бюро отметило, что со времени начала издания окружной газеты «Степной пахарь» это движение «значительно оживилось». К недостаткам работы редакции было отнесено «отсутствие учета и руководства рабселькоровским движением, отсутствие роста рабселькоровской сети, большой процент непечатанных заметок от рабселькоров и крестьян (30-35 процентов)». Отмечалось также, что «редакция слабо связана с окружными организациями непосредственно соприкасающимися с деревней, недостаточно живая

популярная обработка материала и т.д.». Всего на декабрь 1928 г. в округе числилось селькоров – 212, из них женщин – 11, крестьян – 116, батраков – 14, служащих – 82, беспартийных – 87, членов ВКП (б) – 75, комсомольцев – 70 [7]. Рабселькоровских кружков насчитывалось 16, выпускалось 65 стенгазет. Тираж «Степного пахаря» на декабрь этого года достигал 5280 экз.

Работа с селькорами, увеличение их числа и качества присылаемых ими заметок и корреспонденций в первую очередь имела политическое значение и должна была служить целям начинавшейся коллективизации. Такая ориентация характерна для деятельности выпускаемых на местах стенгазет, работы селькоровских кружков. В одном из писем, поступивших в окружной комитет партии от конференции селькоров Поспелихинского района, сообщалось: «2-я районная конференция селькоров Поспелихинского района шлет пламенный привет руководителю окружного комитета партии ВКП(б) и организатору селькоров «Степной Пахарь» и заверяем именем 115 присутствующих на конференции селькоров и батраков, как и всегда под руководством ОК ВКП и ред. газ. «Степ. Пахарь», еще смелей пойдем в наступление на капитал, элементы деревни, еще смелей вонзим в своей будничной работе острое перо в спину кулаку и бюрократу. Дружной семьей, под руководством партии за новое творчество, за социализм. Председатель Беляев. Секретарь Понфильев» [8].

Распространенным приемом пропаганды идей коллективизации и индустриализации стало проведение в городе и селе дней печати, селькоровских и рабкоровских походов. С этой целью разрабатывались различные мероприятия, составлялись планы их выполнения. На одном из таких дней в мае 1928 г. [9] журналисты района запланировали отчеты о своей работе, организацию выставки стенгазет, книжных базаров, карнавалов за подписку на газеты и журналы. Кроме этого, намечалось устроить вечер самокритики или вечер печати, выпуск стенгазет, при избах-читальнях – организацию уголков рабселькоров. Красочной и насыщенной была программа для города. 11 мая намечалась конференция рабкоров с отчетами о своей работе. Коллективу железнодорожников поручалась подготовка и постановка в железнодорожном клубе пьесы «Ответственный рабкор». Комфракции правления Союза строителей поручалась подготовка в клубе «Красный факел» живой газеты. 12 мая днем за Алеем был запланирован митинг с докладом «День печати и

рабселькоровское движение». В этот же день утром по улицам города должна была разъезжать декорированная автомашина с музыкой и походной типографией.

В июне 1929 г. рабочие корреспонденты под руководством штатных сотрудников окружной газеты совершили поход в город и село [10]. Во время этого похода было «учтено 25 стенгазет, охвачено 350 чел., из них рабочих 98, кустарей 12, служащих 244.» Было также выпущено две стенгазеты, проведено два общегородских собрания рабкоров, 5 – в трудовых коллективах с отчетами редколлегий и их перевыборами. Участники похода организовали три выставки стенгазет, послали несколько рабкоровских бригад в деревню – в помощь селькорам.

С первых дней массовой коллективизации газета «Степная коммуна» постоянно писала о передовых хозяйствах, о том, что мешает в их работе, клеймила пьяниц, лодырей. На острие ее критики нередко попадали и партийные, советские работники. В заметке «Позорный список» от 15 мая 1930 г. сообщалось о неблагоприятных поступках руководителей коммуны «Искра» с. Алексеевки [11]. «30 мая в коммуне «Искра» с. Алексеевки бригады вышли на пашню. А правление коммуны решило встретить весенний сев по-своему. Завхоз коммуны Навозов, Ситников, кладовщик Салов, секретарь Арбузов, счетоводы Ласточка и Тарасенко, кассир потребобщества Гончаров выехали в лес с очищенной и прогуляли двое суток. Кладовщика пришлось разыскивать на лошади, т.к. нужны были ключи». Заметка завершалась призывом: «Нужно немедленно очистить коммуну от пьяниц».

Наряду с газетой в районе было и свое радиовещание. В архиве сохранился план радиовещания через радиостанцию при клубе «12 лет Октября» на апрель 1935 г. [12]. Уполномоченным радиовещания в это время был Фомин. В апреле среди основных тем выступлений местного радио были темы, связанные с весенне-полевыми работами, такие, как «теория мелкой вспашки и вредность ее для повышения урожая, постановка учета в весеннюю посевную» и др.

«Степная коммуна» выходила и позднее. По данным за 1936 г., ее редакция располагалась на втором этаже помещения Госбанка по адресу: К. Маркса, 66. Газета выходила на 4-х полосах, редактором был И. Белкин. В это время она была органом Рубцовского райкома ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета. В 1939 г. газета изменила свое название и стала называться «Большевистский призыв» – орган

Рубцовского райкома ВКП(б) и райисполкома. Газета выходила по 2-3 номера в неделю на 4-х полосах тиражом 5 тыс. экз. В сентябрь-октябре 1939 г. за редактора был А.С. Варавский, до 18 декабря газету редактировал Л. Прокопенко, затем вместо редактора стала «Редакционная коллегия». В 1940 г. заместителем редактора была А. Малайчина. В эти годы редакция находилась на площади Кирова.

2 сентября 1943 г. вышел в свет первый номер газеты «За Победу». Районная рубцовская газета снова изменила свое название. Газета выходила на двух полосах раз в неделю, редактировала ее З.Е. Панарина, печаталась она в типографии городской типографии «Большевикский призыв» по адресу – площадь Кирова. Газета публиковала сводки с фронта, различную местную информацию. В 1943 г. председателем райисполкома был П. Шаршов, секретарем Долошко. Секретарем РК ВЛКСМ был Ф. Капин. Приведем целиком одну из заметок на местную тему. Называлась она – «Комбайнер Пастухов». «Комбайнер Бобковской МТС т. Пастухов Кузьма, воодушевленный продвижением нашей доблестной Красной Армии и выражая любовь и преданность стране в уборочную кампанию 1943 г. работает по-военному. На своем счету он имеет 400 га скошенными и 300 га обмолоченными в колхозе «Восход».

В 1952 г. газета «За Победу» выходила два раза в неделю тиражом 1500 экз. Редактировал ее И. Ясенков [13]. В 50-х годах в районе помимо районной газеты выпускалось еще три многотиражных в селах. Одной из них была газета «Совхозная жизнь», выпускавшаяся в свеклосовхозе. Редактировал ее У. Киселев [14].

Довольно продолжительное время газетой руководил Александр Данилович Кисляков [15]. Он родился в 1917 г. В 1933 г. окончил Велико-Лукский педтехникум, работал учителем, заведующим начальной школой, инспектором районо. В 1937 г. – слушатель Алма-Атинской школы управления НКВД, окончив которую работал в Алма-Ате, затем в п. Тальменка Алтайского края. В 1941 г. ушел на фронт. Восемь лет с 1946 по 1954 гг. был на административно-хозяйственной работе. В 1954 г. перешел на работу в сельское хозяйство. Избирался секретарем Рубцовского РК КПСС. С 1956 по 1962 гг. был редактором районной газеты «За Победу», затем работал на заводе. Умер в сентябре 1965 г.

Следующим по времени редактором районной газеты стал Михаил Васильевич Липендин [16]. Он родился в 1922 г. в с.

Калмыцкие Мысы Поспелихинского района в семье учителя. С октября 1941 по апрель 1943 г. воевал, был тяжело ранен. Затем работал преподавателем, директором семилетней школы. Был пропагандистом, зав. отделом пропаганды и агитации, секретарем Рубцовского РК КПСС. В 1958 г. окончил краевую партшколу, был зав. отделом пропаганды Шипуновского РК, секретарем КПСС Шипуновского РК. С 1963 г. работал редактором рубцовой районной газеты. Умер 27 мая 1977 г.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Змеиногогорского района. – Ф.8. – Оп.2 – В. – Д.5. – Л. 1-21.
2. Комитет по делам архивов г. Змеиногогорска. – Ф.7. – Оп.1. – Д.10. – Л. 21.
3. Там же.
4. ЦХАФ АК. – ФП 3. – Оп.1. – Д.258. – Л. 81.
5. Там же.
6. ЦХАФ АК. – ФП 34. – Оп. 1. – Д.326. – Л. 245.
7. Там же Д. 414. – Л. 76, 77.
8. Там же. – л. 62.
9. Там же. – л. 82, 83.
10. Там же. – л. 86.
11. Архивный отдел администрации Змеиногогорского района. – Ф.8. – Оп.2 – В. – Д. 37.
12. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.154. – Оп.1. – Д.8. – Л. 4.
13. Архивный отдел администрации Рубцовского района. – Ф.43.
14. За Победу. – 1958 – 4 янв., 1959 – 3 янв.
15. Хлебобоб Алтая. – 1965 – 4 сент.
16. Хлебобоб Алтая. – 1977 – 28 мая.

Разукрупнение колхозов Рубцовского района в 1935 г.

Объединение крестьян Рубцовского района в коллективные хозяйства в основном было завершено в 1929-1930 гг. В последующие годы началось массовое обеспечение коллективных объединений различной сельскохозяйственной техникой и инвентарем. Были образованы первые МТС. Так, например, в октябре 1929 г. была организована Рубцовская МТС, в первый год своего

существования МТС обслуживала 11 колхозов, в 1931 г. в ней насчитывалось 103 трактора [1, с. 105].

Коллективизация в районе, как и в целом по стране, осуществлялась ускоренными темпами без учета местных условий и особенностей, что привело к многочисленным организационным ошибкам, которые выявились уже в первые годы существования созданных колхозов. Так, нередко земли одного и того же колхоза были разорваны на несколько участков, располагаясь чересполосно. Часто в одном и том же селе создавалось несколько колхозов, хозяйственные и административные постройки которых были разбросаны по селу. Некоторые поля находились на значительном удалении (15-20 км) от села или бригадных построек, что приводило к большим расходам на переезды, доставку людей и техники. Слишком велика была и площадь земель, закрепленных за каждым колхозом, которые они были просто не в состоянии обрабатывать. Так, в колхозе имени Сталина Лаптевской МТС площадь пашни достигала 7345 га [2, л. 5].

Вот почему в начале 1935 г. руководством Западно-Сибирского края принимается решение провести, где это возможно и нужно, переформирование уже имеющих колхозов с учетом местных условий, и в районы края рассылаются соответствующие директивы. Подобные указания были получены и в Рубцовском районе [3, л. 9].

12 января 1935 г. районным комитетом партии и райисполкомом было принято постановление об осуществлении работы по разукрупнению колхозов. Это постановление вместе с инструкцией о порядке разукрупнения, разработанной специалистами районного земельного отдела, было разослано в МТС района для выполнения [4, лл. 13-15]. Согласно инструкции, процедура раздела должна была состоять из нескольких этапов. Первоначально вопрос о разделе необходимо было рассмотреть на заседании правления колхоза совместно с активом и представителем МТС. Затем выдвинутые предложения выносились на обсуждение общего собрания колхозников, которое и решало вопрос. Протокол заседания вместе с решением и цифровыми данными о составе колхоза, количестве работающих, наличии пахотных земель, рабочего скота и т.п. высылался в районный земельный отдел на рассмотрение районной земельной комиссии. Все эти материалы с положительным заключением направлялись на утверждение в краевую земельную комиссию. После получения извещения об утверждении раздела в

краевой земельной комиссии в колхозах могли приступить к выбору правления новых хозяйств и разделу имущества.

Делить имущество должна была специально выбранная комиссия, утвержденная общим собранием колхоза. В нее входили председатели правлений и ревкомиссии, счетовод старого колхоза, а также по одному представителю от правлений новых колхозов. Были разработаны условия и для раздела. Одним из главных стало, «чтобы хозяйства одного колхоза не были разбросаны по всему селу» [4, л. 14]. Кроме того, земли колхоза должны были располагаться в одном массиве, иметь удобную для обработки конфигурацию. Все имущество разделяемого колхоза оценивалось в рублях и делилось между новыми колхозами пропорционально числу трудоспособных колхозников в каждом хозяйстве. Так же делился скот и сельхозинвентарь. Культурно-бытовые учреждения (клуб, баня и т.д.) могли оставаться в общем пользовании. Их стоимость делилась между колхозами опять же пропорционально числу трудоспособных. При создании новых колхозов учитывалось и желание отдельных колхозников о вхождении в тот или иной колхоз.

Всего в Рубцовском районе было определено 26 колхозов, подлежащих разукрупнению. В зоне, обслуживаемой Рубцовской МТС, ими стали колхозы «Авангард Сибири» и «Путь к социализму»; для Веселоярской МТС – колхозы «Сибкомбайн», «Зеленая Роща», «Ракиты», имени ВЦИК, «Красная Заря», имени Ворошилова; Лаптевской МТС – имени Сталина, «Память Ленина»; МТС «Гигант» – «Серп и Молот», «Красноармеец», «Новая Деревня», «Зерно», «Смелый шаг»; Ново-Егорьевской МТС – «1-е Мая», «Опора Кузбасса», имени Ворошилова, «Малая Шелковка», «Земледелец», «Хлебороб», «Коминтерн»; Вишневецкой МТС «Рекорд Сибири», «Центральная», «14 лет Октября», «Перелом». Число дворов в самом крупном из них – «Смелый шаг» – доходило до 320, а количество трудоспособных – 647 чел. За колхозом было закреплено 4267 га пахотных земель, а вся удобная земля вместе с сенокосами и выгонами достигала площади в 9918 га. От 150 и выше дворов входило и в другие разукрупняемые колхозы. В каждом из них было от 3 до 6 бригад [5, л. 5].

Кампания по разукрупнению была проведена в крайне сжатые сроки, и уже в конце февраля 1935 г. все необходимые документы были подготовлены и направлены на утверждение в краевую земельную комиссию. Согласно общей справке, подготовленной

районным земельным отделом, вместо 26 прежних хозяйств было запланировано создание 54. Колхоз «Авангард Сибири» делился на три – «Красный факел», имени Чапаева, имени Громова; вместо колхоза «Путь к социализму» были образованы два новых – «Путь к социализму» и «8-й съезд Советов»; «Сибкомбайн» разделился на «Сибкомбайн» и имени Молотова; колхоз «Зеленая Роща» исчез с карты района, взамен возникли колхозы имени Кагановича и «Зерно». Не стало и колхоза «Ракиты» (появились колхозы имени Тельмана и имени Политотдела). Колхоз имени ВЦИК поделился на колхоз имени ВЦИК и колхоз «Колос». Из колхоза «Красная Заря» выделилось еще одно коллективное хозяйство – колхоз «Искра». Колхоз имени Ворошилова тоже разделился, часть колхозников осталась в прежнем хозяйстве, а часть перешла в новый колхоз – имени Эйхе. Колхоз имени Сталина, как один из самых крупных в районе, разделили на три хозяйства – «Красный Май», имени Сталина, имени Куйбышева. Колхоз «Память Ленина» поделили на два – «Память Ленина» и имени Энгельса. Также на два хозяйства поделили колхозы «Серп и Молот», «Красноармеец», «Новая Деревня». «Серп и Молот» выделил из своего состава колхоз имени Кирова; «Красноармеец» – колхоз «Красный Символ»; «Новая Деревня» – колхоз «Ландманн». Колхозы «1-е Мая», «Опора Кузбасса», имени Ворошилова, «Малая Шелковка», «Земледелец», «Хлебороб», «Коминтерн» выделили из своего состава соответственно колхозы имени Куйбышева, «Путь Ленина», имени Кирова, имени Калинина, имени Фрунзе, «Красный Партизан», имени Молотова. Вместо колхоза «Смелый шаг» стало четыре коллективных хозяйства – «Смелый шаг», имени Жданова, имени VII съезда Советов, имени Грядинского. Не стало колхоза «Рекорд Сибири». Он разделился на колхозы «Большевик» и имени Калинина. Сельхозартель «Центральная» разделилась на колхозы имени Блюхера и имени Крупской. Колхоз «Перелом» выделил из своего состава колхоз имени Шмидта. Колхоз «Зерно» разукрупнять не стали [6, л. 51].

Библиографический список

1. Кузнецов В.В. Земля Рубцовская. Краеведческие очерки. – Рубцовск. 1999.
2. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. – Ф.154. – Оп.1. – Д.29.

3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.

Экономическое и социальное развитие Рубцовска в годы первой пятилетки

В начале 20-го века в Рубцовске не было ни одного промышленного предприятия, не считая мелкого кустарного производства (мельница, пимокатня, бочарное производство и др.).

В 1922 г. появляется типография, выпускавшая газету «Степная коммуна». В 1927 г. в городе имелись паровая мельница «Хлебживсоюза», кишечный завод и скотобойня «Союзмясо», кирпичный завод Алтстройсоюза и трудколонии. В 1930 г. насчитывалось 5 промышленных предприятий и несколько мелких промартелей с числом рабочих 851 чел. Помимо вышеназванных в списке были электростанция, на которой работало 12 рабочих, кирпичный и алебастровый заводы артели «Труд» (169 рабочих). Среди артелей наиболее мощными были артель «8 Марта», занимавшаяся изготовлением колбасных изделий, фруктового кваса, пошивкой и починкой обуви и одежды. В этой артели работало 105 чел. Труженики артели «Кустарь» валяли пимы, делали веревки, овчины и шубы. По списку их было 103. Артель «Красный Труженик» 3 (60 чел.) ремонтировала сельскохозяйственный инвентарь. Хлебокондитерские изделия производились в артели «Сбыт» (54 чел.). В других артелях выпускалась колесная мазь, ремонтировались весы и другие измерительные приборы.

В годы первой пятилетки (1928-1933 гг.) в Рубцовске началось строительство мельнично-элеваторного комбината с переработкой 200 тонн зерна в сутки. В 1928 г. был построен мясокомбинат и кирзавод МТС. В 1930 г. началось строительство сельхозтехникума, которое было закончено в 1932 г. Помимо этого в городе построили гостиницу на 26 номеров, здание отделения Госбанка и 2585 кв. м жилой площади.

К весне 1931 г. в городе насчитывалось 18 колхозов, из них 9 сельхозартелей, 7 ТООЗов и два промколхоза. Наиболее крупным колхозом была сельхозартель имени 25-тысячников (бывший «Город»). Колхоз специализировался на выращивании овощей.

Крупным общественным хозяйствам принадлежало 8463 га посевов, а также 562 лошади, 104 коровы старше трех лет. В год образования в городе вообще не было грузовых автомобилей, а внутригородские перевозки осуществлялись в основном конторой «Союзтранс» – лошадьми.

Прямой телеграфной связи с краевым центром в 1928 году город не имел и осуществлял ее через переприемный пункт в Барнауле. Рубцовский узел связи, в свою очередь, являлся переприемным пунктом для соседних районов, связь с которыми поддерживалась на аппаратах системы «Морзе». Мощность телефонной станции была незначительна, всего 150 номеров. Из них лишь 15 были установлены в квартирах. В городе имелось 175 радиотрансляционных точек и 23 радиоприемника.

До революции и в первые годы Советской власти в городе преобладала частная торговля. К 1930 г. она в основном была заменена государственной и кооперативной торговлей. В 1927 г. городская торговля была представлена 16 предприятиями государственной торговли, 30 – кооперативной и 230 частными лавками частной торговли. Всего в этом году насчитывалось 276 мелких торговых точек. 14 таких точек принадлежало городскому потребительскому обществу, инвалидной кооперации – 15, один магазин принадлежал ОГИЗу, один – отделению Госшвеймашины, один – охотсоюзу. Нефтепродуктами город снабжался через лавку пожарного общества. Частная торговля была представлена торговцами с лотков на базарной площади.

В конце 20-х гг. город не был благоустроен. В нем не было мощеных улиц, отсутствовала канализация, что делало улицы труднопроходимыми после дождей. Тротуары (деревянные) были только на нескольких центральных улицах. В 1927 г. в городе была электростанция мощностью 60 квт, водопровод длиной всего 3,57 км, баня, гостиница на 16 номеров и начато строительство другой на 26 номеров. От пожаров город охранялся пожарной охраной численностью 37 работников, весь городской гужевого транспорт составляли 11 лошадей.

Жилой фонд в основном состоял из небольших, сельского типа деревянных домов, чередующихся с саманными постройками. Общий жилой фонд в 1926 г. составлял 86 тыс. кв. м. На душу населения приходилось 2,75 кв. м жилья. Электрическое освещение было лишь на 25 процентах жилплощади государственного фонда.

До революции в городе имелась лишь одна школа, в которой обучалось 137 учащихся, обучение вели 3 учителя. В 1927 г. в городе было 7 школ первой ступени с числом учащихся 2370 чел., школа колхозного строительства, школа фабрично-заводского строительства, школа для взрослых, школа малограмотных. Из культурно-просветительных учреждений имелась одна библиотека с книжным фондом в 3,7 тыс. экз., изба-читальня, 2 красных уголка, дом крестьянина и клуб на 230 мест. В 1929 г. был один детский сад на 32 места, но ни одного стадиона и спортплощадки. Преподавание в школах вели 69 учителей. В городе была одна киноустановка, выходила одна газета разовым тиражом 6 тыс. экз.

Население города обслуживалось 4 врачами, 24 работниками среднего медицинского персонала. В городе была всего одна больница на 90 коек. Кроме того, имелась детская амбулатория, детская консультация, вендиспансер, санитарно-бактериологическая лаборатория, аптека. Санитарный надзор осуществлялся одним санитарным врачом и несколькими его помощниками.

Примечание:

Статья подготовлена на основе сохранившихся материалов социологической группы при Рубцовском ГК КПСС.

Эвакуация на Алтай в годы Великой Отечественной войны

В первые же дни после начала войны возникает необходимость в массовой эвакуации населения и промышленных предприятий из западных областей страны на Урал, в Сибирь, Поволжье и Среднюю Азию. Одним из крупнейших регионов эвакуации стала Западная Сибирь, которая приняла более 1 млн. чел. гражданского населения, в том числе 359,9 тыс. детей [1, с. 103].

Нужно отметить, что каких-либо заранее подготовленных эвакуационных планов на случай войны в стране не имелось. Не было создано и органов, которые должны были при необходимости руководить перебазированием населения и промышленности. Все эти вопросы пришлось решать в ходе начавшейся войны, в спешке, без учета конкретных факторов, что привело ко многим отрицательным последствиям.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации, в состав которого вошли Л.М. Каганович (председатель), А.Н. Косыгин (заместитель), Н.М. Шверник (заместитель), Б.М. Шапошников, С.Н. Круглов, П.С. Попков, Н.Ф. Дубровин, А.И. Кирпичников. 3 июня 1941 г. председателем Совета был назначен Н.М. Шверник. В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Вывозу в первую очередь подлежали рабочие и служащие, старики, женщины и молодежь, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение [2, с. 8].

Аппарат Совета по эвакуации состоял из работников Совнаркома СССР и РСФСР, Госплана СССР, ВЦСПС, народных комиссариатов СССР и РСФСР. Всего здесь работало 80-85 чел. Они были разделены на три группы. Первая занималась эвакуацией предприятий, институтов, организаций и учреждений, их рабочих и служащих, размещением их на новых местах. Вторая группа занималась эвакуацией населения. Здесь было несколько отделов по эвакуации, трудовому устройству, бытовому обслуживанию. Третья группа занималась транспортными средствами. Совет устанавливал очередность, сроки и места размещения эвакуационных предприятий и населения, контролировал ход перевозок, обеспечение их транспортом. Эвакуация 1941-1942 г. проходила в два этапа: летом и осенью 1941 г. и летом и осенью 1942 г. Особенно много работ по эвакуации было выполнено с июля 1941 г. до начала 1942 г. В тыл страны из западных областей было перемещено около 17 млн. чел. и более 1500 предприятий [3, с. 122].

В Западную Сибирь эвакуированное население стало прибывать в июле-августе 1941 г. На Алтай основной поток эшелонов с оборудованием предприятий пошел осенью и зимой 1941 г. [4, с. 83].

Организацией приема и размещения эвакуированного населения занимались местные советские и партийные органы. Им надо было решать следующие задачи: принять оборудование заводов и фабрик, население, обеспечить рабочие площади, жилье, помочь начать выпуск продукции. 3 сентября 1941 г. Алтайский крайком ВКП(б) принял решение о приеме и размещении населения из западных районов. Было решено перевести второстепенные предприятия и

учреждения, население, не занятое в промышленности, в районы; освободившееся жилье и производственные площади отдать эвакуированному населению и предприятиям. При исполкомах местных Советов были созданы отделы по эвакуации. Они намечали пункты расселения, занимались подготовкой жилых помещений, транспортных средств, продовольствия, медицинского обслуживания. Для оперативного руководства были созданы специальные комиссии из ответственных работников. На Алтае создали оперативную тройку во главе с председателем крайисполкома [3, с. 123].

Важную роль во встрече и приеме эвакуированных сыграли эвакуационные пункты, развернутые как в прифронтовой полосе, так и в пути следования. В Западной Сибири как тыловом районе эвакуационные пункты играли роль принимающих центров. Деятельность эвакуационных пунктов регламентировалась Положением об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы [5, с. 20]. В эвакуационных пунктах вели регистрацию и учет эвакуированного населения в местах погрузки и выгрузки, выдавали документы, отоваривали рейсовые карточки, решали бытовые вопросы, связанные с хранением вещей, продажей билетов и предметов первой необходимости, вели медико-санитарное обслуживание, политическую и культурную работу среди прибывших. Эвакуационные пункты создавались на железнодорожных станциях и речных пристанях, содержались за счет союзного бюджета [6, с. 31].

В первую очередь эвакуированных принимали Новосибирская и Омская области, во вторую – Алтайский край. Очень важной была проблема организации питания. Постановлением СНК СССР от 16 июля 1941 г. «О питании эвакуированного населения из прифронтовой полосы» предусматривалось двухразовое для взрослых и трехразовое для детей бесплатное горячее питание в сутки за счет союзного бюджета на время всего пути следования и 5-7 дней по прибытии на места расселения. Норма продуктов на человека в день составляла: крупа – 100 гр., мука – 500 гр., сахар – 28 гр., жиры – 15 гр., кондитерские изделия – 50 гр., колбаса – 15 гр., рыба – 30 гр., яйца – 1-2 штуки. На каждого человека выдавался и один кусок мыла на 15 дней [6, с. 32].

Холод, скученность, недоедание, недостаток теплой одежды, обуви вызвали рост заболеваний среди эвакуированных. Эвакуационные пункты не были оборудованы для санитарной обработки

прибывающих. Поэтому их обслуживание в основном производилось через медицинские учреждения железных дорог. На эвакуопунктах открывались медицинские изоляторы. Для санитарной обработки привлекались существующие и вновь построенные банно-прачечные и дезинфекционные установки. Госпитализация инфекционных больных осуществлялась в изоляторах, а стационарное лечение – в городских и районных больницах. На эвакуопунктах проводились и прививки [6, с. 34].

По данным управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации, на 1 января 1943 г. в Алтайском крае проживало 149,3 тыс. эвакуированных: 75,8 тыс. – в городах и 73,5 тыс. – в сельской местности. Пик эвакуации приходится на февраль – март 1943 г. По оценке М.П. Беленко, всего через край прошло более 200 тыс. эвакуированных. По половому составу более 60 процентов из них составляли женщины. В городах края за 1941-1942 гг. было размещено около 80 тыс. эвакуированных, из них в Барнауле – от 53 до 67 тыс. и в других городах – по 2-4 тыс. Примерно половина эвакуированных к осени 1942 г. была размещена в сельской местности [7, с. 15,17,20].

Снабжение продуктами зависело от того, где размещались эвакуированные: в городах или в сельской местности. На село карточная система не распространялась. В Алтайском крае с октября 1942 г. нормы отпуска хлеба населению в отдельных районах уменьшились до 100-150 гр. в день. Из списков на централизованное снабжение хлебом исключали эвакуированных, способных работать в колхозах [7, с. 22].

Одной из самых острых проблем стало обеспечение эвакуированных жильем. Первоначально она решалась путем подселения на квартиры или частные дома к местным жителям и расселением в помещениях нежилого фонда (складах, клубах). Очень быстро плотность подселения достигла таких размеров, что нередки были случаи, когда на человека приходилось около двух кв. м жилья. Под жилье занимались кухни, прихожие, коридоры. Все новый приток эвакуированных поставил вопрос о строительстве нового жилья. В первую очередь строились такие здания, которые требовали минимального количества материалов, при этом нарушались все технические нормы. Так, во многих городах Западной Сибири и Алтая появились деревянные бараки. Часть населения, работающего

на строительстве перемещенных заводов, расселялась в палатках и землянках [7, с. 21].

На строительство жилых помещений упрощенного типа в 1941 г. правительство выделило 200 млн. руб. Алтайскому краю достался 1,5 млн. руб., Рубцовску выделили всего лишь 60 тыс. Даже эти небольшие суммы не осваивались, так как в первую очередь строились производственные площади. Так, строители Алтайского тракторного завода в Рубцовске в 1942 г. сдали 51,5 тыс. кв. м заводских площадей и лишь 18,2 тыс. кв. м жилья. В целом за годы войны строительные организации Алтайского края построили в крае 100 тыс. кв. м жилья [3, с. 124].

По мере освобождения захваченных врагом территорий важное место в процессе восстановления страны занимает реэвакуация – возвращение эвакуированного населения и материальных ценностей. Реэвакуация осуществлялась после освобождения определенных территорий и проводилась только по решению высших органов власти.

В 1943 г. в стране был проведен переучет эвакуированного населения и персональный учет партийно-хозяйственных кадров и специалистов народного хозяйства. Реэвакуируемые получали полный расчет на производстве, специальный пропуск до того места, куда выезжали. Им предоставлялся транспорт для доставки их имущества до пунктов погрузки, обеспечивалось медико-санитарное обслуживание в пути следования. Возвращающимся руководителям и специалистам выдавали денежные пособия и другие льготы. Им оплачивался фактический проезд и провоз багажа (до 100 кг на человека). С теми, кто жил и работал в сельской местности, производился расчет за заработанные трудовые дни, им разрешалось брать до 50 кг ручной клади на человека, они получали на дорогу сухой паек и мыло. Их проезд также был бесплатным. Возвращающимся в частном порядке также выплачивались денежные пособия и предоставлялись льготы, но в меньшем объеме [8, с. 23].

Основная часть реэвакуируемых возвращалась в главные районы эвакуации. Всего из Западной Сибири выбыло 95 процентов всего эвакуированного населения западных регионов. Оставшаяся часть стала постоянными жителями региона. В Алтайском крае их численность составила 12850 чел. [8, с. 29].

Библиографический список

1. Снегирева Л.И. Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в трудах исследователей региона // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 9 (99).
2. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941-1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – №6.
3. Сафонова Т.А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941-1942 годах // Вестник ТГПУ. – 2000. – Вып. 4(20).
4. Гаврилов М.С. Алтай в годы Великой Отечественной войны. – Барнаул, 1990.
5. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: В 3т. Т.1. – Томск, 2005.
6. Снегирева Л.И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941-1943 гг.) // Вестник ТГПУ. – 2014. – Вып. 3(144).
7. Беленко М.П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941-1943 гг.) // Автореф. дисс... к.и.н. – Новосибирск, 2011.
8. Снегирева Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942-1945 годы) // Вестник ТГПУ. – 2004. – Вып. 4(41).

Рубцовск в 1944-1945 гг.

(по материалам газеты «Большевистский призыв»)

Для небольшого провинциального городка районного масштаба, каким являлся Рубцовск в начале 40-х гг. XX в., определяющим событием, обусловившим его дальнейшее развитие, стала эвакуация в город нескольких крупных заводов из Европейской части Советского Союза. Их строительство на новом месте и деятельность прибывших коллективов рабочих и служащих, а также рубцовчан и жителей сел и поселков близлежащих районов, ставших заводчанами, по обеспечению скорейшего выпуска на рубцовской земле тракторов, сельскохозяйственного оборудования и др. на многие месяцы стали одной из главных тем на страницах городской газеты «Большевистский призыв».

Городская газета того времени являлась органом Рубцовского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся и выходила три раза в неделю на двух полосах тиражом 3300 экз., печаталась в типографии газеты на площади имени С.М. Кирова (сегодня там располагается Рубцовская городская типография – Авт.). Руководил газетой ответственный редактор Н.М. Корбков.

Первая полоса, как правило, отдавалась передовой статье и информационным материалам о боях на фронтах Великой Отечественной войны (оперативным сводкам Советского Информбюро). Здесь же размещались и краткие информации о важнейших событиях экономической и культурной жизни города и информации из других регионов страны. Вторая полоса отдавалась отчетам и корреспонденциям, зарисовкам о передовиках, воинах-рубцовчанах.

Эти достаточно лаконичные из-за недостатка места сообщения дают возможность установить некоторые вехи в жизни города военного времени. Так, для коллектива Алтайского тракторного завода одним из важных событий стал выпуск в октябре 1944 г. трехтысячного трактора [1]. В марте 1945 г. на заводе был собран первый опытный новый дизельный трактор [2], а в июле с конвейера АТЗ сошел пятитысячный трактор [3]. В это же время на АТЗ организуется новый цех – цех по выпуску товаров широкого потребления. В этом цехе планировалось выпускать никелированные кровати, репродукторы, мясорубки, различные жестяные изделия. В других цехах завода был начат выпуск таких предметов, как топоры, молотки, шифоньеры, чемоданы [4].

18 декабря 1945 г. в городском драматическом театре состоялось вручение медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Награды получили 400 передовиков АТЗ [5].

Рубцовские журналисты внимательно следили и за ходом строительства других заводов в городе. Информация от 16 октября 1944 г. сообщала о том, что на АЗТЭ вступили в строй литейный цех, цех ремонта магнето, ремонтно-инструментальный, арматурно-карбюраторный. Литейный цех завода был временно организован в артели «Красный труженик». В марте 1945 г. на «Алтайсельмаше» началась борьба за выпуск первой сотни тракторных плугов [6].

Вспомогательное, но важное значение для горожан имела деятельность подсобных хозяйств предприятий города. По данным на 1944 г., в городе имелось 71 подсобное хозяйство. Эти хозяйства

были многоотраслевыми и выполняли свою главную задачу – обеспечивать работников овощами и животноводческими продуктами. Наиболее крупные хозяйства были на АТЗ, ОСМЧ-15, Алтайторге, АСМ, горпищепромкомбинате, паровозном депо, ОРСе. В 1944 г. общая посевная площадь зерновых культур подсобных хозяйств предприятий и организаций города превышала 5500 га, из них зерновые АТЗ составляли 1849 га, ОСМЧ-15 – 788 га. В подсобном хозяйстве завода №16 («Главмука») содержалось 25 дойных коров, 350 овец, 18 свиноматок, 18 лошадей. В хозяйстве были построены коровник, конюшня, кошары, овощехранилище для обеспечения инвалидов войны и семей фронтовиков [7].

Некоторые итоги экономического и социального развития Рубцовска на страницах газеты были подведены в августе 1944 г. после публикации результатов выполнения обязательств в социалистическом соревновании городов Алтайского края за первое полугодие 1944 г. [8]. За полгода в городе был смонтирован и пущен в эксплуатацию 12-тонный молот на АТЗ, выстроено здание холодильника на мясокомбинате, начато строительство нового кожзавода. В Рубцовске построили 28 домов индивидуального типа, сдали 4300 кв. м жилой площади, замостили 6800 кв. м улиц, высадили 130 тыс. деревьев. Горожане добились определенных успехов в бытовом и культурном благоустройстве. В городе открылось три парикмахерских, в городском парке им. Кирова оборудовали эстрады, детскую волейбольную площадку, площадку для танцев. В рабочем поселке АТЗ и железнодорожного узла открыли три промтоварных и продуктовых магазина. Была также открыта молочная кухня на 105 детей, радиофицировано 300 квартир.

Кроме заводов в городе существовала и своя местная промышленность, представленная различными артелями и пищевыми предприятиями. Артели входили в состав Рубцовского многопромыслового союза. Среди них были артели имени Орджоникидзе, «25 лет Октября», «Сбыт», «Красный труженик», имени Чкалова, «Октябрь» и др. В артели «Красный труженик» в годы войны было освоено литье чугуна для изготовления товаров ширпотреба, выпускались такие мелкие изделия, как гребешки, дамские головные приколки, пуговицы. Промысловая артель «Сбыт» занималась выпечкой хлеба. Из материалов заказчиков в артелях изготавливались шерстяные платки, детские костюмы, свитера,

джерперы; различные сельскохозяйственные товары – гужи, накладки, шлеи; изделия ширпотреба – чашки, ложки, зеркала [9].

Главными культурно-просветительными и развлекательными учреждениями города в это время были городской драматический театр, железнодорожный клуб, парк культуры и отдыха им. Кирова, стадион «Локомотив», городская библиотека. Драматический театр был центром культурной жизни города и района. Здесь проходили торжественные заседания и собрания, на многочисленные спектакли собирались сотни зрителей. В 1944 г. за 35 дней актеры театра побывали с гастролями в Курьинском, Краснощекском, Усть-Калманском, Быстро-Истокском, Пospelихинском районах. В июне 1945 г. коллектив театра и общественность города отметили 35-летие творческого пути артистки театра Е.Л. Ершовой [10]. В отремонтированном железнодорожном клубе молодежь и все желающие могли заниматься в духовом оркестре, балетной студии, драматическом кружке, украинском хоре, кружке сольного пения и т.д. [11]. Любимым местом для занятий физкультурой и спортом был стадион «Локомотив». Летом здесь играли в футбол, здесь проходила легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Большевицкий призыв», зимой заливали каток, где соревновались хоккеисты, конькобежцы [12]. В городской библиотеке в декабре 1945 г. насчитывалось 3200 читателей [13]. Одним из немногих мест отдыха рубцовчан являлся городской парк имени Кирова. Аллеи парка были оформлены портретами руководителей партии и правительства, великих русских писателей и полководцев, портретами знатных стахановцев города. Здесь же работал читальный зал, тир [14].

Даже в это суровое время городские власти, работники культуры не забывали о патриотическом воспитании рубцовчан, их просвещении. В июле 1944 г. в парке им. Кирова состоялся вечер памяти М.Ю. Лермонтова, на вечер собралось более 500 комсомольцев и молодежи города. На вечере выступила комсорг на АТЗ Лебедева, художественный руководитель клуба АТЗ Аверьянов. Затем был дан концерт [15]. В августе этого же года на АТЗ совместно с Алтайским машиностроительным институтом была проведена научная сессия [16]. В октябре 1944 г. отдел пропаганды и агитации Рубцовского горкома ВКП(б) провел теоретическую конференцию партхозактива города по вопросам философии [17]. Для празднования 150-летия со дня рождения А.С. Грибоедова при горисполкоме была создана юбилейная комиссия, которая

разработала план мероприятий. В соответствии с этим планом на всех предприятиях города состоялись юбилейные вечера, посвященные памяти великого поэта, в библиотеках организованы выставки. В завершение программы в драмтеатре прошло торжественное заседание с открытием выставки бюстов, портретов и рисунков, посвященных писателю [18].

В плане культурно-бытового развития города на 1945 г. планировалось организовать при городском драматическом театре симфонический оркестр, оборудовать городской пионерский клуб; расширить и благоустроить городской парк им. Кирова, установить 10 уличных репродукторов, обустроить сад «Главмука», построить и оборудовать два клуба для строителей завода АСМ [19].

Большое место в публикациях газеты занимали материалы о работе техникумов и школ, различных формах обучения рабочих и служащих. Еще в 1942 г. на территории АТЗ был организован техникум тракторной промышленности, в котором готовили техников-технологов по холодной обработке металлов, по литейному производству и по сборке и монтажу автомобилей и тракторов. В конце 1944 г. в техникуме занималось 188 чел., в этом же году техникум получил здание по улице Вокзальной, 72. В техникуме имелись общежития, библиотека, учащиеся в свободное время могли заниматься в различных кружках – драматическом, струнном, литературном, физическом [20].

На улице Щетинкина, 2 располагалась школа медсестер, куда принимались лица с образованием не ниже семи лет. Срок обучения составлял два года. Учащиеся школы обеспечивались продуктовыми карточками, успевающие – ежемесячной стипендией [21]. 19 ноября 1944 г. из Веселоярска в город вернулось педагогическое училище. В этом году в нем занималось 210 студентов [22]. Значительную роль в подготовке строителей для города играла школа фабрично-заводского обучения на базе ОСМЧ-15, организованная в декабре 1942 г. Здесь готовили плотников, штукатуров, каменщиков, сантехников, столяров, автослесарей, электромонтеров. За два года было выпущено 700 специалистов [23]. Большим событием в жизни города стало открытие новой школы под номером семь. Для нее дирекция Алтайского тракторного завода выделила новый дом. На заводе для школы были изготовлены столы, шкафы, классные доски и другой необходимый инвентарь [24].

В эти годы в городе происходили разные локальные события, о которых читателей информировала городская газета. Так, в 1944 г. в Рубцовске побывал Герой Советского Союза П.В. Шередегин. Он выступал на многих предприятиях и в организациях. В июле Рубцовск посетила делегация земляков-гвардейцев Смоленской стрелковой дивизии. В школе имени Кирова прошел вечер, посвященный 25-летию педагогической деятельности преподавателя биологии Марии Андреевны Невзоровой, награжденной орденом «Знак Почета». Газета широко пропагандирует опыт машиниста Федора Левичева, который перешел с пассажирского на товарный паровоз и сэкономил до 40 процентов топлива от установленной нормы. За свой труд он был награжден орденом «Знак Почета» и орденом Трудового Красного Знамени.

Библиографический список

1. Большевистский призыв. – 1944. – 19 окт.
2. Там же. – 1945. – 1 марта.
3. Там же. – 12 июля.
4. Там же. – 29 июля.
5. Там же. – 18 дек.
6. Там же. – 29 марта.
7. Там же. – 10 сент.
8. Там же. – 8 авг.
9. Там же. – 15 авг., 21, 26 сент., 14, 28 дек.
10. Там же. – 1944. 26 сент.; 1945. 5 июля.
11. Там же. – 1944. – 10 окт.
12. Там же. – 1945. – 24 мая, 29 нояб.
13. Там же. – 20 дек.
14. Там же. – 5 июня.
15. Там же. – 1944. – 30 июля.
16. Там же. – 15 авг.
17. Там же. – 15 окт.
18. Там же. – 1945. – 3 янв.
19. Там же. – 24 мая.
20. Там же. – 1944. – 3 сент., 14 дек., 1945. – 28 янв.
21. Там же. – 1944. – 7 сент.
22. Там же. – 30 нояб.
23. Там же. – 1945. – 1 марта.
24. Там же. – 1944. – 3 сент.

Депортация калмыков

В декабре 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании в составе РСФСР Астраханской области. Как объяснялось в указе, основными причинами такого решения стали то, что «в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан...» [1, с. 740]. В связи с этим указ предусматривал переселение всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР и соседних областей, в другие районы СССР. Депортация, или выселение, калмыков стала частью сталинского плана «наказания» малочисленных народов СССР, в основном, населявших «Северный Кавказ», за их якобы «предательство» в годы войны.

Для конкретизации указа 28 декабря 1943 г. под грифом «совершенно секретно» было издано постановление Совета Народных комиссаров СССР № 1432/425 СС, в котором указывались места предстоящих выселений и численность выселяемых, расписывались условия их расселения и трудовой занятости, ответственные структуры за прием и размещение переселенцев [1, с. 145].

Операция по депортации калмыков началась 28-29 декабря 1943 г. под кодовым названием «Улусы». В ней участвовали 2975 офицеров НКВД, а также 3-й мотострелковый полк НКВД. Руководил операцией начальник УНКВД по Ивановской области генерал-майор М.И. Маркеев [2]. Заблаговременно, в течение декабря, были подведены войска, подготовлен транспорт, утверждены маршруты движения колонн автомашин. Большинство калмыков-мужчин находились в Красной Армии, в плену и т.д. что значительно облегчило задачу выселения. Выселения проводились внезапно. В течение 1-2 часов без питания, вещей женщины, дети, старики и инвалиды были погружены в товарные вагоны. Для организации переселения калмыков были привлечены 46 поездов, почти 10 тысяч солдат и офицеров, автотранспорт, военная техника [3].

В декабре было вывезено 93139 чел. (26395 семей). В течение января 1944 г. было депортировано еще 1014 чел. Депортация продолжалась за счет выселения тех, кто проживал вне Калмыцкой

АССР. Еще позднее были депортированы демобилизованные из армии калмыки – более 15 тысяч чел. Репрессиям подвергались и женщины-некалмычки, бывшие замужем за калмыками [2].

Всего, с учетом военнослужащих, подверглось депортации около 120 тысяч калмыков. По пути следования не было налажено продовольственное снабжение, отсутствовало медицинское обслуживание, люди неделями ехали в закрытых вагонах, и больные и мертвые – вместе. Холодные вагоны, не приспособленные даже для перевозки скота, морозы привели к большому количеству смертей в пути и по прибытии. В дороге умерло почти 1,5-2 процента выселенных калмыков и столько же прибыло к местам поселения тяжело больных [3].

Постановлением СНК о расселении депортированных калмыков предписывалось поселение их в местах, где население занималось сельским хозяйством, животноводством и рыболовством, в пустующие здания колхозов и совхозов, а также подселая к жителям. Для организации приема и размещения переселенцев создавались краевые и областные комиссии в составе председателей крайисполкомов, секретарей обкомов и начальников УНКВД. На местах депортируемых должны были встречать представители колхозов, совхозов и подсобных предприятий с транспортом для перевозки вещей и детей спецпереселенцев [1, с. 40].

Основным районом выселения стала Сибирь. По состоянию на 2 февраля 1944 г. Алтайский край принял 6167 семей, в которых было 22212 чел. [1, с. 54]. Первые эшелоны в край стали прибывать 10-11 января 1944 г. За 5-6 дней край принял 12 эшелонов с выселенными, которых расселили по 23 районам края. Часть поселенцев умерло в дороге. По прибытии в Барнаул эшелона №412, по сообщению начальника эшелона, из-за сильных морозов в вагонах, которые не отапливались, умерло 25 чел., в пути погибло 29 чел., в основном старики и дети. Нужно отметить, что в исследованиях по данной теме отмечается факт более заинтересованного отношения к приему спецпоселенцев-калмыков среди руководства края, чем в других областях Сибири. В местах разгрузки были подготовлены помещения для первоначального приема, пункты питания, определен транспорт для подвоза к местам поселения, помещения для жилья, заготовлено топливо. При райотделах управления НКВД созданы спецкомендатуры [1, с. 81].

Еще в декабре 1943 г. НКВД был издан приказ 001766 «Об организации комендатур спецпоселений УНКВД Алтайского, Красноярского краев, Новосибирской и Омской областей». Все поселенцы, начиная с младенцев, становились на учет в спецкомендатурах. Они получали статус «спецпереселенцы контингента «калмыки». Надзор за каждым спецпереселенцем осуществлялся не только комендантом. Комендатура разделялась на 5-10 дворки, возглавлявшиеся «старшими» (из числа спецпереселенцев), которые осуществляли гласный надзор. Группы ответственных лиц в производственных и хозяйственных организациях надзирали за депортированными «в силу служебного положения». Кроме того, существовала тайная агентурная сеть среди калмыков и «групп содействия» из местных жителей [5, с. 211]. За пределы мест поселения без разрешения комендатуры выезжать было нельзя. Каждый поселенец был обязан два раза в месяц являться в комендатуру на регистрацию в контрольном листе. За нарушение режима переселенцы подвергались штрафу или аресту до 5 суток. В паспортах делалась отметка «действителен для проживания только в таком-то районе или городе». Спецпереселенцы часто совершали побег. 26 ноября 1948 г. Верховный Совет СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного проживания лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». По указу самовольное оставление мест спецпоселения наказывалось 20 годами лишения свободы. В 1948-1949 гг. была проведена всесоюзная перерегистрация поселенцев. С них взяли отпечатки пальцев и занесли их в персональные учетные карточки, в которые были вклеены фотографии, давалось описание их вида и особых примет [4].

Согласно указу спецпоселенцы должны были оставаться в этом статусе навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Каждый поселенец давал следующую расписку.

Расписка

Я выселенец ... фамилия, имя отчество, стоящий на учете в спецкомендатуре № ... района ... области, даю настоящую расписку в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждения к 20 годам каторжных работ,

мне объявлен ... подпись ... 194... г. Подписку отобрал ... должность и фамилия ... 194... г. [1, с. 115].

Условия жизни спецпоселенцев были ужасными. Большинство из них жило в землянках, не приспособленных к зимним условиям бараках, складах, помещениях для скота. По инструкциям НКВД спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле в Сибири в среднем приходилось по одному квадратному метру на спецпереселенца. Большинство из них не имело теплой одежды и обуви. Принимаемые решения о выделении стройматериалов, одежды и обуви, продуктов питания выполнялись лишь частично. Большинство спецпереселенцев не имело своего хозяйства и огородов. Почти полное отсутствие бань приводило к зараженности вшами. Крайне мало было больниц, врачей, лекарств. Некоторое улучшение жилищно-бытовых условий депортированных калмыков началось после 1949 г. В 1950 г. в Алтайском крае собственные дома имели 55 процентов калмыков-спецпереселенцев. В основном это были домики из глины и соломы. Калмыки более чем на 90 процентов состояли из скотоводов и ничто другого не умели делать. Однако их тысячами направляли работать в шахты, на рудники, на лов рыбы в северных реках зимой, где они и погибали.

В конце декабря 1945 г. в крайком КПСС было направлено сообщение УНКВД по Алтайскому краю, в котором обобщались некоторые данные по расселению калмыков на Алтае, приводились факты недостаточной подготовки местных органов к расселению, из-за чего была допущена высокая смертность. С момента поселения и по октябрь 1945 г. умерло 3039 чел. (13,9 процентов). Наибольшее число умерших приходится на начало 1944 г. (1198 чел. или 5,5 процента). В последующие месяцы их число уменьшалось. В справке сообщалось, что были случаи размещения калмыков в курятниках, скотских дворах. «В Алейском районе, например, в колхозах «Пахарь» и «Заря» расселены семьи...в совершенно не пригодных для жилья сараях, ранее используемых под свинарник и птицефермы» [5, с. 107]. По этому сообщению было принято решение с резолюцией секретаря крайкома КПСС Н.И. Беяева об оказании помощи калмыкам.

В 1946 г. ситуация, несмотря на предпринятые меры, почти не улучшилась. Проверка, проведенная весной 1946 г., показала, что многие семьи калмыков в крае по-прежнему жили в

неприспособленных помещениях (скотные дворы, овощехранилища, землянки). Ресурсы, как материальные, так и финансовые, которые выделялись переселенцам на обустройство и питание, расходовались не по назначению [5, с. 7].

Все это приводило к тому, что часть спецпереселенцев высказывала недовольство как условиями своего существования, так и властью. Эти недовольства проявлялись в «антисоветских высказываниях», которые фиксировались информаторами среди населения и сообщались в правоохранительные органы и крайком КПСС. Так, проживающий в Шипуновском районе спецпереселенец калмык Кукляев Шара Манджиевич в беседе со спецпереселенцами о предстоящих выборах в Верховный Совет РСФСР заявил: «Нам голосовать за этих руководителей Советской власти (назвал фамилии двух руководителей партии большевиков и Советского правительства) не нужно, они мучают весь советский народ». Такие проявления не остались без внимания властей, и часть «недовольных» калмыков была репрессирована [5, с. 113].

Некоторое число калмыков было расселено и в Рубцовском районе. Основными местами поселения стали село Ясное Солнце, Красная Речка, Панфиловка, Зеленая Дубрава. Сведения о «рубцовских калмыках» были опубликованы в статье Е. Спириной в рубцовской районной газете «Хлебороб Алтай». Приведем выдержки из неё, ярко характеризующие жизнь калмыков на рубцовской земле, в воспоминаниях жительницы села Новосклюиха К.М. Михеевой [6].

«Пронеслась молва о том, что в Красную речку везут калмыков. Всем, конечно же, хотелось посмотреть, какие они. Была зима. Их привезли ночью, и до утра они были в краснореченской конторе. Наутро вся деревня пришла взглянуть на чужаков. Впечатление было не из лучших. Калмыки были «грязнущие», худые, голодные, в общем, на них было тяжело смотреть. А так люди, как люди. Чуть позже их стали расселять по домам местных жителей. Поселяли семьями. По-русски основная часть поселенцев говорить не умела, но потом научились, хотя и плохо. Пища у них была совсем непохожа на местную. Они пили кирпичный чай, добавляли туда молоко и соль (кирпичным он назывался потому, что формой напоминал кирпич, а получали его путем прессования). Любимым их блюдом была саломата, по-нашему, это затируха с ячменной мукой. Хлеб они не умели печь и пекли лепешки, но позже научились печь и хлеб».

Еще: «К весне калмыки обжились и начали строить себе жилье. Сначала это были мазанки из прутьев, но позже у них, с помощью жителей Красной Речки, появились дома. ...

А еще за ними был введен надзор. Им не разрешалось выезжать за пределы села.

Раз в месяц к ним приезжал комендант и переписывал всех, отмечая тех, кто умер. А смертность среди них поначалу была огромная, особенно среди детей. И хоронили они не по-нашему: заворачивали в какую-нибудь тряпку, отвозили в поле и бросали прямо так, на землю. Когда 9 января 1957 г. пришло разрешение на возвращение калмыков на родину, то они и тогда не забывали своих краснореченских односельчан, поддерживали связь через почтовую переписку».

17 марта 1956 г. калмыки были реабилитированы, им было разрешено вернуться на родину. В феврале 1957 г. Верховный Совет СССР утвердил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. о создании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР. В 1958 г. был восстановлен статус Калмыцкой АССР. Законом Российской Федерации от 26 апреля 1991 г. №1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» репрессии народов СССР были признаны актом геноцида. С 2004 года 28 декабря является памятным днем жертв депортации калмыцкого народа [2].

Библиографический список

1. Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение (1943-1957 гг.). – Элиста, 1991.
2. Депортация калмыков [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Хойт Санжи. Обзор ойратской истории. Центральноазиатский исторический сервер. – Глава IV. XX век.
4. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.) Сравнительный анализ [Электронный ресурс] www.memo.ru/history/new/Chapter20.htm
5. Иванов А.С. Калмыки в Западной Сибири (1944-1956 гг.): Особенности социализации на спецпоселении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №2 (15).
6. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. – Том VI. – Барнаул, 2004.

7. Спирина Е. Калмыки на Алтае. – Хлебороб Алтая. – 2002. – 13 июля.

Первые преподаватели РИИ

История возникновения Рубцовского индустриального института неразрывно связана с Великой Отечественной войной, временем, когда на Алтай и, в частности, в Рубцовск с европейской части Советского Союза было эвакуировано несколько крупных заводов сельскохозяйственного машиностроения, вместе с которыми в городе оказались десятки и сотни высококвалифицированных специалистов-организаторов производства, обладающих вдобавок к этому глубокими теоретическими познаниями в области механики и точных наук. Одним из таких специалистов был Тимофей Александрович Животовский, с именем которого связана непосредственная организация высшего образования в Рубцовске – вечернего филиала Алтайского машиностроительного института. В конце войны он работал заведующим отделом подготовки кадров Алтайского тракторного завода, и к этому времени ему уже было почти семьдесят лет. Это был практически конец жизни, причем жизни сложной и многотрудной, насыщенной самыми разнообразными событиями.

Родился Тимофей Александрович 25 декабря 1875 года в селе Демидовка Омельникской волости Кременчугского уезда Полтавской губернии в семье мещан. В листке по учету кадров, хранящемся в архивном отделе АлтГТУ [1], в графе «национальность» указано «русский», хотя в других документах он проходит как еврей. Он заканчивает реальное училище в Кременчуге и становится студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Окончить полный курс и получить диплом ему не удалось. В 1901 году за участие в студенческих волнениях 1899-1900 гг. он был уволен с 4-го курса. Осенью 1901 года Тимофей Александрович поступает в Санкт-Петербургский технологический институт на механическое отделение, но и здесь долго учиться ему не пришлось. Непокорный студент опять «ввязывается» в политику. В августе 1905 года его изгоняют и из этого института и высылают на родину.

Лишенный возможности закончить образование, он поступает вольноопределяющимся на военную службу, сдает экзамены на прапорщика. Здесь он обвинен в пропаганде и агитации среди солдат,

посажен в тюрьму в городе Варшава, но вскоре за недоказанностью преступления был освобожден.

В 1906 году Тимофей Александрович возвращается в Санкт-Петербург, начинает работать конструктором на заводе Леснера на Выборгской стороне и преподает математику в старших классах реального училища князя Тенишева. В 1908 году ему удается восстановиться в технологическом институте, который он заканчивает в 1910 году, причем заканчивает блестяще, и его оставляют при институте для подготовки к получению профессорского звания. Тимофей Александрович получил диплом за №3623 технологического института имени императора Николая I. Этот диплом удостоверял, что «Тимофей Александрович Животовский из мещан. 34 лет, закончил полный курс в 1910 г. по механическому отделению и 29 мая 1910 г. при защите дипломного проекта удостоен звания инженера-технолога 1-й степени с отличием, вследствие чего при поступлении на государственную службу по специальности он пользуется правом на чин X-го класса и всеми преимуществами, соединенными с званием инженер-технолога в Российской империи» [2, с. 181].

Для дальнейшей стажировки и повышения квалификации осенью 1910 года его командировывают в Германию в Шарлотенбургский политехникум на годичное обучение, но, как сообщает сам Тимофей Александрович в своей автобиографии, его кандидатуру не утвердил министр. Очевидно, сыграла свою роль его политическая неблагонадежность. В результате Тимофей Александрович лишился стипендии, а значит, и средств к существованию, и был вынужден вернуться в Россию.

Так началась его трудовая биография, и она столь же многообразна. Осенью 1911 года по возвращении в Санкт-Петербург он устраивается инженером на заводе Семенова, где работает до 1918 года. За эти годы от сменного инженера он вырастает до заведующего этим заводом. Одновременно Тимофей Александрович преподает в технологическом и женском политехническом институтах, где читает курс теоретической механики и руководит соответствующей кафедрой до закрытия женского политехнического института в 1918 году. С 1918 по 1919 год он профессор теоретической механики и сотрудник научно-технического отдела ВСНХ (Всероссийского Совета Народного Хозяйства) в Москве. Гражданская война забрасывает его в Гомель, где он сначала руководит отделом, а затем

замещает председателя Полесского спичечного треста. В 1923 году он возвращается в Москву, работает заместителем председателя Всероссийского спичечного синдиката. В конце 1923 года командирован ВСНХ в Германию для закупки машин спичечного производства. Задание было выполнено, но возвращаться домой оказалось еще рано. Заграничная командировка продолжалась. Животовский едет в США для изучения автотракторного дела. Визу на въезд в эту страну он не получает, очевидно, тоже по политическим мотивам. Ему удается попасть в Канаду, в Монреаль, где он живет и работает около года. В США он оказывается в июне 1925 года, работает на заводах Форда в Детройте, сначала в различных отделах, затем изучает курс подготовки инженеров.

Заграничная подготовка профессора Животовского закончилась в 1927 году. Вплоть до 1933 года он работает на различных должностях в ВСНХ, заведует кафедрой по деталям машин в институте имени Менделеева. В августе 1933 года в его судьбе вновь крутой поворот. Уже немолодой человек (ему исполняется 58 лет) покидает Москву и назначается заместителем директора по научно-учебной части и одновременно профессором теоретической механики Краматорского машиностроительного института. После ликвидации института в июне 1935 года он – заместитель директора и профессор Сталинградского машиностроительного института. В марте 1938 года Тимофей Александрович был внезапно арестован органами НКВД по подозрению в контрреволюционной деятельности, по ноябрь 1941 года находился под следствием и затем был освобожден за прекращением дела.

В январе 1942 года он работает на Сталинградском тракторном заводе начальником бюро информации. Ему было уже 67. В сентябре 1942 года вместе с частью завода эвакуируется в Рубцовск, назначается начальником отдела технического обучения строящегося завода, в сентябре 1947 года с учетом его огромного профессионального и педагогического опыта его назначают директором Рубцовского вечернего филиала Алтайского машиностроительного института с исполнением должности заместителя начальника ОТО по научно-учебной части.

Очевидно, в ходе следствия и последующего содержания под стражей в конце 30-х гг. он был лишен звания профессора либо этого звания у него не было и в вузах он занимал такую ставку в соответствии со своим огромным опытом. Во всяком случае, его

первоначальное звание в Рубцовском филиале всего лишь старший лаборант, в которую он поступил 19 октября 1945 года, о чем имеется соответствующая запись в списке лаборантов по Алтайскому машиностроительному институту за 1945-1946 гг. [3, л. 75]. Затем он исполняет обязанности профессора. В апреле 1948 года дирекция АТЗ ходатайствует перед Министерством высшего образования об утверждении Животовского в звании профессора, но результат этого ходатайства неизвестен. Опальному профессору продолжало мешать его прошлое, то недоверие к высококлассному специалисту «буржуазной выучки», которое, как видно из вышеприведенных данных, сопровождало его всю жизнь.

Тимофей Александрович преподавал в филиале курсы высшей математики и теоретической механики. Приходилось ему вести и уроки английского языка, которым он владел в совершенстве, хорошо знал также немецкий и французский языки.

Профессору Животовскому (назовем его так без кавычек, потому что он заслужил это звание всей своей многотрудной жизнью) удалось привлечь к преподаванию в филиале многих специалистов, работавших на эвакуированных заводах. Некоторым из них впоследствии удалось прославить себя на всю страну.

Одним из них был Фердинанд Фердинандович Аунапу [4]. По национальности эстонец, он родился в июне 1909 года недалеко от Петербурга в семье рабочего. После окончания 6 классов поступает на подготовительные курсы Ленинградского механического техникума. Было это в 1921 году. Два года подготовительных курсов и четыре года основных занятий позволили занять должность конструктора на Ленинградском заводе «Красный судостроитель». Несколько лет работает конструктором на различных ленинградских заводах и одновременно учится в Ленинградском механическом институте. После службы в армии в 1933 году поступает трудиться на Ленинградский карбюраторный завод, где работает на различных должностях (зам. начальника ОТК, начальник конструкторского бюро, начальник цеха, главный технолог) до 1941 года. В эти годы у него был кратковременный перерыв в работе, связанный с командировкой в США (с сентября 1936 по январь 1937 года) для изучения организации промышленного производства. Затем начинается куйбышевский период в его жизни. До 1947 года он работает главным технологом, главным инженером ряда куйбышевских заводов. В 1947 году последовало новое назначение –

главным инженером Алтайского завода тракторного электрооборудования, в 1953 году Фердинанд Фердинандович был назначен директором этого завода, а в 1955 году переведен директором Барнаульского комбайностроительного завода. В Рубцовском филиале АИСХМ он стал преподавать с февраля 1948 года. В должности старшего преподавателя читал курсы «Детали машин» и «Организация производства».

Яков Андреевич Жежер, украинец, родился в октябре 1906 года в Киеве в семье сапожника [5]. В 1931 году закончил Киевский механический институт, получил специальность инженера-механика по тракторостроению и был направлен на Харьковский тракторостроительный завод. На тракторном заводе в различных должностях проработал до начала войны. В октябре 1941 года был эвакуирован на Сталинградский тракторный завод, где проработал ведущим технологом отдела главного технолога до февраля 1942 года. Когда фронт подошел к Сталинграду, с заводом был направлен в Рубцовск. На АТЗ работал начальником технологического бюро, зам. начальника транспортного и экспериментального цехов, зам. главного технолога. С 1955 года трудился главным технологом АТЗ. В вечернем филиале работал с сентября 1951 года старшим преподавателем по совместительству.

Одним из совместителей в филиале в 50-е гг. был Эмиль Зеликович Клурфельд. Он родился в 1912 году в рабочем поселке Мотовилиха на Урале в семье рабочего. Его отец всю жизнь проработал на различных заводах. После революции семья переехала на постоянное жительство в Киев. Здесь Эмиль Зеликович заканчивает школу и начинает работать стеклодувом, ткачом. Одновременно он учился на рабфаке, готовился к поступлению в институт. В 1938 году оканчивает Киевский индустриальный институт и получает специальность инженера-механика по обработке металлов давлением. Работал инженером-технологом на заводе «Электросталь» г. Электросталь Московской области. Началась война, и в 1942 году завод был эвакуирован. Эмиль Зеликович был направлен работать в Рубцовск на Алтайский тракторный завод.

Борис Семенович Гахенсон стал рубцовчанином в 1942 году, когда был направлен по командировке комиссариата сельхозмашиностроения на работу на АТЗ [6]. Квалифицированный инженер-автомеханик руководил конструкторским бюро на одном из заводов Челябинска. Его родители Семен Савельевич и Анастасия

Яковлевна – петербуржцы, отец участвовал в революционном движении 1905 года, за что и был сослан на 3 года в Псковскую губернию. Там в городе Опочка в 1909 году и родился Борис Семенович. В этом городе он закончил электротехникум и уехал в Ленинград учиться в институте. После его окончания до начала войны работал на Кировском заводе. Борис Семенович преподавал не только в филиале, но и в машиностроительном техникуме Рубцовска.

Михаил Маркович Гохберг родился в 1913 году в Варшаве, откуда в двухлетнем возрасте был увезен родителями в Харьков, где и прошла вся его дальнейшая жизнь до начала Великой Отечественной. Его отец работал бухгалтером в различных организациях, был репрессирован и умер. Мать всю жизнь проработала учительницей русского языка и литературы. Михаил Маркович после школы закончил Харьковский машиностроительный техникум и поступил учиться в Харьковский институт инженеров транспорта. Работать он начал еще студентом техникума в различных проектных организациях г. Харькова, затем долгое время совмещал работу с обучением в институте. По окончании был направлен на работу в отдел главного механика Харьковского тракторного завода. В сентябре 1941 года откомандирован в Сталинград. В Сталинграде находился до мая 1942 года, затем переведен старшим инженером Алтайского тракторного завода. Михаил Маркович начал работу в Рубцовском филиале одним из первых. В личном листке по учету кадров он указал дату – сентябрь 1946 года и свою должность – старший преподаватель.

Одной из наиболее ярких личностей среди рубцовских преподавателей был Ханина Янкелевич Тейтельбаум, впоследствии лауреат Государственной премии. Уроженец города Тамбова, он родился в 1915 году, в 1930 году был принят в Харьковский еврейский машиностроительный техникум, затем окончил Харьковский машиностроительный институт, получил диплом инженера автостроения. Работал на Харьковском паровозостроительном заводе инженером-чертежником, затем на Харьковском тракторном заводе конструктором. После начала войны попал в Сталинград на тракторный завод, оттуда был эвакуирован в Рубцовск на Алтайский тракторный завод, где прошел путь от начальника бюро до заместителя главного конструктора завода.

Иван Георгиевич Лукин в 1948 году был главным механиком Алтайского тракторного завода [7]. По окончании

Днепропетровского машиностроительного техникума в 1931 году занимал ряд должностей на Харьковском тракторном заводе, в войну работал заместителем главного механика на Сталинградском тракторном заводе, в 1942 году оказался в Рубцовске. Работал помощником главного механика, механиком моторного цеха, заместителем главного механика. В 1945-1946 гг. Иван Георгиевич побывал в командировке в Германии. Причины командировки в анкете не указаны, но, скорее всего, будучи главным механиком, т.е. специалистом по машинам и оборудованию, он принимал участие в отборе и вывозе из разгромленной Германии машиностроительного оборудования в счет репараций Советскому Союзу за нанесенный ущерб. Может быть, он даже занимался еще более конкретной задачей: отбирал необходимое оборудование для укомплектования АТЗ.

В архиве сегодняшнего Алтайского технического университета сохранился приказ №355 по Алтайскому институту сельскохозяйственного машиностроения за 1 сентября 1949 года. Среди преподавателей, зачисленных совместителями для работы в филиале, названы А.А. Кутумов, который должен был вести такие предметы, как сопротивление материалов и механика; И.В. Казанский – начертательная геометрия; А.И. Крейдель – электротехника; И.Г. Лукин – металлорежущие станки.

Библиографический список

1. Архивный отдел АлтГТУ. – Оп.2л. – Папка 19.
2. Там же.
3. ЦХАФ АК. – ФР.255. – Оп.1. – Д.4.
4. Архивный отдел АлтГТУ. – Оп.2л. – Папка 27.
5. Там же.
6. Там же. Папка 36.
7. Там же. Папка 31.

«Диверсанты» совхоза «Рубцовский»

Возникновение совхоза «Рубцовский» неразрывно связано с развитием такой отрасли промышленности Алтайского края, как производство сахара. В конце 20-х гг. XX в. на Алтае строятся крупные сахарные заводы, которые необходимо было обеспечить сырьем. С этой целью принимается решение о создании семи

свеклосеющих совхозов: Змеиногорского, Алейского, Чистюньского, Косихинского, Троицкого, Бийского и Рубцовского.

Рубцовский совхоз был основан в начале 1932 г. со специализацией «семеноводческо-свекловичный». В эти дни была определена территория будущего совхоза, разграничено место под центральную усадьбу и отделения. Никаких поселений либо строений на отведенной территории не было. Все предстояло возводить людям, прибывшим из разных мест страны.

О том, как это происходило, написано в районной газете «Хлебороб Алтай». «Люди ехали и с первым, и с последующими эшелонами, ехали семьями из разных мест нашей страны в совхоз, который надо было еще строить, но уже и в первый же год производить продукцию» [1].

Но это не все вся правда о первых поселенцах совхоза. Сегодня мало кто знает, что для многих будущих рубцовчан этот переезд был не добровольным, а принудительным, так они были «бывшими кулаками», выселенными с прежних мест во время коллективизации, в частности, из Украины. О судьбе некоторых из них и будет дальнейший рассказ.

Год 1937 в истории нашей страны справедливо называют годом Большого террора, периодом наибольших политических репрессий, когда были арестованы и либо уничтожены, либо заключены в лагеря тысячи советских людей, обвиненных в антисоветской деятельности. Одной из наиболее массовых репрессивных акций этого года стала акция против «бывших кулаков» в сельскохозяйственных регионах страны. Алтайский край был в числе районов, где осужденные по этой категории составили 73,2 процента от общего числа репрессированных [2, с. 361].

Приведем данные арестов по Рубцовскому и смежным с ним районам. Всего в период массовых операций здесь было арестовано около 5 тыс. чел. [3, л. 76]. Все эти операции происходили следующим образом. Из справки лейтенанта госбезопасности Крюкова в управление НКВД по Алтайскому краю: «Первые массовые операции контрреволюционного элемента проводились с санкции начальника управления НКВД. Практически операции проводились следующим образом: начальники РО НКВД входящих в сектор составляли и представляли начальнику сектора списки на подлежащий изоляции контрреволюционный элемент. Аресты лиц, подлежащих изъятию, документацию и следствие проводили

начальники РО НКВД. Эта форма руководства операциями относится к началу изъятия контрреволюционных элементов как одиночек, так и контрреволюционных групп. Второй период массовых операций следует отнести к изъятию контрреволюционных групп и их организаций. Активные фигуранты, разрабатываемые в секторах или РО НКВД, немедленно забирались в УНКВД для передопросов. Показания этих лиц после допроса в УНКВД в корне изменялись. По их показаниям обязательно вскрывались большие разветвленные контрреволюционные организации с выходами по всем районам и секторам» [3, л. 79].

По подобному сценарию развивалась ситуация и в совхозе «Рубцовский». 26 сентября 1937 на квартире спецпоселенца Матвея Семеновича Добрянского был произведен обыск, он был арестован, а вместе с ним еще 31 работник совхоза. 23 октября 1937 г. на Добрянского и его односельчан было заведено уголовное дело №20771, в котором они обвинялись в преступлении по статье 58 пункты 2,8 УК РСФСР. Эти пункты предполагали вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти и т.д. а также совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти Позднее пункт 8 был убран, но были добавлены пункты 9 и 10 (разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти ...).

Уполномоченным по Рубцовскому РО НКВД сержантом Васильевым было составлено обвинение, в котором указано: «Добрянский Матвей Семенович достаточно изобличается в том, что в 1936 г. декабре месяце в Рубцовском свеклосовхозе организовал контрреволюционную диверсионно-повстанческую группу из классово-чуждого контрреволюционного элемента, в которую им были завербованы как руководящее ядро Березюк Иосиф Адамович – кулак, Дроненко Андрей Павлович – кулак, Путиловский Никита Григорьевич – кулак, Белявец Яков Иванович – кулак. Группа ставила своей задачей в момент объявления войны Германией и Японией СССР проводить разбор железнодорожного полотна, подготовить восстание в момент объявления войны. В целях подрыва экономической мощи совхоза проводить диверсионные акты» [4, л.

71]. Все арестованные были заключены под стражу в Рубцовскую временную тюрьму.

Исследуя материалы дела, мы узнаем и факты биографии М.С. Добрянского, позволяющие составить представление об этом человеке. Украинец по национальности, житель местечка Рыбница. По профессии садовод-огородник, в Рыбнице владел 18 га земли, садом в 1 га, имел 200 ульев пчел, 5 лошадей, 2 коровы. С 1916 по 1918 гг. служил в царской армии рядовым при штабе, затем по 1930 г. жил в Рыбнице. Матвей Семенович был образованным человеком, в год ареста ему было 56 лет. В 1930 г. был выслан как кулак, лишенный избирательных прав в административном порядке [4, л. 103].

Все арестованные по этому делу числились в списках лишенных избирательных прав как кулаки и состояли на учете при Барнаульской комендатуре НКВД с правом проживания как спецпоселенцы при спецпоселке Рубцовского совхоза.

Для хотя бы внешнего соблюдения законности следствию понадобилась производственная характеристика на Добрянского, которая и была предоставлена за подписями начальника политотдела совхоза Беякова и директора совхоза Гонтаря. В этой характеристике Добрянский обвинялся во всех возможных грехах, в частности, во вредительстве и разложении трудовой дисциплины.

«В Рубцовском совхозе работает с 1932 г. огородником. За время своей работы показал себя как явно антисоветской личностью, враждебно настроенного к существующему советскому строю, занимался разложением трудовой дисциплины путем обсчета рабочих, работающих у него на огороде.

В 1935 г. Добрянский умышленно заморозил картофеля 100 ц, проквасил капусты около 10 т. В 1936 г. сгноил семена фасоли 16 ц, картофеля 30 ц.

Во время весенне-посевной кампании 1937 г. вследствие вредительской деятельности сорвал своевременный сев огородных культур, вследствие чего от мороза погибли бахчи 4 га, огурцов 2 га, капусты 3 га. Благодаря вредительской деятельности Добрянского совхоз на 1937-38 гг. остался без овощей, чем самым сорвал общественное питание в совхозе» [4, л. 167].

Как еще одно доказательство в обвинении был упомянут тот факт что сестра Добрянского была замужем за немцем и в 1929 г. уехала с ним в Германию, а позднее приезжала навестить брата в спецпоселок.

Дело по обвинению Добрянского и его товарищей было начато 23 октября 1937 г. и закончено 9 ноября 1937 г., т.е. на все следствие понадобилось всего чуть более двух недель. Заключительное обвинение выглядело следующим образом.

«... В декабре месяце 1936 г. первоначально Добрянским было создано ядро контрреволюционно-повстанческой группы: Добрянский, имея отдельную квартиру, жил в ней один, без семьи, пригласил к себе на квартиру. На этом сборище первоначально высказывали свои обыденные контрреволюционные разговоры ...».

Основные задачи организации: «подрыв экономики совхоза, срыв ремонта тракторов, вывод из строя комбайнов, разложение трудовой дисциплины» [4, л. 228].

Законченное следственное дело со всеми обвинительными материалами было направлено на рассмотрение судебной тройки УНКВД по Алтайскому краю за подписью помощника уполномоченного сержанта госбезопасности Васильева.

30 октября 1937 г. прошло заседание судебной тройки УНКВД по Алтайскому краю, на котором слушалось дело Добрянского. Тройка постановила: Добрянского Матвея Семеновича и членов его так называемой «террористической группы» расстрелять, принадлежащее им имущество конфисковать (Акт решения судебной тройки УНКВД по Алтайскому краю от 30.10.1937 протокол №1/3-К). Приговор был приведен в исполнение 9 ноября 1937 г. в Рубцовске [4, л. 355].

О том, чего стоили эти обвинения, говорит протокол допроса того самого бывшего сержанта госбезопасности Васильева, который арестовывал и выдвигал обвинения против Добрянского и его «группы» в феврале 1955 г.

«... Эти люди были объединены в групповые дела по 50-100 чел. и названы антисоветскими формированиями. Ничего подобного в действительности не было, и дела на них, как на повстанцев, получены в результате порочной практики следствия. Протоколы допросов писались не со слов арестованных, а вопреки их заявлениям. Следователи от имени этих арестованных писали признательные протоколы, заставляя подследственных подписывать последние.

Нужно сказать, что в силу обстановки, существующей в тюрьме, арестованные знали, что подписывать сфальсифицированные протоколы придется и поэтому хоть и возмущались, но подписывали» [3, л. 76].

Все эти люди были полностью реабилитированы, а обвинения против них признаны необоснованными.

Библиографический список

1. Им крепко досталось. – Хлебороб Алтай. – 2002. – 11 дек.
2. Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937-1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. – М., 2009.
3. ОСД УАДАК. – ФР.2. – Д.8155. – Т.2.
4. ОСД УАДАК. – ФР.2. – Д.8155. – Т.1.

«Незнакомые» рубцовчане

В истории Рубцовска и близлежащих районов до настоящего времени есть много неизвестных событий, происходивших на их территории в разные времена и исторические эпохи. Не хватает и информации о людях, которые в них участвовали либо внесли значительный вклад в становление и формирование рубцовской округи как целостного территориально-административного и экономического комплекса. У большинства известны только фамилии и занимаемые должности. В предлагаемом описании рассказывается о нескольких таких незнакомцах на основе минимальных сведений, найденных как в периодической печати, так и в интернете.

Первым из них нужно назвать Николая Павловича Литвинова, одного из создателей и руководителей рубцовского здравоохранения. Николай Павлович работал в Рубцовске в 1920-1924 гг. Его жизнь и деятельность настолько богаты и многообразны, что их хватило бы на несколько человек.

Он родился в 1865 году в Пензе. Отец был каменщиком, мать – прачкой. После окончания уездного училища работал в типографии. В 1885 г. окончил двухгодичную фельдшерскую школу. Восемь лет проработал в Пензенской городской больнице в терапевтическом, туберкулезном и психиатрическом отделениях. Почти два года работал в земской сельской больнице с. Болотниково Пензенской губернии [1].

30 апреля 1893 г. в возрасте 28 лет приехал на большое строительство железнодорожного моста через Обь в районе села Кривощеково, где и организовал первый врачебный пункт для строителей. Человек широкого кругозора и большой энергии не смог

заниматься только лечением. В 1897 г. Литвинов основывает первый книжный магазин в Новониколаевске, в 1899 – читальную комнату и прообраз городской информационной службы: организованная Литвиновым справочная контора давала горожанам сведения о ценах на продукты и товары [2].

Вскоре Литвинов обратил внимание на то, что покупатели интересуются почтовыми карточками для писем. В 1906 г. он стал издавать открытки с видами Новониколаевска (около ста). В 1905 г. он издает брошюру «Годовщина Новониколаевска», материалы которой были основаны на итогах однодневной переписи Новониколаевска [3].

В период русско-японской войны Литвинов был призван на военную службу в качестве фельдшера. По возвращении в марте 1906 г. он выпускает первую новониколаевскую газету – «Народная летопись». В ней печатались фельетоны, рассказы, городская хроника, политические обзоры. Всего в свет вышло около ста номеров. До наших дней дошли лишь отдельные выпуски, которые хранятся в Новосибирском государственном областном архиве. В количественном отношении перепечатки из центральных изданий превосходили публикации местных авторов. Реклама и объявления печатались на первой и последней полосах, занимая до половины площади газеты. «Народная летопись» издавалась в течение трех лет. У Литвинова, придерживавшегося демократических взглядов, возникали конфликты с местными властями. В результате газета была закрыта. Кроме «Народной летописи» Литвинов выпускал еще четыре газеты – «Алтайское дело», «Сибирская новь», «Обь», «Обская жизнь». В Новониколаевске в этот период выходило всего 10 газет [4].

Н.П. Литвинов активно участвовал в общественной жизни города. Входил в состав депутации, ездившей в Петербург с ходатайством к Николаю II о преобразовании поселка в город, был в числе учредителей общества попечения народного образования, с 1909 г. занимал пост товарища председателя этого общества, входил в состав комиссии по открытию Новониколаевской биржи, избирался в гласные городской думы. В марте 1907 г. уполномоченные Новониколаевска избирают его городским старостой. Губернские власти не утвердили это решение, так как на основании сведений 2-го охранного отделения посчитали его политически неблагонадежным [1].

В мае 1917 г. Н.П. Литвинов продает свою типографию обскому кооперативу «Закупсбыт», а издание газет передает группе молодых рабочих и уезжает на Алтай, где участвует в строительстве курорта в Лебяжьем, до 1924 г. работает в Рубцовском уезде. Затем возглавляет отдел здравоохранения в Новосибирске, работает в клинической больнице Новосибирска. В дате смерти среди исследователей имеются расхождения. Одни считают, что он умер в 1937 г., другие определяют ее серединой 50-х гг. XX в. [3].

Еще один известный человек, чья деятельность была связана с Рубцовском, – это Иван Дмитриевич Яковлев. Он родился в 1910 г. в с. Саввушка, Змеиногорского района, в крестьянской семье. В семье было пятеро детей, Иван – старший. В 14 лет был вожатым в пионерском отряде, затем его избирают секретарем комсомольской ячейки школы, членом бюро райкома ВЛКСМ, членом Рубцовского окружкома ВЛКСМ. В 17 лет он становится кандидатом в члены ВКП(б). В 1928 г. Иван Дмитриевич заканчивает Змеиногорскую школу второй ступени с педагогическим уклоном, получив аттестат зрелости и звание учителя начальных классов. Его направляют на курсы комсомольских пропагандистов в Томск, а затем утверждают заведующим отделом пропаганды и агитации Поспелихинского райкома комсомола. Через два месяца он уже секретарь райкома комсомола. 15 апреля 1930 г. райком партии утверждает Яковлева редактором районной газеты «За сплошную коллективизацию», через месяц Рубцовский окружком ВКП(б) направляет его заведующим партийным отделом окружной газеты «Степная коммуна» [5].

В 1930 г. в Новосибирске началось строительство завода «Сибкомбайн» (позже «Сибсельмаш»). Осенью этого же года Иван Дмитриевич приезжает по мобилизации на завод и год работает редактором многотиражной газеты «Даешь комбайн». Затем он был секретарем комитета комсомола «Сибкомбайнстроя», зав. отделом парткома «Сибмашстроя» (позже – Чкаловский авиационный завод). В 1932 г. был призван на Тихоокеанский флот в береговую артиллерию. После увольнения в запас вернулся в Новосибирск. До войны он успел проработать заведующим Кировским районо, секретарем парткома «Сибметаллстроя», директором средней школы, заведующим гороно, секретарем горкома ВКП(б). Перед самой войной Иван Дмитриевич был утвержден председателем Новосибирского горисполкома [6].

Этому назначению предшествовало обвинение в либерализме к врагам народа, за что Яковлев был снят с работы в аппарате горкома партии. Но вскоре созданная специальная комиссия сняла с него все обвинения. С июля 1941 по ноябрь 1942 г. Яковлев был вторым секретарем горкома, с конца 1944 по 1946 г. был на должности второго секретаря обкома ВКП(б), контролировал оборонную промышленность. В годы войны на долю руководителей Новосибирска выпала ответственная задача. С июля по ноябрь 1941 г. сюда было перебазировано свыше 50 промышленных предприятий. Их надо было принять и срочно пустить в эксплуатацию. Следовало также устроить десятки тысяч рабочих и членов их семей [5].

Иван Дмитриевич сумел наладить в Новосибирске военное производство и организовать бесперебойное обеспечение фронта боеприпасами и вооружением. 18 января 1949 г. И.Д. Яковлев был избран первым секретарем Новосибирского обкома партии. В этом качестве он работал до 8 августа 1955 г. Затем Иван Дмитриевич был направлен на казахстанскую целину, сначала вторым секретарем ЦК компартии Казахстана, затем, после отъезда Л.И. Брежнева в Москву, председателем Президиума Верховного Совета СССР, стал первым секретарем ЦК компартии Казахстана. Был он и первым секретарем Ульяновского обкома партии, двенадцать лет проработал в Омске председателем горисполкома, первым заместителем председателя облисполкома, занимался вопросами строительства и коммунального хозяйства. Как отмечали все его сослуживцы, он обладал незаурядным природным умом, выдающимися организаторскими способностями. Умер И.Д. Яковлев в 1999 г. в Москве [6].

Еще одна талантливая личность, оставившая след в «рубцовой истории», – Александр Павлович Скабичевский. С 1924 по 1925 г. он был учителем в с. Ново-Александровка Рубцовского района. Александр Павлович – внук известного русского литературного критика и историка русской литературы Александра Михайловича Скабичевского, сын Павла Александровича Скабичевского, педагога, отбывавшего политическую ссылку на Урале и Алтае. В 1925 г. он поступил в Иркутский университет, где заинтересовался водорослями, которые и стали его научной специальностью. После окончания университета некоторое время работал в одной из школ Рубцовска, затем в Барнаульском кожевенном техникуме [7].

В 1931 г. А. Скабичевский был приглашен иркутским биолого-географическим научно-исследовательским институтом для работы

гидробиологом в Северобайкальской экспедиции. Здесь он описал новый род и более 20 видов и разновидностей новых для науки водорослей. В 1938 г. был избран заведующим кафедры биологии Омского медицинского института, которой заведовал на протяжении 30 лет. Им опубликовано более 110 работ, охватывающих широкий круг вопросов систематики, экологии, эволюции водорослей. Александр Павлович защитил докторскую диссертацию, ему было присвоено звание профессора. Последние годы жизни работал консультантом Центрального сибирского ботанического сада в Новосибирске [8].

Михаил Иванович Тихомиров – известный ученый в области экономики и организации сельскохозяйственного производства, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик ВАСХНИЛ. В 1927 г. работал помощником районного агронома Локтевского агроучастка Рубцовского округа. После окончания Омского института зерновых культур был аспирантом, доцентом, заведовал кафедрой Омского сельскохозяйственного института, был директором этого института. Автор более 150 научных трудов, соавтор разработки актуальных проблем освоения целинных залежных земель в районах Западной Сибири [9].

Несколько лет в Рубцовске жил и работал будущий министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог, Герой Социалистического Труда Евгений Георгиевич Трубицын. Он родился в г. Горловка Донецкой области в семье инженера-железнодорожника. В 1938 г. окончил Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал слесарем, помощником машиниста, инженером, начальником паровозного депо «Рубцовское». В годы Великой Отечественной войны работал на Томской железной дороге, руководил Кировской железной дорогой, затем Калининской железной дорогой, был секретарем Смоленского обкома КПСС. С 1967 по 1983 г. работал министром автомобильного транспорта РСФСР. Проявил себя крупным организатором. Его именем назван Смоленский автотранспортный колледж. На здании Днепропетровского техникума железнодорожного транспорта (ранее институт инженеров железнодорожного транспорта) установлена мемориальная доска [10].

Недалеко от Рубцовска, а именно в с. Устьянка, а затем в с. Локоть Рубцовского уезда начинался жизненный путь, а затем и ратная биография начальника пограничных войск СССР с 1957 по

1972 гг. генерал-полковника Павла Ивановича Зырянова. В Устьянке он батрачил у местных кулаков, а в Локте был организатором комсомола. Затем Павел Иванович – курсант Омской пехотной школы РККА, с 1927 г. служит в войсках ОГПУ. После окончания военной академии им. М.В. Фрунзе занимал должности начальника пограничных войск Приморского округа, начальника пограничных войск на Тихом океане и т.д. При его личном участии и под его руководством произошло окончательное становление погранвойск как самостоятельного рода войск. Вошел в историю реформатором пограничных войск [11].

Еще одним нашим земляком-министром можно считать Ефима Ивановича Смирнова. Уроженец Владимирской губернии, Ефим Смирнов начал свою трудовую деятельность еще в раннем детстве на стекольных заводах. В годы гражданской войны Ефим оказался в Сибири и, в частности, на Алтае, где работал сезонным рабочим. В 1923-1925 гг. был секретарем Степановского сельсовета, поселения которого сегодня уже нет на карте. В то время поселок входил в состав Рубцовского уезда Рубцовского района и располагался в Коростелевской степи, значительная часть которой в 1924 г. была передана в Киргизскую АССР (так назывался тогда современный Казахстан – Авт.). Предполагается, что он возник в годы гражданской войны и просуществовал до середины 20-х гг. [12].

Ефим Смирнов сначала стал слушателем Омского рабфака, затем поступил в Военно-медицинскую академию. После окончания служил в войсковых частях, окончил военную академию им. М. Фрунзе. В мае 1939 г. был назначен начальником Военно-санитарного управления РККА. Он лично участвовал в планировании и организации медицинского обеспечения наиболее крупных операций войны. Ему было присвоено воинское звание «генерал-полковник медицинской службы». В 1948 г. был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР. С февраля 1947 г. по декабрь 1952 г. – министр здравоохранения СССР. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Основные труды Е.И. Смирнова посвящены организации и тактике военно-медицинской службы, истории военной медицины [13].

Библиографический список

1. Литвинов Николай Павлович [Электронный ресурс] // <http://wiki.darlingcity.ru/wiki>

2. У истоков Новосибирска стоял журналист // Мегаполис. – 2007. – 28 ноября – 4 декабря.
3. Главное дело жизни Николая Павловича Литвинова [Электронный ресурс] // <http://io.nios.ru/index.php?rel=42point=27art=2017>
4. Новониколаевск – Новосибирск. 100 лет. Новосибирск, 1993.
5. «Созидатели»: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Т. II. – Новосибирск, 2003. – С. 489.
6. Достоин памяти горожан // Вечерний Новосибирск. – 2010. – 16 декабря.
7. Скабичевский Александр Павлович [Электронный ресурс] // <http://zoorex.baikal.ru/history/skabitshevsky.htm>
8. Бесконечно преданный Байкалу // Наука в Сибири. – 2004. – 24 декабря.
9. Тихомиров Михаил Иванович [Электронный ресурс] // <http://www.cnsnb.ru/akdil/akad/base/RT/000401.shtm>
10. Трубицын Евгений Георгиевич – министр автомобильного транспорта РФ [Электронный ресурс] // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14975
11. Зырянов Павел Иванович [Электронный ресурс] // http://shieldandsword.mozohin.ru/personnel/zyryanov_p_i.htm
12. Муравлев А. Ефим Смирнов // Алтайская правда. – 2007. – 7 декабря.
13. Герои страны. Смирнов Ефим Иванович [Электронный ресурс] // http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10568

Военнопленные в Рубцовске

В начале 1942 г. на территории Советского Союза имелось всего 6 лагерей военнопленных и интернированных, способных принять около 15 тыс. чел. Для их содержания и управления в системе НКВД была создана специальная организация – ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных. После победы над Германией и разгрома Японии в ведении ГУПВИ находилось 267 лагерей с 2112 отделениями, 392 рабочих батальона, 178 специализированных госпиталей, в которых содержалось более 4 млн. чел., в том числе 2390 тыс. немцев, 637 тыс. японцев, а также представители других европейских и азиатских народов [1, с. 3].

Главной задачей лагерей стало использование рабочей силы пленных для восстановления разрушенной экономики советского государства. Юридически их положение и статус были закреплены в «Положении о военнопленных», утвержденном СНК 1 июля 1941 г. Попавшим в плен этим положением гарантировалась жизнь, медицинское и продовольственное обслуживание. На них распространялись общие положения и инструкции об охране труда, предусматривалось начисление заработной платы. Большое значение придавалось также организации антифашистской и культурно-просветительской работы.

Первоначально пленные направлялись в сборные лагеря, а затем их отправляли в отдельные лагеря, которые подразделялись на отделения. У одного лагеря могло быть 10-20 отделений. Вся территория страны была разделена на 15 экономических регионов, в 12 из них были созданы лагеря военнопленных, в Западной Сибири, в частности, было создано 6 управлений лагеря с 54 отдельными лагерями [2].

Первый западносибирский лагерь был создан весной 1943 г. в Тюменской области, в июле 1944 г. начинается подготовка к созданию лагерей в Кемеровской и Новосибирских областях [1, с. 11].

Первые специальные лагеря для военнопленных на территории Алтайского края стали организовываться в начале 1945 г. Однако из-за малочисленности контингента два из них вскоре расформировали, а военнопленных передали в другие, вновь создававшиеся на территории края лагеря. Так, в марте 1945 г. был ликвидирован Рубцовский лагерь №131, дату образования которого установить не удалось. В марте того же года началась подготовка к приему пленных лагеря №511, управление которого также находилось в Рубцовске. По мнению новосибирских историков С.С. Букина, А.А. Долголюка, лагерь №131 был преобразован в лагерь №511 [3, с. 50]. Всего численность военнопленных и интернированных в Алтайском крае составляла 16-17 тыс. чел. [3, с. 3].

Лагеря состояли из управления лагеря и лагерных отделений. Отделение, как правило, представляло собой одну зону. Они находились вблизи тех объектов, которые обслуживали, часто довольно далеко от управления лагеря. Лагерь №511 имел 7 отделений, 6 из которых находились в Рубцовске и лишь одно отделение №6 в Горняке Локтевского района. Его контингент обслуживал Золотушинский рудник, пленные остальных отделений

использовались на строительстве Алтайского тракторного завода и завода «Алтайсельмаш». Отделение в Горняке просуществовало несколько месяцев 1946 г. и уже в феврале 1947 г. было ликвидировано. В разные месяцы здесь работали от 505 до 274 чел. Еще раньше, в октябре 1946 г., было ликвидировано отделение №3, которое обслуживало строительство завода «Алтайсельмаш» (669 чел). Одновременно с 693 до 817 чел. увеличилась численность пленных, которые выполняли работу уже в «горячих» цехах завода [4, с. 228].

Алтайские лагеря являлись по преимуществу японскими. Наличие в них военнопленных немцев (как и других национальностей) в процентном соотношении невелико. Военнопленные немцы прибыли в Алтайский край в 1945 году и содержались лишь в лагерном отделении лагеря №511. В апреле-августе 1946 г. их численность составляла 1284 чел, в феврале-марте 1947 г. – 1030 чел. Затем в связи с закрытием лагеря часть их до репатриации была переведена в лагерь №128 [5, с. 24].

В июне 1945 г. в Рубцовске встретили первый эшелон с 1992 военнопленными, в основном немцами. Пройдя карантин, они стали работать на Алтайском тракторном заводе. С июня по ноябрь 1945 г. в лагерь №511 поступило 7957 чел., из них – 5965 японцев из Манчжурии. В конце мая 1946 г. японцы составляли 75 процентов всего контингента лагеря. Они содержались в трёх из четырёх отделений, имевшихся у лагеря во второй половине августа 1946 г. [4, с. 222].

Лагеря для пленных японцев в стране стали в срочном порядке создавать сразу же после разгрома Японии. В августе 1945 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) за подписью И.В. Сталина принимает постановление №9898сс о приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии. Согласно постановлению, НКВД и военные советы фронтов были обязаны отобрать до 500000 военнопленных японской армии из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири. В Алтайский край этой директивой планировалось направить 6 тыс. чел. для работы на строительстве тракторного завода в Рубцовске и нескольких заводов в Барнауле.

Директивой НКВД все военнопленные в зависимости от их физического состояния делились на группы и соответственно использовались. В первую группу зачислялись практически здоровые,

которых использовали для тяжелых физических работ, во вторую ограниченно годные, имеющие хронические заболевания или физические недостатки, в третью – относились пленные, годные только для выполнения легких физических работ, и в четвертую – пленные-инвалиды, которых планировалось использовать на отдельных, организуемых для них работах [6, с. 140].

Для содержания генералов и старших офицеров в Подмосковье был создан специальный лагерь, а в сибирских лагерях генералов не было совсем, а офицеров – небольшое количество. Имевшиеся офицеры и унтер-офицеры, как правило, назначались старшими зон, барачков, бригад, а позднее, после реорганизации внутрилagerной структуры, командирами батальонов, рот, взводов и отделений. Со временем доля имевших офицерские звания возрастала, ибо они, даже тяжело заболев, до середины 1946 г. очень редко включались в списки отправляемых домой.

Все военнопленные, находившиеся в сибирских лагерях, были в трудоспособном возрасте. Пожилые люди встречались очень редко. Конкретные данные о возрастном составе содержатся лишь в отдельных документах.

Среди пленных были представители самых различных социальных групп. Информация об этом была получена сибирскими историками из списков умерших. И все же большинство составляли бывшие крестьяне и рабочие, нередко обладавшие высокой квалификацией, но из-за слабой механизации использовавшиеся на тяжелых, неквалифицированных работах.

У солдат вермахта уровень образования был выше, чем у японских военнопленных. Иркутский историк С.И. Кузнецов проанализировал анкеты японцев, умерших в Алтайском крае, и выяснил, что более чем 90 процентов из них имели лишь начальное образование, среднее образование было у 6 процентов [7, с. 51].

Для каждой категории военнопленных устанавливались нормы продовольственного снабжения в зависимости от звания и физического состояния. Так, согласно приказу МВД за №0751 от 11 декабря 1947 г. для немецких военнопленных рядового и унтер-офицерского состава на одного человека в сутки должно было выделяться 600 гр. хлеба, 90 гр. круп, 30 гр. мяса, 100 гр. рыбы, 15 гр. растительного масла и т.д. [6, с. 15], но следует иметь в виду, что реально даже в этом году нормы не соблюдались. В начальный период организации лагерей в условиях полуголодного

существования советских людей материальное обеспечение военнопленных было почти невыполнимой задачей. Так, в рубцовском лагере с середины декабря 1945 г. до конца января 1946 г. не выдавался хлеб, а единственным блюдом была кукурузная каша [1, с. 14].

Тяжелыми были и жилищно-бытовые условия военнопленных. С самого начала лимитная численность военнопленных в лагере №511 была превышена, и вместо 5800 чел. здесь были размещены более 7 тыс. В отделении №1 лагеря в бараке, рассчитанном на 600 чел., были размещены 999 военнопленных. С началом массовой репатриации пленных весной 1947 г. жилищные условия рубцовского контингента были улучшены. Свыше тысячи немецких пленных, работавших на тракторном заводе, поселились в трёх кирпичных зданиях на двухъярусных нарах. В зоне имелись санпропускник, пищеблок, пекарня, лазарет и столовая [1, с. 16]. Тяжелая ситуация была и в других отделениях лагеря. В отделении №6 Золотушинское рудоуправление поселило военнопленных японцев в непригодных для жилья сырых полуземляных бараках. До середины декабря 1945 г. 600 пленных немцев жили в палатках при практическом отсутствии топлива [8, с. 136].

Лагерные территории охранялись в соответствии с приказами и инструкциями НКВД СССР, действовавшими во всех районах страны. Территория лагеря ограждалась колючей проволокой или забором высотой не менее 2,5 м. С внутренней и внешней сторон забора на расстоянии 3-5 метров устанавливались запретные зоны в виде проволочных заграждений. Для охраны военнопленных в лагерях выделялись конвойные войска, именуемые гарнизоном. Накануне очередного рабочего дня начальник гарнизона получал от начальника лагеря заявку на конвой или наряды из расчёта 1 конвойный на 8 чел. пленных. Ночью конвой увеличивался на 20 процентов. Пленные выводились на работу строем командами от 50 до 500 чел. При расстановке конвоя по периметру работ расстояние между конвоирами не должно было превышать 150 м и они должны были видеть друг друга, а также стоять не ближе 20 м от работающих. На углах ограждённой территории стояли вышки для охраны, снабженные телефоном, обеспечивающим связь с проходной лагеря и дежурным по гарнизону [6, с. 182].

Пешее хождение пленных на объекты работ допускалось до 5 км, каждый километр ходьбы свыше 3 км засчитывался как 15 минут

работы. Доставка к местам работы на расстояние свыше 5 км от лагеря должна была производиться автотранспортом, а зимой – утепленным транспортом. В зимнее время на местах работ предусматривалось оборудование обогреваемых пунктов, сокращение времени на разводы и проверки, которые переносились в утепленное помещение. Большое значение имело обеспечение в обеденный перерыв работающих военнопленных горячим питанием, вывозимым из зоны лагерей или приготовляемым в кухнях на местах работ [9, с. 220].

В основу внутреннего распорядка лагерей были заложены положения устава внутренней службы Красной Армии. В соответствии с ними осуществлялись подъем и отбой, питание, вывод на работу. Проводились как плановые, так и внеплановые тщательные обыски. Устраивались периодические обыски в жилых помещениях с целью изъятия запрещенных предметов. Из мер наказания практиковались простой и строгий аресты. Провинившиеся переводились в штрафные подразделения с особо строгим режимом содержания на срок до трёх месяцев, лишались права переписки до двух месяцев, а злостно уклоняющиеся от работ и дезорганизаторы производства подлежали преданию суду военного трибунала [1, с. 17].

Производственная ситуация на только что организованных и не до конца введенных в строй заводах Рубцовска была крайне сложной. Особенно острым был дефицит рабочих кадров. Для их пополнения использовались различные способы – призыв женщин и молодежи из окружающих город сёл, использование труда инвалидов, мобилизация мужчин старшего возраста. Труд военнопленных должен был уменьшить этот дефицит и помочь в выполнении плановых заданий. Первоначально прибывших в лагерь №511 немецких военнопленных использовали в заготовительных цехах завода. Однако уже в декабре 1945 г. их стали привлекать для работы в основных цехах – механических, чугунолитейном, автоматном, сталелитейном, транспортном. Руководство предприятия возлагало большие надежды на труд пленных в решении поставленных перед заводом задач, но уже через несколько недель выяснилось, что эти надежды не оправдываются. Неквалифицированный труд ослабленных физически пленных оказывался нерентабельным. Руководство завода стало обвинять руководителей лагеря в том, что они не обеспечивают явку пленных на работу, из-за чего многие

производства простаивают. Лагерное начальство, в свою очередь, обвинило дирекцию в нарушении обязательств по снабжению пленных продуктами питания и топливом. Разгорелся конфликт, который удалось погасить только после вмешательства крайисполкома [8, с. 138].

Одной из форм протеста, нежелания приспособиться к неволе стали побеги. В Алтайском крае, в отличие от других регионов Западной Сибири, они не носили массового характера. Тем не менее, они были и в Рубцовске. Так, 25 декабря 1945 г. бежал от конвоя немец Фуглер Эрих Август. Побег для него закончился трагически. Он был найден замерзшим в окрестностях города. Беглый японец из этого же лагеря был застрелен во время задержания. Для поимки беглецов на территории края в 1947 г. были созданы базы содействия, в которые входили сельские активисты, учителя, работники железнодорожной станции, рабочие предприятий [8, с. 139].

Из-за размещения военнопленных в непригодных для проживания зимой условиях, постоянной необеспеченности топливом, отсутствия в бараках постельных принадлежностей уже в начале зимы 1945 г. у военнопленных начинаются простудные заболевания. К тому же многие из них были ослаблены голодом ещё до поступления в лагерь. Все это обусловило распространение таких болезней, как дистрофия, авитаминоз, желудочно-кишечные заболевания, воспаления лёгких, туберкулёз. В лагере №511 из всего списочного состава (6205 чел.) на 1 февраля 1946 г. больными значились 2924 чел. [8, с. 136].

Положение осложнилось началом эпидемии сыпного тифа, которая пришла в лагерь через гражданское население. Чрезвычайной комиссией Рубцовского горздравотдела было установлено, что первые больные появились в Рубцовском железнодорожном училище. Так как в лагере отсутствовала баня и дезкамера, санобработка пленных производилась в ночное время в городских банях, где днём мылось гражданское население. Первые больные тифом в лагере №511 были выявлены в ноябре 1945 г., но медицинским персоналом они были записаны как заболевшие гриппом, и никаких мер против тифа не было принято. В дальнейшем руководство лагеря попыталось скрыть эту информацию и от краевого управления МВД, и только 18 марта 1946 г., когда от эпидемии в лагере умерло 102 чел., был объявлен карантин. Заболеваемость и смертность от тифа увеличивались ещё и потому,

что больные с подозрением на тиф несвоевременно удалялись из зоны. Смертность среди военнопленных стала уменьшаться лишь к лету 1946 г. за счёт проведения комплекса противоэпидемических мероприятий и их материального обеспечения, основой для которых стали директива НКВД СССР №50 от 1 марта 1946 г. и директива МВД СССР №120 13 мая 1946 г. «О мероприятиях по ликвидации очагов инфекционных заболеваний в лагерях МВД для военнопленных». Изменились климатические условия, увеличились реальные нормы питания. Началась репатриация больных и ослабленных [8, с. 137]. Были приняты меры и по увеличению численности медицинских работников. Одним из источников кадров для лагерных лазаретов стали военнопленные, бывшие ранее медиками. Они учитывались и привлекались к использованию в соответствии с квалификацией. Руководство ГУПВИ вело их особый учет и при необходимости осуществляло их перераспределение [10, с. 135].

Во всех сибирских лагерях была большая текучесть персонала, которая объясняется тем, что часть его набирали из случайных людей, не имеющих ни опыта работы с пленными, ни соответствующих морально-психологических качеств. В архивах сохранилось описание одного инцидента, который произошел между охранниками лагеря №511 и жителями города. 19 января 1946 г. возле клуба тракторного завода случилась драка. Охранники были избиты, у одного отобрали табельное оружие. Чтобы отомстить, охранники численностью 20 человек, вооружённые автоматом, совершили налёт на клуб, захватили 9 человек, увели в зону и там избили [8, с. 139].

Кадровый голод нередко приводил к тому, что и на руководящих должностях, в сфере управления и снабжения лагерей оказывались недобросовестные люди, которые занимались прямыми хищениями. Так, за разбазаривание продовольствия, хищения, преступную халатность и невыполнение служебных обязанностей был привлечён к уголовной ответственности и снят с работы заместитель начальника управления лагеря №511 Галицкий. Крупная сумма денег была присвоена начальником отделения №7 этого же лагеря майором Бажиным и его заместителем в результате махинаций с выводимыми на работу военнопленными. В июле 1946 г. за подобные действия был снят с работы начальник управления лагеря М.Т. Фатеев [8, с. 139].

Кроме рубцовских заводов военнопленные лагеря №511 выделялись для работы и особой строительско-монтажной части №15

(ОСМЧ-15), часть контингента лагеря трудилась на Рубцовском мясокомбинате. Труд иностранных военнопленных использовался в Алтайском крае по 1948 г. Лагерь №511, по одним данным, был ликвидирован в феврале 1948 г., по другим – действовал до 10 мая 1948 г. [4, с. 225].

В целом можно сделать вывод, что в первые послевоенные годы труд японских и немецких военнопленных широко использовался на только что созданных промышленных предприятиях Рубцовска, и их усилия помогли значительно уменьшить дефицит рабочих кадров, вывести производство продукции рубцовских заводов на планируемый уровень. И сегодня пребывание военнопленных на Рубцовой земле является неотъемлемой частью истории города.

Библиографический список

1. Букин С.С. Военнопленные в Новосибирске. – Новосибирск, 2005.

2. Список советских лагерей для военнопленных Второй мировой войны [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org/wiki>

3. Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – №2.

4. Орлов М.А. Иностранные военнопленные в Алтайском крае (1943-1948 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Всероссийская молодежная научная конференция 25-27 августа 2011 г. – Новосибирск, 2011.

5. Маркдорф Н.М. Творческий продукт «Воскресения» // Российские немцы. – 2009. – №2 (58).

6. Военнопленные в СССР. 1939-1956. – Москва, 2000.

7. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). – Иркутск, 1997.

8. Маркдорф Н.М. Организация лечебного дела и трудоустройство иностранных военнопленных в Западной Сибири в 1943-1948 гг. (на примере Алтайского края) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т.10 – №4. – 2008.

9. Маркдорф Н.М. Организация медицинского контроля за трудовым использованием иностранных военнопленных в Западной Сибири после окончания второй мировой войны // Вестник КемГУ. – 2010. – №1(41).

10. Букин С.С., Долголюк А.А. Медицинская помощь военнопленным в сибирских городских лагерях (1943-1948 гг.) // Проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. – Новосибирск, 2001.

Репрессированные в Рубцовске и Рубцовском районе (послевоенный период)

Победа в Великой Отечественной войне стала одним из самых значимых событий во многовековой истории нашей страны. Вместе с тем, окончание великой войны ещё не означало окончание другой войны, которая велась внутри страны против собственного народа. Начавшись ещё в первые годы советской власти, она продолжалась до середины 60-х гг XX в., когда было прекращена практика уголовных преследований советских граждан за так называемые «антисоветскую агитацию и пропаганду». Как следует из анализа данных, собранных в многотомном издании алтайских архивистов и историков, именно эти деяния, обозначенные в статье 58 Особенной части УК РСФСР, стали основой большинства политических обвинений, вынесенных жителям Алтайского края в эти годы. Как известно, пик репрессий пришелся на 30-е гг. XX в. Всего в крае, по подсчетам, обобщенным в статье Г.Д. Ждановой, за совершение контрреволюционных выступлений в 1919-1965 гг. было репрессировано 45772 чел. [1, с. 377]. В Рубцовске за эти годы было репрессировано 445 чел., в Рубцовском районе – 517 чел. (По этому показателю район занимает первое место в крае) [1, с. 382].

Проанализируем данные по репрессированным в городе и районе в послевоенный период. В Рубцовске было осуждено 79 чел., в Рубцовском районе – 30. 49 рубцовчан по национальности были русскими, затем шли немцы (11 чел), украинцы – 7. Были также евреи, финны, поляки. В районе наиболее многочисленной группой осуждённых были русские и украинцы (по 8 чел.), а также немцы (7 чел.).

60 человек, арестованных в Рубцовске, были мужчинами, 19 – женщинами. В районе соотношение мужчин к женщинам составляло 19 к 11. Наибольшее число арестов в Рубцовске было произведено в 1949 (11 чел.), 1951 (18 чел.), 1953 (12 чел.) гг. В районе по этому показателю выделяются 1945 (5 чел.), 1950 (6 чел.), 1953 (5 чел.) гг.

По социальному составу это были люди самых разных, в основном рабочих профессий. Так, в городе в их числе были 16 рабочих, 9 слесарей, 8 чел. без определённых занятий. На селе среди репрессированных оказались члены колхозов – 14 чел., а также чабан, печник, пастух, заготовитель и т.д.

Больше всего (24 чел.) репрессированных работали на Алтайском тракторном заводе, 8 человек были заключёнными, 7 человек были определены как лица без определённых занятий, 6 арестованных работали на железнодорожной станции. Аресты не обошли ни одного сколь значимого предприятия города – заводов АСМ и АЗТЭ, стройтреста №46, кирпичного завода и т.д. В районе наибольшее число репрессированных проживали в Саратовке (7 чел.), п. Новороссийском (5), Веселоярске (3), но в целом репрессии не миновали ни одного крупного населенного пункта.

Почти все осуждённые как в городе, так и в сёлах района были привлечены к уголовной ответственности по пунктам 10, 11 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР за пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. К этим пунктам, как правило, добавлялись ещё сфабрикованные следователями участие или деятельность по подготовке различных заговоров, террористических актов. В совокупности эти действия предусматривали максимальные сроки наказания. В результате 38 рубцовчан получили 10 лет лишения свободы, 25 человек – 25 лет, 7 человек – 7 лет наказания. То же соотношение прослеживается и среди осуждённых в районе, где 10 лет наказания получили 11 из них, к 25 годам были приговорены 8 сельчан. Отметим, что после отбытия наказания, в частности, 10-летнего, бывших осуждённых ссылали в отдалённые районы севера, лишая при этом прав. Достаточно часто наряду с лишением прав конфисковывали имущество [2].

Часть арестованных впоследствии освобождали, и дело против них прекращали с формулировками «за недостаточностью улики для предания суду», либо ... «за недостаточностью обвинения», либо ... «за отсутствием состава преступления». За все годы репрессий в Рубцовске из-под ареста были освобождены 33 человека, в Рубцовском районе – 41 человек [3].

Аресты в Рубцовске и Рубцовском районе в послевоенный период, как и в целом по стране, неразрывно связаны с политической ситуацией, которая постоянно отслеживалась органами НКВД и

доводилась до сведения руководства партийных органов. Особенно возрастала сыскная активность органов в период осуществления различных выборных кампаний. Можно предположить, что впоследствии на основании их записок и информации принимались конкретные меры против лиц, высказавших недовольство политикой государства и партии. Так, в декабре 1945 г. руководство УНКГБ по Алтайскому краю направило секретарю крайкома ВКП(б) записку, где сообщалось, что накануне и в период очередных выборов в Верховный Совет СССР в крае зафиксировано 242 случая отрицательных политических настроений. Наибольшее их количество было зафиксировано в Рубцовске (85). Старший мастер ТЭЦ АТЗ А.Г. Стахановский заявил: «Ведь только подумать – у нас существует самый подневольный труд в то время, как мы везде говорили, что у нас самая демократическая Конституция и самая большая свобода для народа ...». Учитель Веселоярской средней школы Феруленко Никанор Александрович в беседе о выборах сказал: «Какие это выборы – пустое голосование, кому оно нужно, а нам пустые хлопоты. Выбирали – давали наказ, а что толку то? Нажрались и забыли. И теперь то же будет. Положение о выборах – это одно дело, а действительность – другое. Эх, все это обман, не выборы» [2, с. 106].

В ноябре 1948 г. был арестован юрист-консульт АТЗ Г.П. Александров. В 1938 г. он уже был осужден по статье 58-10,11 УК к восьми годам лишения свободы. В 1918 г. он несколько месяцев состоял в эсеровской организации в Уфе, за что и был наказан. В 1943 г. был освобожден и приехал в Рубцовск, где в беседах с коллегами на работе, как было написано в документах нового следствия, «вел антисоветскую пропаганду», а именно говорил о нищете колхозников, об издевательствах над заключенными в лагерях и т.д. Этого хватило, чтобы получить еще 10 лет лагерей и последующей ссылки на поселение. Г.П. Александров был реабилитирован прокуратурой по краю лишь в 1989 г. [1, с. 217].

В том же году арестовали И.А. Семкина, агронома Вишневецкой МТС Рубцовского района. Находясь в плену, он подписал обязательство на службу в германской армии и несколько месяцев был в украинской охранной команде. Семкин объяснил, что подписал обязательство, чтобы совершить побег. Действительно, в начале 1943 г. он бежал, но был пойман, заключен в другой лагерь, откуда и был освобожден американцами. Осужден по статье 58-1б (Измена Родине

военнослужащим) к 25 годам лишения свободы. Повторное расследование показало, что во время службы в лагере доносов на военнопленных он не писал, два раза пытался бежать. Срок наказания Семкину сократили до 10 лет. В 1964 г. Верховный суд СССР прекратил дело Семкина за отсутствием состава преступления [1, с. 219].

Еще один рубцовчанин, пострадавший за высказанную им правду о жизни советских людей, – А.И. Емшанов, проходивший воинскую службу в одной из частей Владивостока. В 1950 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию, в частности, на одном из политзанятий в части Емшанов, побывавший в отпуске, задал вопрос, почему в Рубцовске, несмотря на большие успехи в развитии экономики, о которых рассказывал пропагандист, в магазинах нет сахара, люди живут бедно, нередко голодают. По амнистии он был освобожден в 1955 г., но реабилитирован только в 1979 г. [2, с. 11].

Одной из последних жертв режима в Рубцовске, осужденной за несоветские взгляды и их пропаганду, стал преподаватель Рубцовского машиностроительного техникума Б.Н. Труфакин. Его осудили за то, что он слушал антисоветские передачи. Труфакин был приговорен к 4 годам лишения свободы, реабилитирован в 1993 г. [2, с. 166].

Еще одним направлением будущих репрессий в стране стала развернувшаяся в 1949 г. кампания по борьбе с космополитизмом, которая первоначально была направлена против театральных критиков, дискредитировавших, по мнению редакции газеты «Правда», советскую литературу, но затем была распространена и на всю интеллигенцию. Ученых, преподавателей, врачей, инженеров по всей стране обвиняли в несоветских политических взглядах, связях с антисоветскими организациями в прошлом. На предприятиях и организациях составлялись списки таких специалистов с компроматом на них, принимались меры по их замене. Особое внимание акцентировалось на определении национальности лиц, взятых на контроль соответствующими органами.

В феврале 1952 г. секретарь Алтайского крайкома ВКП(б) Митюшкин направил в ЦК ВКП(б) материалы с компрометирующими сведениями на руководящих работников Алтайского тракторного завода, в основном еврейской национальности. Среди них были – А.Д. Эфрос – заместитель

начальника ТЭЦ, А.Б. Корецкий – зам. начальника транспортного цеха, С.А. Вепринский – начальник машинно-счетной станции, Л.П. Туревский – зам. начальника инструментального цеха, Ш.И. Прейгерзон – главный металлург, А.М. Капулкин – зам. начальника тракторосборочного цеха, И.А. Рубинштейн – и.о. главного инженера газогенераторной станции. А.Д. Эфрос был членом партии меньшевиков, у А.Б. Корецкого родная сестра проживала в Нью-Йорке, а сам он высказывал недовольство политикой ВКП(б). С.А. Вепринский за контрреволюционную деятельность арестовывался органами ОГПУ, имел родственников в Америке и т.д. и т.п. Подобная информация прилагалась и при характеристике деятельности других специалистов, указанных в списке. Укажем, что эта записка была выслана как дополнение к уже поступившим в ЦК на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова материалам о руководящих кадрах завода. Можно предположить, что подобные материалы собирались в масштабах всей страны и на их основе готовилась новая, грандиозная «чистка» кадров, от которой страну спасла смерть Сталина и последующие изменения в политическом руководстве [2, с. 133].

Отношение к представителям еврейской национальности в Рубцовске, большинство из которых появились в городе после эвакуации заводов из европейской части СССР и были инженерно-техническими работниками, с первых дней было неоднозначным. В архивах сохранилось письмо работников завода «Алтайсельмаш» об антисемитизме в Рубцовске. В письме в адрес советского руководства сообщалось об избиениях и оскорблениях евреев на улице, в школах, магазинах и учреждениях. Авторы утверждали, что местные власти никаких мер по борьбе с подобными случаями не принимают и просили прислать комиссию для расследования приводимых фактов [4, с. 72].

Концентрация евреев среди инженерно-технических работников заводов и промышленных предприятий вызывала беспокойство Алтайского крайкома КПСС. Так, на Алтайском тракторном заводе 293 еврея были на руководящей работе. К тому же многие из них были «политически неблагонадежны», в связи с чем крайком обратился в ЦК КПСС с просьбой помочь изменить ситуацию на тракторном и других заводах края [5, с. 139].

Списки политически неблагонадежных в послевоенные годы составлялись на всех предприятиях и учреждениях. «Засоренность»

кадров отмечалась и в сфере культуры и образования. Так, в феврале 1952 г. Алтайский крайком КПСС в докладной записке в ЦК КПСС отмечал, что «в силу недостатка кадров в ряде институтов края работают лица, не внушающие политического доверия...». В записке приводились факты, компрометирующие отдельных преподавателей. Так, декан факультета сельхозмашиностроения Алтайского института сельхозмашиностроения Гандлер «читает лекционный курс на низком идейно-теоретическом уровне...». В своей работе использует кинематические схемы станков американских фирм». В записке приводился компромат и на основателя Рубцовского индустриального института Т.А. Животовского. Сообщалось, что с 1937 по 1941 г. он находился под следствием органов НКВД [2, с. 138].

В 50-е годы не избежали политических репрессий и верующие Рубцовска и Рубцовского района. В 1952 г. Алтайский краевой суд приговорил 16 сектантов из Рубцовска, Барнаула и Рубцовского района по статье 58-10 ч.2 и 58-11 УК к 25 годам лишения свободы. В 1992 г. все они были реабилитированы. Репрессии были продолжены в 1953 г. В этот раз были осуждены еще 14 сектантов-рубцовчан. Это были молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет, русские, украинцы, немцы. Уже в 1955 г. Верховный суд прекратил их дело за отсутствием состава преступления [2, с. 9].

Подводя итог, можно указать, что, несмотря на определённое смягчение политического режима и уменьшение числа политических репрессий, а также сроков лишения свободы, аресты и осуждения советских граждан за критику устоев и несогласие с политикой партии, высказывание собственной позиции, отличной от официальной, продолжались и в 40-50-х гг. XX века. Среди осуждённых в эти годы были и рубцовчане, судьбы которых оказались изломаны всего лишь за некоторые негативные высказывания в адрес существующей власти.

Библиографический список

1. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965, Барнаул, 2005.
2. Составлено по: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. – Том IV. – Барнаул, 2004.
3. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Том VII. – Барнаул, 2005.

4. Государственный антисемитизм в СССР. – М., 2005.

5. Генина Е.С. Наступление на инженерно-технических работников Западной Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949-1953 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №323.

Рубцовское телевидение

Сегодня мало кто знает, что в середине XX в. в Рубцовске существовала своя студия телевидения, штат которой доходил до ста человек и деятельность которой оказывала большее влияние на повседневную жизнь рубцовчан, ежедневно информируя их о наиболее значительных событиях как в городе, так и на территории прилегающих районов.

Рубцовская студия телевидения и радиовещания была создана 1 августа 1957 г. приказом Государственного комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР от 24 июля 1957 г. за №54. Первым ее директором стал В. Тамарин. Студия располагалась на правах аренды в двухэтажном каменном здании, принадлежавшем Рубцовскому телецентру. В штатном расписании студии на 1958 г. числилось 42 работника, в том числе в общественно-политической редакции – 7 чел., редакции вещания для детей – 4, редакции художественного вещания – 15, вспомогательного персонала насчитывалось 11 чел. [1, л. 4]. Среди основных специальностей были редакторы, кинооператоры, режиссеры, художники, звукооператоры, а также специалисты по обслуживанию – лаборанты, техники, шоферы, киномеханики.

Среднесуточный объем вещания по ТВ в 1961 г. составлял 4,1 часа, радиовещания – 18 мин. [2, л. 139]. В этот объем обязательно входили программа передач, телевизионные новости, художественный фильм, киноочерки, новости из-за рубежа. В каждой редакции был свой план вещания и план репетиций, программа собственных киносъемок. Местные телевизионщики готовили и собственные передачи: репортажи с тематических вечеров, посвященных, например, А.П. Чехову; транслировали спектакли Рубцовского драматического театра. В новостях помещали фото и короткий текст объявления.

Каждый текст или сценарий обязательно просматривался цензором, который ставил на нем печать и свою подпись,

допускающие передачу к выпуску. Тексты подписывали также редактор и сценарист.

В разные годы на студии работали такие известные в городе журналисты, как братья Н. и И. Пустынниковы, Г. Русанов, Л. Стрижкин, В. Бочкарев, будущий писатель Г. Комраков.

С каждым годом студия росла и крепла. Увеличивались ее штаты, росло мастерство журналистов и операторов. В 1961 г. приказом председателя краевого комитета по ТВ и радиовещанию и решением бюро Рубцовского горкома КПСС директором студии был назначен Вячеслав Феофанович Чуев, который руководил коллективом вплоть до ликвидации рубцовского ТВ [3, л. 13]. В 1964 г. в структуру студии входили редакции пропаганды, молодежных и спортивных передач, промышленности, сельского хозяйства, телевизионных новостей, радиовещания, литературно-драматических и музыкальных передач, передач для детей, кинопрограмм. Были организованы производственно-постановочный цех, художественно-декоративный, цех киносъемок [4, л. 332]. По данным 1963 г., в студии работало 104 чел., в том числе административно-управленческого персонала – 9 чел., художественно-производственного – 80 [5, л. 197].

Рубцовское телевидение было ликвидировано 1 апреля 1966 г. на основании приказа председателя комитета по радиовещанию и ТВ при Совете Министров СССР от 12 марта 1966 г. №91. Главной причиной стал ввод в эксплуатацию ретрансляционной станции в городе, что позволило горожанам непосредственно принимать передачи из Москвы. Этим же приказом в Рубцовске был организован телевизионный корреспондентский пункт, работники которого кроме телевизионных новостей были обязаны ежедневно вести радиовещание на город объемом 15 мин. Часть оборудования и инвентаря студии была передана на баланс Алтайского комитета по радиовещанию и ТВ, часть безвозмездно передана школам, часть уценена и реализована государственным учреждениям. Многие журналисты перешли на работу в рубцовские периодические издания, в том числе в городскую газету «Коммунистический призыв»

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовска Алтайского края (АОАР). – Ф.3. – Оп.1. – Д.2.
2. АОАР. – Ф.3. – Оп.1. – Д.2.
3. Там же. – Д.4.

4. Там же. – Д.2.

5. Там же.

Начало рубцовских «Черемушек»

Одной из главных причин начала массового жилищного строительства в г. Рубцовске стала необходимость в кратчайшие сроки обеспечить благоустроенным жильем жителей города, работающих на северных заводах города – Алтайском тракторном заводе, Алтайском заводе тракторного электрооборудования, Рубцовском заводе запасных частей. Необходимость этого была очевидна, так как, например, только на АТЗ потребность в новом жилом фонде, по данным на декабрь 1961 г., составляла 143780 м² [1, л. 19]. Из этого количества десять процентов надо было передать в распоряжение местной власти. Имеющийся жилой фонд на заводе на эту же дату равнялся 113255 м², из них 20 процентов было занято не работающими на заводе [2, л. 19].

В декабре 1961 г. Алтайским совнархозом был утвержден план жилищного строительства на АТЗ по годам. К этому времени строительство новых домов заводом уже велось, но оно осуществлялось достаточно низкими темпами, которые не позволяли в короткие сроки решить возникшую проблему. Так, в 1961 г. было построено лишь 12146 м², в 1962 г. это число увеличилось до 1390 м² и т.д. [3, л. 17]. Сложности были и в том, что строительство велось на уже освоенных участках в городе, требовало значительных средств на снос имеющихся построек, передачи части новых квартир снощикам. Вот почему было решено дальнейшее строительство вести компактно единым массивом на свободном участке, позволяющем сконцентрировать все наличные силы и ресурсы.

Такой участок был определен в северной части города на орошаемых землях бывшего колхоза имени Воскова, входящего в состав колхоза имени Ленина, вплотную примыкавших к городской черте. В середине июня 1962 г. дирекция АТЗ за подписями директора завода В. Креча, секретаря парткома Н. Светлова, председателя завкома профсоюза Иванова обратилась с письмом к председателю колхоза имени Ленина Т.И. Баркалову с ходатайством об отводе для жилищного строительства 36 га из колхозных земель [4, л. 5]. 4 июля этого же года последовало еще одно письмо заводчан с просьбой об увеличении отводимой площади еще на 44 га [5, л. 6].

Такое увеличение было связано с подключением к строительству руководства заводов АЗТЭ и РЗЗ, которые также запланировали резкое увеличение жилищного строительства.

Согласие на отвод было получено решением общего правомочного собрания колхозников колхоза имени Ленина от 25 июля 1962 г. Еще раньше 14 июля комиссия специалистов составила акт обследования земельного участка площадью 130 га. На этом участке располагались орошаемый участок площадью 47 га, сад площадью 9 га, пастбище – 24 га; южная часть участка была занята общественными постройками колхозников (53 двора). Затраты на расчистку участка и компенсацию за сносимые строения рекомендовалось возместить заводам [5, лл. 7, 10]. На отчуждаемой территории находились следующие хозяйственные постройки колхоза: пилорама, мельница, крупорушка, кузница, свинарник, кирпичный завод, овощехранилище, конюшня, бригадные дома, зерносклады и др. Всего заводам было необходимо возместить наносимые убытки колхозу на общую сумму 249845 рублей (в ценах того времени – Авт.) [6, л. 12].

Этим дело с отводом участка не закончилось. В октябре 1962 г. последовало письмо начальника управления Алейской оросительной системы Ефимова с требованием не просто возместить управлению причиняемые убытки в связи с потерей орошаемого участка земель, а построить обводной канал или насосную станцию для подачи воды в каналы, расположенные севернее проектируемого поселка [7, л. 14]. После обсуждения этого требования в органах исполнительной власти было решено выводимые из оборота орошаемые земли не восстанавливать, так как «имеющиеся в колхозе орошаемые земли полностью не поливаются из-за отсутствия рабочей силы» [8, л. 23]. Все расходы, связанные с отводом земельного участка, были отнесены на счет АТЗ.

После определения места и площади отводимого участка, затрат на его подготовку к строительству и получения согласия общего собрания колхозников, владельцев отчуждаемых земель, началась процедура согласования и утверждения принятых решений с местными органами исполнительной власти. 20 ноября 1962 г. председателю Рубцовского районного совета депутатов В.Б. Михайлову было направлено письмо дирекции АТЗ с просьбой возбудить ходатайство перед Алтайским краевым исполнительным комитетом народных депутатов об отводе из землепользования

сельскохозяйственной артели имени Ленина земельного участка площадью 130 га для жилищного и культурно-бытового строительства АТЗ [9, л. 2]. Подобное же письмо было направлено в крайисполком и Рубцовским городским советом депутатов [10, л. 3]. В свою очередь, крайисполком должен был просить Совет Министров СССР о соответствующем постановлении Совета Министров об отводе и включении отводимой площади в черту г. Рубцовска. 26 декабря 1962 г. исполком Рубцовского районного совета депутатов принял решение об отводе указанного участка [11, л. 22].

Согласно принятому плану освоение отчуждаемых участков намечалось осуществить в две очереди: в первую очередь застраивался крупнопанельными домами жилой микрорайон площадью 36 га, затем предстояло освоить – свободный участок в 40 га, и на площади 44 га застройка не планировалась. Этот участок предлагалось оставить под зеленую зону будущих микрорайонов [12, л. 27].

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации г. Рубцовск. – Ф.93. – Оп.1. – Д.41.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.

Семипалатинский полигон и его влияние на жителей Рубцовска и прилегающих районов

21 августа 1947 г. правительство СССР специальным постановлением приняло решение о создании атомного исследовательского полигона, получившего условное наименование

«Учебный полигон №2». Прежде всего было необходимо определить место для строительства полигона диаметром около 200 км. Такой район должен был иметь небольшую плотность населения, минимум транспортных коммуникаций, а также возможность строительства на его территории взлетно-посадочных полос.

Были исследованы несколько мест, но для будущего полигона выбрали территорию в 140 км западнее г. Семипалатинска, окруженную с юга, запада и севера невысокими горами, удаленную от крупных населенных пунктов. Недалеко имелся аэропорт, железная дорога, речной транспорт по Иртышу, учитывалась близость к атомной промышленности Южного Урала. Соответствовали требованиям и геологические условия.

Стройка поначалу велась силами ГУЛаГа. Затем строительство передали военному ведомству, и сюда было направлено 10 тыс. призывников. В феврале 1948 г. в г. Звенигороде Московской области началось формирование специальной войсковой части №52605 для обеспечения испытаний. Командиром части (первым начальником полигона), стал генерал-лейтенант П. Рожанович (в сентябре того же года его сменил генерал-майор С. Колесников). Научным руководителем полигона был назначен М. Садовский (позднее академик, Герой Социалистического Труда). Большую помощь в создании полигона оказал начальник инженерных войск Советской армии маршал М. Воробьев [1].

Территория полигона делилась на площадки: «М» – военный городок; «О» – опытно-научная часть; «П» – «Опытное поле» – где должен был произойти атомный взрыв; «Ш» – база испытателей; «Н» – комплекс зданий для проведения испытаний. Строительство военного городка велось на левом берегу Иртыша в 130 км от Семипалатинска. Здесь были построены здание штаба воинской части, Дом офицеров, гостиница. В полутора километрах от берега была построена и огорожена опытно-научная часть испытательного полигона. На этой территории находились служебные здания (научно-исследовательские лаборатории: биологическая, радиохимическая, физических измерений), сектор испытаний военной техники. Центр опытного поля находился на расстоянии около 60 км от жилого городка. Само опытное поле с испытательной башней по периметру было окружено несколькими рядами колючей проволоки и охранялось военными. Диаметр поля был равен 20 км. На расстоянии десяти километров от центра опытного поля был

сооружен командный пункт, который представлял собой железобетонное полуподземное помещение с металлическими дверьми. Имелись амбразуры, через которые можно было бы наблюдать картину взрыва, но в момент взрыва амбразуры были закрыты [2].

Опытное поле представляло собой круг, разбитый на сектора. В секторах размещались испытываемая техника и сооружения. Каждый сектор имел своё назначение. Например, сектор гражданского строительства, в котором размещались жилые дома, отдельные секции промышленных зданий, а также отрезок железной дороги с металлическим мостом и вагонами, отрезки тоннелей метро (на глубине 10, 20, 30 м), фортификационные и инженерные сооружения, установлены танки, самолеты и др. военная техника. Были сектора испытания продовольствия, обмундирования и т.д. Для определения действия поражающих факторов атомного взрыва на живые организмы был выделен сектор, где размещались животные: собаки, овцы, кролики, поросята. В приборных сооружениях, расставленных по полю на разных расстояниях от эпицентра, размещались фото- и киноаппаратура и физические приборы, которые должны были определять различные параметры взрыва. Вокруг опытного поля располагалась зона радиационной безопасности площадью около 45 тыс. га. Всего на строительство полигона было затрачено 183 млн. руб. в довоенных ценах, сумма по тем временам трудноподъемная для страны.

Строительство первой испытательной площадки было закончено к началу лета 1949 г. 29 августа 1949 г. на ней было проведено первое испытание атомного заряда, установленного на башне высотой 37,5 м. и имевшего мощность 22 Кт. Через 20 минут после взрыва в его эпицентр отправились два танка, оборудованные дозиметрическими приборами. Защита экипажа от радиации обеспечивалась свинцовыми листами. На месте центральной башни образовалась воронка диаметром 3 и глубиной 1,5 м. Промышленные здания на расстоянии до 50 м от эпицентра были полностью разрушены, железнодорожный мост сорван с опор и отброшен в сторону. От железнодорожного пути остались лишь разбросанные в радиусе 25 м куски рельсов, некоторые были оплавлены. Есть описания и последствий начавшихся взрывов для животных. Один из участников рассказывал: «В 5-6 км от взрыва стали попадаться отдельные животные, которые сорвались с привязи и тупо брели кто куда. Вид у них был жалкий и

страшный: обожженные туловища, слезящие или ослепшие глаза. Они шарахались от нас с подвывом и стоном. Ближе к эпицентру стали встречаться потоки расплавленного металла в виде множества разбросанных и красиво оплавленных шариков. Кругом валялась искореженная боевая техника. Что могло гореть – горело. Отовсюду слышались стон, вой и лай животных. Это было кошмарное зрелище» [1].

12 августа 1953 г. на полигоне был испытан термоядерный заряд РДС-6с мощностью 400 килотонн. Взрыв был низкий, воздушный, заряд размещался на башне на высоте 30 м над землей. В результате часть полигона была очень сильно заражена радиоактивными продуктами взрыва. 22 ноября 1955 г. было проведено испытание термоядерной бомбы РДС-37 на высоте около 2 км сбрасыванием с самолета. После вступления в силу Международного договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в воздухе, космосе и под водой), подписанного 10 октября 1963 г. в Москве между СССР, США и Великобританией, на полигоне стали проводиться только подземные взрывы. С 1949 по 1989 год на полигоне было произведено не менее 468 ядерных испытаний, в которых было взорвано не менее 616 ядерных и термоядерных устройств, в том числе 125 атмосферных (26 наземных, 91 воздушных, 8 высотных); 343 испытательных ядерных взрывов под землей (из них 215 в штольнях и 128 в скважинах). Были проведены также десятки гидроядерных и гидродинамических испытаний. Суммарная мощность ядерных зарядов, испытанных в период с 1949 по 1963 г. на полигоне, в 2500 раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. За пределы полигона вышли радиоактивные облака 55 воздушных и наземных взрывов и газовая фракция 169 подземных взрывов [2].

По данным Семипалатинского полигона, в направлении Алтайского края распространились радиоактивные продукты более чем 50 наземных и воздушных взрывов. Максимальные дозы облучения населения в период проведения ядерных испытаний были получены после первого взрыва, когда не принимались никакие меры для снижения радиоактивной опасности. Вклад в облучение населения от взрыва 1949 г. составляет около 80 процентов от всей коллективной эффективной дозы, полученной при испытании ядерных устройств на полигоне [3]. В результате прохождения облака от взрыва и осаждения радиоактивных осадков на почву население

подверглось воздействию внешнего бета- и гамма-излучения. Внутреннее облучение было дополнительным фактором (до 30 процентов дозы внешнего облучения) за счет поступления радиоактивных продуктов с воздухом, водой и пищей в организм человека и накопления их в критических органах [4].

В Алтайском крае, по данным на 2006 г., проживало 90 процентов граждан Российской Федерации, подвергшихся радиационному воздействию в результате испытаний на Семипалатинском полигоне. По состоянию на 1 ноября 2006 г. к этой категории граждан официально было отнесено более 24 тыс. чел. Радиационному воздействию подверглось население, проживавшее на территориях Залесовского, Заринского, Змеиногорского, Краснощековского, Курьинского, Локтевского, Пospelихинского, Рубцовского, Угловского районов и города Рубцовска. В результате испытаний 1949 г. особенно пострадало население Локтевского, Угловского и Рубцовского районов [5].

В соответствии с распоряжением правительства РФ от 08.02.2002 №156-р в перечень пунктов, население которых вследствие ядерного испытания 29 августа 1949 г. получило суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения свыше 25 сЗв, в Рубцовском районе вошли следующие: Арык, Антаевка, Бугры, Веселоярск, Ветлевка (Ветневка), Вишневка, Вишневская РТС, Дальний, Зеленый Клин, Зерно, Казанка, Казарма 10-й км, Казарма 519-й км, Казарма 527-й км, Казарма 538-й км, Казарма 545-й км, Колос, Локоть, Московка, Новоалександровка, Новониколаевка, Новоматвеевка, Половинкино, Поповка, Потеряевка, Путь к коммунизму, Разъезд 37-й км (Колос, Новоалександровский сельсовет), Разъезд 543-й км (Казарма 543-й км), Романовка, Самарка, Саратовка, Шестаковский. В число населенных пунктов Рубцовского района, население которых вследствие ядерного испытания 29 августа 1949 г. получило суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения больше 5 сЗв, но не более 25 сЗв, вошли: Алебастровый завод, Верхняя Устьянка, Видный, Восточный, Вторая ферма совхоза «Рубцовский», Второе отделение совхоза «Рубцовский», Захарово, Зеленая Дубрава, Казарма 512-й км, Казарма 515-й км, Калиновка, Красная Речка, Красный Октябрь, Куйбышево, Малая Чебуриха, Мирное, Надеждинка, Назаровка, Нововознесенка, Новосклюиха, Новый, Первая ферма совхоза «Рубцовский», Первое отделение совхоза «Рубцовский», Подсобное хозяйство завода «Алтайсельмаш»,

Подсобное хозяйство госплемстанции, Подсобное хозяйство Рубторга, Племенной совхоз «Рубцовский», Пушкино, Рождественский, Северный, Старая мастерская, Степной Сухой Лог, Тайга, Третье отделение совхоза «Рубцовский», Третья ферма совхоза «Рубцовский», Троинка, Ударник, Чайка, Чебуриха, Черемушки, Имени VI Конгресса Коминтерна, Элитный, Ясное Солнце, а также Рубцовск. (Жители Рубцовска включены и в список лиц, пострадавших от последствий ядерного взрыва 7 августа 1962 г. и получивших суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения больше 5 сЗв, но не более 25 сЗв. Укажем, что многие из отмеченных населенных пунктов Рубцовского района в настоящее время не существуют – Авт.).

Первый ядерный взрыв занимает особое место в испытаниях на полигоне. Испытание было проведено без учета метеорологических условий и без принятия мер безопасности от радиационного воздействия. Минимальное расстояние от испытательной площадки опытного поля полигона до границы Алтайского края составило всего 150 км. При скорости смещения холодного фронта около 60 км/час, радиоактивное облако достигло приграничных населенных пунктов Угловского, Рубцовского и Локтевского районов края через 2-2,15 часа. Преобладающие южные и юго-западные направления ветров и отсутствие естественных барьеров на границах полигона и Алтайского края способствовали прохождению радиоактивного облака над территорией Алтайского края. Изучение влияния радиационного воздействия на население началось более 40 лет после испытания, когда принятие необходимых мер радиационной защиты потеряло смысл. Вклад испытания в радиоактивное загрязнение территории Алтайского края и в облучение населения составил от 60 до 95 процентов. Наиболее полные данные, свидетельствующие о фактах радиационного воздействия на население края, содержатся в архивах Министерства обороны РФ и других учреждений, участвовавших в испытаниях и исследованиях, касающихся последствий испытания. Трасса выпадения радиоактивных продуктов была прослежена радиационной разведкой на всей территории края от Угловского района до окрестностей Бийска. Ретроспективная оценка радиационного воздействия на население велась путем оценки архивных материалов полигона, восстановления метеорологической обстановки (температуры, влажности, скорости и направления ветра), данных по определению превышения цезия, стронция, плутония над

уровнем глобальных выпадений, характера их распределения, анализа данных радиационной разведки, фактов регистрации аномальных повышений радиационного фона, а также с помощью математического моделирования [6].

В результате проведения научно-исследовательских работ установлено, что первый отечественный взрыв оказал наибольшее радиационное воздействие на население и радиоактивное загрязнение территории края. Облучение радиоактивными продуктами, в основном, носило острый характер и формировалось за счет внешнего облучения. В результате испытания за счет радиоактивного йода значительному внутреннему облучению подверглась щитовидная железа. Наибольший вклад в дозу внутреннего облучения человека вносит пероральное (по пищевому пути через рот) поступление в организм. Вклад ингаляционного (через дыхательные пути) поступления составляет не более 10 процентов. При формировании медико-дозиметрического регистра облученного населения и их потомков в 1-м, 2-м, и 3-м поколении использовались документы районных администраций края, учреждений социального обеспечения, архивов ЗАГС, паспортных отделов, родословные для каждой семьи. Отмечено, что 45,2 процента составляли лица в возрасте до 20 лет на момент испытаний, 41,9 процента в возрасте от 20 до 40 лет, и 12,9 процента – старше 50 лет. Имеются особенности в отношении полов в различных возрастных группах: 0-9 лет незначительно преобладали мужчины, в остальных группах – женщины. Учеными Алтайского медицинского университета и научно-исследовательского института региональных медико-экологических проблем при проведении исследований состояния здоровья потомков облученных в 1949 г., потомков иммигрантов, прибывших в населенные пункты края после взрыва 1949 г., и детей контрольных районов установлено, что частота болезней у детей облученных родителей существенно выше, чем у детей мигрантов и контрольных районов [6].

В 1992 г. после визита на Алтай президента России Б.Н. Ельцина на государственном уровне был рассмотрен вопрос: каким образом семипалатинские испытания повлияли на состояние здоровья жителей Алтайского края. Алтайский край был занесен в список территорий, пострадавших от радиационного воздействия. Большая заслуга в этом принадлежит ученым-медикам, сумевшим доказать,

что доза, полученная алтайцами, оказала воздействие не только на самих облученных, но также их детей и внуков.

24 июня 1992 г. вышло постановление Правительства РФ «О мерах по оздоровлению населения и социально-экономическому развитию населенных пунктов Алтайского края, расположенных в зоне влияния ядерных испытаний», и началась работа по медицинской и социальной реабилитации людей, подвергшихся воздействию радиации. Этим постановлением был утвержден перечень населенных пунктов Алтайского края и комплекс мер по оздоровлению населения и развитию пострадавших населенных пунктов. 16 ноября 1993 г. было принято постановление Совета Министров Правительства Российской Федерации №1160 «О Государственной программе по реабилитации населения и социально-экономическому развитию районов Алтайского края, подвергшихся радиационному воздействию в результате ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, на 1994-1995 годы и на период до 2000 года, и мерах по обеспечению ее реализации».

20 декабря 1993 г. был подписан указ Президента РФ №2228 «О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне», в котором на них были распространены отдельные компенсации и льготы, предусмотренные законам РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Эти меры были подтверждены и закреплены Федеральным законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне №149 ФЗ от 19 августа 1995 г.». 10 января 2002 г. принят Федеральный закон №2 – ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (прямого действия)». При этом контингенты граждан, имеющих права на компенсации и льготы, остались те же: граждане, получившие суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения, превышающую 25 сЗв (бэр); граждане, получившие суммарную (накопленную) эффективную дозу облучения более 5сЗв, но не превышающую 25 сЗв (бэр); дети в возрасте до 18 лет первого и второго поколения, облученных в вышеуказанных дозах.

В целях реализации принятых законов и постановлений была принята Федеральная целевая программа. Основным источником ее финансирования стал федеральный бюджет. Основная часть средств, поступивших на реализацию Программы в Алтайском крае, была направлена на финансирование раздела «Охрана здоровья населения, подвергшегося радиационному воздействию». В результате была улучшена материальная база краевого здравоохранения, повышен уровень профилактики и ранней выявляемости заболеваний [7].

В ноябре 2006 г. Программа была откорректирована в связи с изменениями в законодательстве РФ и продлена до 2010 г. Программные мероприятия в рамках второго этапа были направлены на разработку механизмов и реализацию мер в сфере охраны здоровья граждан, подвергшихся воздействию неблагоприятных факторов в результате радиационных аварий и катастроф, создание инфраструктуры (систем газо- и водоснабжения), необходимой для обеспечения условий безопасной жизнедеятельности населения; создание условий для безопасного использования земель лесного фонда; совершенствование системы мониторинга и прогнозирования обстановки на пострадавших территориях; информационной поддержки и социально-психологической реабилитации граждан, проживающих в зонах влияния радиационных факторов.

Всего в период 1992-2010 годов в ходе реализации вышеуказанных программ в городских округах и районах края было введено в эксплуатацию 28 больниц на 2578 коек, 26 поликлиник мощностью 5624 посещения в смену, 30 школ на 8691 учебное место, 22 объекта социального обеспечения на 462 места, а также более 195 км водопроводных сетей, 210 км электрических сетей, 30 км тепловых сетей, 28 км сетей газоснабжения и др. объекты. В целом к концу 2010 г. были достигнуты следующие целевые показатели: увеличилась доля подвергшихся радиационному воздействию граждан, получивших специализированную медицинскую помощь; увеличилась доля граждан, обеспеченных безопасными устойчивыми источниками водо- и газоснабжения [8].

Тем не менее, масштабы последствий ядерных испытаний на полигоне были таковы, что и после 2010 года было решено продолжить программу. Постановлением Правительства РФ от 29.06.2011 №523 она была продлена на период до 2015 года. С этой целью в крае была запланирована реализация 10 проектов, включающих ввод в эксплуатацию водопроводных и тепловых сетей

и обеспечение качественной питьевой водой более 16500 чел., источниками теплоснабжения – около 38000 чел.

Библиографический список

1. Семипалатинский ядерный полигон [Электронный ресурс] <http://rufact.org/wiki>

2. Семипалатинский полигон [Электронный ресурс] <http://www.coolreferat.com>

3. Киселев В.И., Лобарев В.М., Шойхет Я.Н. Проблемы количественной оценки воздействия Семипалатинского полигона на население Алтайского края // Вестник научной программы «Семипалатинский полигон – Алтай» – 1994. – №1.

4. Снигирева Г.П., Новицкая Н.Н. Возможности использования цитогенетических методов при обследовании населения, подвергшегося облучению в результате ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне // Вестник Российского научного центра рентгенорадиологии (РНЦРР). – 2011. – №11.

5. Рекомендации для государственных и муниципальных органов, органов и учреждений по работе с гражданами, пострадавшими вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (Алтайский край) // Краевое государственное учреждение «Научно-исследовательский институт региональных медико-экологических проблем». – Барнаул, 2006.

6. Ковригин А.О. Отдаленные последствия первого ядерного испытания на Семипалатинском полигоне для населения Алтайского края // Материалы международной научно-практической конференции «Радиоэкология XXI века» – Барнаул, 1998.

7. Захаренко В.В., Колядо В.Б. Научное обоснование и реализация программы «Семипалатинский полигон – Алтай» // Бюллетень СО РАМН. – 2006. – №3 (121).

8. Постановление администрации Алтайского края №583 от 14.10.2011 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Преодоление последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне на 2011-2015 годы»».

Дополнительная литература

1. Алгазин А.И., Шойхет Я.Н., Киселев В.И. Состояние здоровья населения, подвергшегося радиационному воздействию при испытании ядерного устройства на Семипалатинском полигоне //

Вестник научной программы «Семипалатинский полигон – Алтай». – 1995. – №1.

2. Алгазин А.И., Киселев В.И., Шойхет Я.Н., Шевчук Д.Г. и др. Формирование регистра лиц, подвергшихся радиационному воздействию при испытании ядерного устройства на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года // Вестник научной программы «Семипалатинский полигон – Алтай». – 1996. – №1.

3. Барахтин В.Н., Дусь В.И. Семипалатинский полигон глазами независимых экспертов. – Спб., 2002.

4. Булатов В.И. Россия радиоактивная. – Новосибирск, 1996.

5. Герасименко Н.Ф., Шойхет Я.Н., Трешутин В.А., Сахно Т.И., и др. Концепция организации реабилитационно-профилактической службы Алтайского края // Вестник научной программы «Семипалатинский полигон – Алтай». – 1995. – №3.

6. Испытания ядерного оружия и ядерные взрывы в мирных целях СССР. 1949-1990. – М., 1996.

7. Киселев В.И., Шойхет Я.Н., Лагутин А.А. Ядерные испытания, окружающая среда и здоровье населения Алтайского края. – Барнаул, 1993.

8. Колядо В.Б., Шойхет Я.Н., Киселев В.И., Колядо И.Б. и др. Потери здоровья населения от облучения радиоактивными осадками при ядерных испытаниях (ретроспективная медико-демографическая диагностика и оценка). – Барнаул, 1998.

9. Медицинские последствия облучения на следе ядерного взрыва. – Барнаул, 2002.

10. Новикова Т.А. Создание ядерного оружия в США и СССР. Общие и особенные черты. 1939-1949 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2006.

11. Последствия радиационного воздействия ядерных испытаний на население Алтайского края и меры по его социальной защите. – Барнаул, 2003.

12. Создание первой советской ядерной бомбы. – М., 1995.

13. Савицкий И.М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. – 1999. – №2.

14. Ядерные испытания, окружающая среда и здоровье населения Алтайского края: Материалы научных исследований. Т. 1-9. – Барнаул, 1993.

15. Ядерные испытания СССР. Семипалатинский полигон. Факты, свидетельства, воспоминания. Обеспечение общей и радиационной безопасности ядерных испытаний. – М., 1996.

Рубцовский индустриальный институт в 60-70 годы XX века

В 1959 г. Алтайский институт сельскохозяйственного машиностроения переименовывается в Алтайский политехнический институт, а его Рубцовский филиал переводится на положение вечернего факультета. В это время на факультете обучалось 666 чел., в том числе русских – 560, украинцев – 44, евреев – 30, других национальностей – 32. При факультете действовали подготовительные курсы на 250 чел., на первый курс было принято 128 чел. [1, л. 2].

Выполняя постановление Совета Министров СССР от 4.03.1954 г., АТЗ выстроил и приспособил для здания факультета 4-этажное здание по ул. Тракторной 4, общей площадью 3500 кв. м. Новый корпус позволил увеличить число студентов с 360 в 1955/56 учебном году до 666 в 1960/61 учебном году [2, л. 4]. В Бийском филиале АПИ, по данным на 1 июля 1961 г., насчитывалось 175 студентов, а непосредственно в Барнауле на дневном отделении обучались 1681 студент, на вечернем – 570 [3, л. 14].

В это время на факультете работали 35 преподавателей, из них только 9 штатных [4, л. 4]. В новом здании были созданы лаборатории по металловедению, физике, химии; кабинеты основ марксизма-ленинизма, теоретической механики, немецкого языка. И все же помещений и оборудования не хватало. Вот почему сразу же после вселения в новое здание руководством факультета на разных уровнях ставится вопрос о доукомплектовании факультета материальными средствами, о достройке актового зала и т.п. [5, л. 9].

В 1960 г. еще 77 инженеров получили дипломы. Это был 11-й выпуск в Рубцовске и первый выпуск факультета. По специальности «Технология машиностроения» был выпущен 61 чел. и по специальности «Машины и технология литейного производства» – 16. К этому времени общая численность инженеров с дипломами Рубцовского филиала, а затем и факультета АПИ составила 359 чел., в том числе технологов – 315 чел., литейщиков – 44. Для АТЗ было выпущено 319 специалистов, для АЗТЭ – 30, для АСМ – 12.

Выпускниками факультета на АТЗ были такие известные руководители, как Ситюков, Кругов, Петров, Сусоев, Тикунов, Зуев, Синяев, Лебедев, Якимов, Побежимов, Фунтиков, Кудрявцев, Волобуев; на АСМ – Саламанов, Загайнов, Жулдыбин, Сорокин, Харченко, Абдикаримов; на АЗТЭ – Приходько, Брайт, Сорокин и др. [6, л. 6]. Через год предприятия города получили еще 74 инженера, в том числе АТЗ – 55, АЗТЭ – 6, АСМ – 10. На факультете работали 10 штатных преподавателей и 26 совместителей. Из них только один имел ученое звание доцента [7, лл. 16,17]. В 1962 г. выпускниками стали 92 чел. по трем специальностям: «Технология машиностроения», «Машины и технология литейного производства», «Автомобили и тракторы». В 1963 г. получили дипломы 111 чел., из них 53 защитили дипломные работы на «отлично», 15 – на «хорошо» и 11 – на «удовлетворительно». Число штатных преподавателей увеличивается до 29 [8, л. 28]. В июне 1964 г. факультет окончили 112 чел., из них технологами стали 63, литейщиками – 12, по автомобилям и тракторам специализировались 37. Число штатных преподавателей увеличилось до 32 [9, л. 12].

Ветеран института Вера Афанасьевна Макарова пришла сюда в декабре 1964 г. на должность лаборанта по кадрам. С открытием втуза стала начальником отдела кадров, отсюда и ушла на пенсию, но в институте продолжала работать. Середина 60-х гг. для Веры Афанасьевны вспоминается как лучшее время жизни. «Институт тогда был совсем маленький, все друг друга знали, – говорит она. – Вместе отмечали праздники, дружно выходили на субботники. Любимым местом отдыха на природе был Егорьевский бор. Арендовали автобус и выезжали коллективом на сбор грибов, ягод. Факультет тогда располагался в среднем корпусе, студентов было всего несколько десятков, затем открыли заочное отделение, стали строить вставки между основными корпусами. Строительством занимались специалисты отдела капитального строительства АТЗ. Завод же предоставлял различные станки и механизмы для оборудования мастерских и лабораторий».

Из преподавателей, которые пришли в институт почти одновременно с Верой Афанасьевной, она запомнила Николая Дмитриевича Машарова с кафедры высшей математики. Еще раньше стала работать доцент кафедры иностранных языков Виктория Ивановна Немтинова. Из библиотечных работников с конца 50-х гг.

работала Любовь Константиновна Зыкова, абонементом заведовала Нина Васильевна Левина.

С конца 1968 года на факультете стал работать Эдуард Иванович Коратаев. Он закончил рубцовскую школу имени Кирова, работал слесарем-модельщиком на АТЗ. Затем поступил в Новосибирский электротехнический институт. По окончании института приехал домой, устроился в отдел научной организации труда завода «Алтайсельмаш». Его еще в институте привлекала научная деятельность, и он собирался поступать в аспирантуру. Установил связь с факультетом для сдачи кандидатских экзаменов. Бывший тогда деканом Владимир Николаевич Фунтиков предложил перейти ассистентом на факультет. Затем Эдуард Иванович стал старшим преподавателем, в 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию в Уральском политехническом институте. Последовательно занимал должности доцента, заведующего кафедрой, проректора по научной работе и проректора по учебной работе. До 1970 г., по словам Эдуарда Ивановича, на факультете не было ни одного кандидата наук, первым стала Нинель Федоровна Калашникова.

В 60-х гг. ставший тогда деканом Андрей Ильич Клишин начал работу по привлечению на факультет специалистов высшей квалификации. Особенно тесные отношения были завязаны с Томским политехническим институтом. Томский политех отправляет в Рубцовск таких преподавателей, как Иван Фокеевич Дерюга, Василий Васильевич Борисовский, Павел Александрович Люкшин. Много энергии Андрей Ильич Клишин отдал строительству нового корпуса института по пер. Улежникова. К сожалению, из этой задумки, кроме фундамента, так ничего и не получилось.

В эти годы Эдуарду Ивановичу довелось работать с такими преподавателями, как Анатолий Алексеевич Кутумов, один из первых деканов рубцовского филиала; Леонид Федорович Тикунов, один из первых выпускников филиала, специалист по графике. Преподавательскую работу в эти годы продолжал и Андрей Кузьмич Орлов, многое сделавший для организации высшего образования в Рубцовске как один из деканов. На кафедре высшей математики многие годы работали Галина Николаевна Педь и Эйга Руфимовна Ушакова. Премудростям иностранных языков студентов обучала Мария Григорьевна Чибрикова, курс философии вел Федор Данилович Изотов. Михаил Павлович Федотов преподавательскую деятельность начинал на кафедре общей электротехники, многое

сделал для организации лабораторий. Затем перешел трудиться на АЗТЭ, где вырос до главного энергетика завода. Эту деятельность он совмещал с преподаванием. После выхода на пенсию вернулся в институт.

Александр Нафтулович Корогодский после окончания Новосибирского электротехнического института начинал рядовым инженером на АЗТЭ. Здесь вырос до главного конструктора, защитил кандидатскую диссертацию. В 1968 г. стал заниматься преподавательской работой. Много сделал как на заводе, так и в институте по подготовке студентов.

В мае 1965 г. на факультете обучалось 1070 студентов, всего в 1964/65 учебном году дипломы инженеров получили 80 чел. В штате факультета было 34 преподавателя, и 20 совмещали преподавание с практической работой. В этом году были созданы: кабинет черчения, лаборатория сопромата, электрики, началось оборудование литейной лаборатории [10, л. 20]. К началу 1966/67 учебного года на факультете было 1238 студентов (1043 на вечернем и 195 на заочном обучении). Заочное обучение было организовано в этом году со следующими потоками: механическим, строительным, энергетическим, химико-технологическим. Прием шел на конкурсной основе – принимался один из 3-4 желающих [11, л. 24]. Дипломы инженеров получили 152 студента. Это был самый большой выпуск за все годы существования факультета [12, л. 26].

60-е годы дали городу и его заводам выпускников, которые в дальнейшем на протяжении многих лет определяли научно-технический прогресс и развитие его экономики. Всего за 1960-1969 гг. было подготовлено 1187 инженеров по трем специальностям: «Технология машиностроения», «Литейное производство», «Автомобили и тракторы». Среди наиболее известных – А.П. Козлов – главный технолог завода, Г.И. Чекалин, Л.С. Логинов начальники главных управлений Минсельхозмаша, А.В. Кудинов – начальник СЛЦ АТЗ, М.А. Зацепин – конструктор-разработчик, И.С. Запрягаев – ведущий конструктор по опытным плугам, награжденный медалями Союза и медалями ВДНХ. В эти годы высшее образование в филиале получили Ю.М. Фрейдлин – работник проектно-конструкторского и технологического института, автор 10 изобретений. Д.Т. Харитонов – выпускник 1968 г., работал на заводе «Алтайсельмаш» технологом, инженером-конструктором, главным металлургом. На заводе было внедрено 25 его рационализаторских предложений. Ю.Ф. Кутепов

окончил Рубцовский машиностроительный техникум, работал на АТЗ начальником БТЗ цеха, начальником бюро, зам. начальника ООТиЗа, зам. директора по труду и зарплате. В 1995 г. удостоен звания «Заслуженный экономист РФ». В.И. Елисеев после окончания РФ прошел трудовой путь до главного энергетика и зам. главного инженера АТЗ. Б.В. Тимошенко начинал рядовым технологом, затем стал зам. главного технолога ПО «Алтайский тракторный завод». Впоследствии работал начальником объединенного конструкторско-технологического бюро.

М.А. Пономарев работал на АТЗ шлифовщиком, после окончания РФ прошел трудовой путь до зам. главного конструктора завода. Проявил себя как активный рационализатор, за что награжден двумя медалями ВДНХ. Г.Я. Брайт на Алтае с 1939 г., проживал в с. Саратовка Рубцовского района. В 1946 г. пришел на АЗТЭ, работал наладчиком, мастером, зам. начальника цеха, одновременно учился в РФ. Работал главным инженером завода, защитил диссертацию кандидата технических наук. Его трудовая деятельность закончилась в должности первого заместителя генерального директора Владимирского ПО «Автоприбор».

Активно проявили себя в производственной и научной деятельности и выпускники факультета 70-х годов. Ю.И. Христенко пришел на «Алтайсельмаш» в 1967 г., в 1974 г. окончил Рубцовский факультет, работал старшим инженером-технологом, начальником ОМТС, зам. директора по производству АО «АСМ-холдинг». В.С. Новиков, работая на АТЗ слесарем, без отрыва от производства окончил РФ, потом работал на АСМ начальником отдела кадров, зам. директора, главным металлургом. А.А. Апполонов — коренной рубцовчанин, после окончания Рубцовского машиностроительного техникума начал работать на АТЗ. Окончил Рубцовский факультет. Преподавал в вузе, защитил кандидатскую диссертацию. Работал начальником научно-исследовательского отдела ПО АТЗ. Сейчас проректор Рубцовского индустриального института.

Работу над диссертациями начали многие преподаватели факультета. На целевую подготовку в аспирантуре ведущих вузов были направлены выпускники. Учеными факультета выполнялись исследования по заказам предприятий города.

Среди преподавателей «новой волны» были Павел Романович Быкадоров – экономист, Александр Эмильевич Ярин – экономист, историки Вячеслав Иванович Азовцев, Майя Михайловна Смирнова.

Много сил для развития лабораторной базы факультета отдал Виктор Тимофеевич Гетманов, представитель «томской команды». После защиты диссертации в Томском политехническом институте он приехал в Рубцовск. Был деканом электротехнического факультета. Тогда же стал работать на факультете Александр Викторович Емельяненко.

Он тоже защищался в томском «политехе». Александр Викторович многое сделал для создания лаборатории по электротехнике.

А.А. Апполонов на факультете с 1972 г. Многих и ныне работающих преподавателей помнит еще по студенчеству. Среди них Юрий Иванович Дубинин, Геннадий Егорович Левшин. Под их руководством студенты-литейщики занимались опытно-конструкторскими работами: проектировали устройства для разлива стали, стержневые автоматы, проводили исследования по затвердеванию формовочной массы. Группа, в которой он учился, оказалась сильной. Среди них главный инженер А.Д. Субботин, начальник модельного цеха Д.М. Щербинин, старший мастер модельного цеха Д. Беляев, бывший начальник чугунолитейного цеха Лукин, начальник формовочной лаборатории Владимир Петрович Жолнеров (в последние годы работал главным металлургом на одном из заводов Усть-Каменогорска); В. Кукушкина работала экономистом в объединении «Литком».

Ветераном гуманитарного образования в сегодняшнем институте является Александр Францевич Чернявский. Он родился в Красноярском крае в одном из его северных таежных районов. Закончил историко-филологический факультет Томского университета. Некоторое время проработал в сельской школе, куда направляли в то время всех выпускников. Затем по конкурсу поступает на работу на кафедру философии и научного коммунизма Красноярского политехнического института. В 60-е гг. во всех вузах страны ввели обязательный курс научного коммунизма, а в Томском университете его уже разработал и вел Георгий Антонович Олех. Вот почему выпускников-гуманитариев из Томска стали брать в вузы для преподавания этой новой учебной дисциплины.

Александр Францевич в Красноярске проработал 10 лет старшим преподавателем. Переехав на жительство в Свердловск, был директором межшкольного учебно-производственного комбината. В Рубцовске оказался в 1978 году. В это время на факультете было

несколько обязательных гуманитарных дисциплин: философия, теория научного коммунизма, политэкономия. Преподаватели-обществоведы входили в состав гуманитарной секции, которую возглавлял кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны Вячеслав Иванович Азовцев. Занятия по политэкономии вел Юрий Викторович Бирюков.

Эти и другие преподаватели составили костяк, основу преподавательского корпуса будущего Рубцовского индустриального института. Многие из них продолжают трудиться и в настоящее время.

Библиографический список

1. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) – ФР.255. – Оп.1. – Д.433.
2. Там же.
3. Там же. – Д.280.
4. Там же. – Д.433.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. – ФП.8577. – Оп.1. – Д.12.
8. Там же. – Д.13.
9. Там же. – Д.15.
10. Там же. – Д.9.
11. Там же. – Д.10.
12. Там же.

Образование филиала и факультета АПИ

Великая Отечественная война заново перекроила экономическую карту Советского Союза. В самом ее начале в небольшом степном городке Рубцовске на одноименной станции были выгружены эшелоны с эвакуированным оборудованием нескольких заводов, расположенных в европейской части страны, что и послужило началом формирования Рубцовска как крупного промышленного центра с развитым сельхозмашиностроением. Вместе с заводами были эвакуированы и многие их руководители, инженеры, технологи, конструкторы, что позволило решать проблему обеспечения строящихся рубцовских заводов квалифицированными инженерными кадрами. В их числе были такие талантливые руководители и

организаторы производства, как директора заводов П.П. Парфенов и В.Л. Рыбин; главные инженеры Н.Н. Перовский, Л.Я. Кагане, Ф.Ф. Аунапу; преподаватели вузов Т.А. Животовский, Я.С. Герчук, С.В. Яблоновский, А.В. Гандлер, И.З. Ясногородский, И.С. Губер; конструкторы М.С. Сидельников, Э.А. Саркисянц, Х.Я. Тейтельбаум; главные специалисты А.С. Рывкин, Б.С. Гахенсон, М.М. Гохберг, Я.Н. Прейгерзон, И.Г. Лукин, Э.З. Клурфельд, Я.А. Жежер, Б.И. Шипилин, С.Н. Эпштейн, В.И. Ткаченко, А.В. Тугушев и другие.

В конце войны, после освобождения ранее оккупированной части страны, большинство из них либо вернулись на родину, либо были направлены на восстановление разрушенных фашистами заводов. Перед руководством города, соответствующих министерств остро встал вопрос: чем заполнить образующуюся брешь, где взять специалистов, способных работать и развивать производство в будущем? Выход был лишь один – готовить собственные кадры.

Начало профессиональному образованию в городе было положено в 1942 году, когда при заводе «Алтайсельмаш» приступила к работе школа фабрично – заводского обучения (ФЗО-5), переведенная из Алейска. Спустя месяц начались занятия в машиностроительном техникуме. Однако первые студенты появились в городе лишь в 1945 году, когда на базе Алтайского тракторного завода открывается учебно-консультационный пункт (УКП) Московского института металлопромышленности.

В Барнауле в это время уже несколько лет работает эвакуированный из Запорожья машиностроительный институт (с 1944 года он становится Алтайским машиностроительным институтом – АМИ). Руководство АТЗ обратилось в Алтайский крайком ВКП(б) и АМИ с предложением организовать вечерний филиал института в Рубцовске на базе Алтайского тракторного завода. В архиве сохранился приказ по АТЗ от 4 июля 1945 года за подписью директора завода П.П. Парфенова. В приказе отмечено, что «в целях подготовки высококвалифицированных кадров без отрыва от производства на заводе организуется вечерний филиал Алтайского машиностроительного института», и далее предлагались мероприятия по обеспечению работы создаваемого филиала. В частности, планировалось подобрать из числа работающих на заводе две группы студентов первого курса по 30-35 человек и одну группу второго курса в 30-40 человек. Подыскивалось помещение, изготавливалась

необходимая мебель и инвентарь (все это делалось на заводе специалистами деревоотделочного цеха).

Этот приказ явился итогом длительной переписки руководства завода, его директора П.П. Парфенова, главного инженера Н.И. Перовского с наркоматом сельскохозяйственного машиностроения, где они обосновывали целесообразность и своевременность создания филиала, гарантировали стабильность работы, обеспеченность студентами и преподавателями.

По данным отчета о работе Алтайского машиностроительного института за 1945-1946 гг., в ноябре 1945 года на подготовительных курсах Рубцовского филиала обучалось 22 человека [1, л. 3], а это говорит о том, что в 1945 году филиал уже существовал как структурная единица института. На 1 января 1946 года в филиале числилось 16 студентов, на октябрь 1946 года – 32 студента, в том числе принятых на первый курс – 16, на 1 января 1947 – 53 студента, на ноябрь 1947 года – 88 [2, л. 1]. Согласно отчету о работе Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения за 1946-1947 учебный год, в Рубцовском филиале в этот период на первом курсе обучалось 45 студентов, на втором 15 [3, л. 1].

В эти же годы было положено начало развитию науки в Рубцовске. Так, 15 и 16 июня 1946 года в клубе Алтайского тракторного завода состоялась научная сессия Алтайского тракторного завода и Алтайского машиностроительного института [4]. С сообщениями и докладами на ней выступили ведущие преподаватели и специалисты завода и института. Доктор технических наук П.В. Мелентьев сообщил о новых методах расчета в области сопротивления материалов, инженер Е.Э. Саркисянц – о путях малой модернизации трактора. Проведение таких конференций продолжилось в последующие годы. В июне 1948 года была проведена уже третья по счету конференция [5]. Директор Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения Л.Г. Исаков рассказал о роли науки и планах научных работ института. О своих исследованиях доложили И.З. Ясногородский, заместитель начальника центральной лаборатории АТЗ, выступивший с докладом «Применение электролитного нагрева в промышленности», главный металлург АТЗ Я.И. Прейгерзон – «Закалка с ограниченным временем охлаждения в закалочной жидкости». Л.Г. Зальманов, заведующий кафедрой «Двигатели внутреннего сгорания» АИСХМ, обобщил информацию по теме «Реактивное моторостроение». С

докладом «Применение низких температур при термической обработке инструментов» выступила Г.А. Богданова, инженер центральной лаборатории АТЗ и студентка Рубцовского филиала АИСХМ.

С каждым годом увеличивалось число студентов филиала. На начало января 1948 года в нем насчитывалось 89 студентов в пяти группах: 55 из них работало на Алтайском тракторном заводе, 16 на других предприятиях города [6, л. 273]. Занятия проходили 3 дня в неделю общей продолжительностью 16 часов. В сентябре 1950 г. в филиале обучалось 223 студента, в сентябре 1952 г. – 341. Ежегодный прием составлял не менее 50 человек [7, л. 2]. Ежегодный набор осуществлялся за счет слушателей подготовительных курсов, на которые набиралось не менее 75 человек. Начиная с 1952 года филиал стал принимать студентов на новую специальность «Машины и технология литейного производства» [8, л. 3]. В 1952-1953 учебном году на первый курс было принято 55 человек, из них работников АТЗ – 37, АСМ – 3, АЗТЭ – 4, других предприятий – 11. В этом году в филиале обучалось 224 человека, из них мужчин – 146, женщин – 73. По национальности 185 из них были русские, 18 – украинцы, 10 – евреи [9, л. 1,2]. По данным на 2 мая 1954 г., в филиале обучалось 248 студентов [10, л. 3]. В 1955 году на первый курс было принято 100 человек. Вот что писал о студентах этого набора в «Алтайской правде» директор филиала А. Орлов: «Большинство из них закончили школы рабочей молодежи. Вот взять, к примеру, слесаря – наладчика АТЗ Виталия Прокопьевича Рубцова. Его прадед первым поселился в этой степи, и именем его назван город. А правнук на фронтах Отечественной войны защищал завоевания Советской власти. После демобилизации он начал работать на АТЗ и стал посещать школу рабочей молодежи. Окончив ее, Виталий Рубцов решил получить высшее образование» [11].

Первый выпуск инженеров был осуществлен в январе 1952 года. Дипломы получили 11 человек. Всего в этом году было три выпуска специалистов по специальности «Технология машиностроения». В целом за этот год было подготовлено 38 инженеров [12, л. 9-10]. К 1955 году в филиале было подготовлено уже 6 выпусков новых специалистов [13, л. 138], а всего в этом году в филиале подготовили 27 молодых специалистов [14, л. 14].

Первым зданием филиала стал барак. В нем было печное отопление, дрова студенты приносили с собой, сидели за грубо

сколоченными столами. Было очень холодно, снимали только шапки. Нередко застывали чернила и приходилось писать карандашами.

В конце 1947 г. АМИ преобразуется в Алтайский институт сельскохозяйственного машиностроения (АИСХМ) и ему передается УКП Московского института металлопромышленности, который становится филиалом АИСХМ в Рубцовске. В 1949 году Алтайским тракторным заводом было выделено другое, более просторное здание под размещение филиала. В это время на трех курсах обучалось около 100 человек, имелось более 10 аудиторий.

1956 год внес новые изменения в деятельность филиала. В это время под филиал было передано одно из новых четырехэтажных зданий, строящихся на поселке АТЗ. Оно явилось началом блока зданий нынешнего РИИ. Более чем трехкратное увеличение площади обеспечило возможность ежегодно принимать в филиал до 150 человек. В новом просторном здании были организованы первые лаборатории, мастерские, разместилась библиотека, расширился штат сотрудников. В 1957 году открывается специальность «Автомобили и тракторы», в 1961 – «Сельскохозяйственные машины».

В 1959 году АИСХМ переименован в Алтайский политехнический институт (АлтПИ), а Рубцовский филиал становится Рубцовским вечерним факультетом Алтайского политехнического института и под таким названием существует до 1984 года. За этот период значительно увеличились учебные площади: факультет стал включать пять учебных корпусов и спортивный комплекс. В это время значительно увеличился прием на факультет, оснащены лаборатории профилирующих кафедр, в институт пришли опытные специалисты, активизировалась научная работа.

Почти все первые выпускники были работниками базового предприятия – АТЗ.

Город и завод получили одиннадцать инженеров – механиков. Среди них были Арон Моисеевич Капулкин, ставший впоследствии начальником цеха, Леонид Федорович Тикунов, Василий Семенович Сорокин – директор завода в Барнауле, Николай Иванович Перевознов – секретарь парткома АТЗ. Во втором выпуске среди новых инженеров были такие известные специалисты, как Павел Иванович Ушаков – главный инженер Рубцовского завода запасных частей (РЗЗ) и два директора заводов – директор РЗЗ Николай Степанович Гладышев, работавший и председателем Рубцовского

горисполкома, и Петр Самойлович Приходько – директор Алтайского завода тракторного электрооборудования (АЗТЭ). Среди первых выпускников был и Михаил Евсеевич Синяев. Он вырос на Алтае, в 1939 году поступил в Томский индустриальный институт, но в 1941 году в начале войны ушел на фронт. После войны стал работать на АТЗ и одновременно поступил учиться в Рубцовский филиал. Михаил Евсеевич многие годы работал начальником планово – экономического отдела АТЗ.

В 1959 году было выпущено 53 специалиста. Всего со дня основания филиала к этому времени было подготовлено 243 специалиста по специальности «Технология машиностроения» и 28 – по специальности «Литейное производство». Это немало, если учесть, что в Рубцовске в этом году было лишь 1582 специалиста с высшим образованием, 5283 со средним техническим.

Среди выпускников этих лет были А.А. Зуев – начальник измерительной лаборатории, преподаватель Рубцовского филиала; В.Н. Фунтиков – начальник автоматного цеха АТЗ, затем декан филиала; Л.Ф. Кунст – работник городского мелькомбината (он собрал материалы и организовал на предприятии музей Ю. Кондратюка, строителя уникальных элеваторов и автора проекта полета человека в космос). Десятый выпуск дал городу таких выпускников, как В.А. Ченцов – будущий начальник ЧЛЦ-3 АТЗ; В.В. Неверов – заместитель главного инженера; М.Е. Минченко – главный конструктор АТЗ, кандидат технических наук; И.Р. Друдэ – главный инженер АЗТЭ; В.И. Филлипов – главный конструктор Павлодарского тракторного завода.

Библиографический список

1. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп. 1. – Д.4.
2. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп.1. – Д.427.
3. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп.1. – Д.5.
4. ЦХАФАК. – ФР 1122.
5. Там же.
6. ЦХАФ АК. – ФР 112. – Оп.1. – Д.755.
7. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп.1. – Д.427.
8. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп. 1. – Д.430.
9. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп. 1. – Д.428.
10. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп.1. – Д.430.

11. Орлов А. В вечернем филиале института // Алт. правда. – 1955. – 16 окт.
12. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп.1. – Д.428.
13. ЦХАФ АК. – ФР 8577. – Оп.1. – Д.1.
14. ЦХАФ АК. – ФР 255. – Оп. 1. – Д.15.

Голодовки на АТЗ: предыстория и хроника событий

Крупнейшее промышленное предприятие Алтайского края – Алтайский тракторный завод был создан в 1942 г. на базе эвакуированного оборудования Харьковского и Сталинградского тракторных заводов и до середины 80-х годов XX в. исправно снабжал своими тракторами всю Сибирь и Среднюю Азию. После начала «перестройки» и затяжного кризиса советской экономики завод начинает испытывать большие трудности со сбытом выпускаемой продукции. Распад Советского Союза и появление новых независимых государств привели к тому, что продукция завода в этих государствах стала быстро замещаться другой, более конкурентной техникой иностранных производителей. Попытки заводчан найти новые рынки не увенчались успехом. Не помогло и акционирование и приход нового собственника. В 2004 году группа компаний РАТМ выкупила 38 процентов акций завода (ОАО «Алттрак») с огромными долгами по зарплате (РАТМ – «Региональная ассоциация топливных материалов» – компания, созданная в 1992 году в Новосибирске Э. Тараном. Сегодня это холдинг, объединяющий предприятия цементной, стекольной, оборонной промышленности, оптико-электронного приборостроения).

Приход нового собственника не изменил ситуацию. В 2005 г. «Алттрак» подвергли процедуре банкротства в оздоровительных целях – результата не было. В 2007 г. вновь было введено конкурсное управление с целью окончательно признать завод банкротом, продать его имущество и погасить долги. Решением краевого арбитражного суда в ноябре 2007 года ОАО «Алттрак» было признано банкротом, его имущество оценено в 476 млн. руб. и выставлено на продажу. Собственником оно было поделено на восемь частей, и 25 июня после состоявшихся торгов была продана только одна часть – основной технологический комплекс по производству тракторов, который был куплен неизвестной компанией после первого шага аукциона за 202

млн. руб. На оставшиеся части – здания, сооружения, имущество вспомогательного производства, сырьё и запчасти – покупателей не нашлось.

Позднее выяснилось, что покупателем оказалась компания «Бетон 45», зарегистрированная по адресу Тракторная 17, т.е. место расположения ОАО «Алттрак». Таким образом, РАТМ выкупил Алтайский тракторный завод у самого себя. Торги проходили в подмосковных Люберцах, и в них участвовали всего две фирмы. После этого было дано время на передачу предприятия новому собственнику, и только потом планировалась выплата долгов по зарплате. В действительности, как писала газета «Правда», все эти процедуры выполнялись с единственной целью – «выкупить сами у себя цехи и оборудование, сдать их в аренду вновь образованным предприятиям, чтобы после их банкротства нечего было продавать для уплаты долгов».

Первые задержки зарплаты на заводе начались в 2000 г., а впоследствии ежемесячные выплаты составляли в лучшем случае от 2 до 3 тысяч рублей и были нерегулярными. Все это привело к тому, что единственным наиболее реальным способом получить заработанное для тракторостроителей становятся голодовки. Первоначальной формой стали голодовки отдельных групп рабочих различных цехов. Это были рабочие энергосилового, термического, чугунолитейного цехов. В чугунолитейном цехе забастовали 11 человек в начале 2008 г. Голодовка продолжалась менее суток, и забастовщикам был выплачен долг в 280 тыс. руб.

11 марта 2008 г. началась голодовка 25 рабочих автоматного цеха. Они потребовали выплаты задолженности за все годы, начиная с 2005 г. Сумма долга на этот момент составляла около 800 тыс. руб. Первоначально администрация предприятия предлагала выплатить зарплату лишь за октябрь 2007 г. Но на такую «компенсацию» голодающие не пошли, требуя полного погашения. Все время голодовки они не покидали территорию завода. Две женщины почувствовали себя плохо, одна была госпитализирована, другую уговорили пойти домой. В ходе голодовки требования участников изменились, и они были согласны на единовременную выплату двух зарплат. 13 марта в числе других заводчан они получили зарплату за один месяц. Затем после переговоров с исполнительным директором «Алттрака» они договорились, что зарплата еще за один месяц будет выплачена после 24 марта, и покинули территорию завода. Каждый

голодающий получил социальную помощь из средств, выделенных по распоряжению губернатора края. Была оказана и помощь из средств крайсовпрофа. Финансовую поддержку получили и семьи других рабочих завода, находящихся в особо тяжелом материальном положении. В список особо нуждающихся (он превышал 300 чел.) были включены и работники РМЗ.

Локальные голодовки и частичное удовлетворение требований забастовщиков никак не могли решить проблему с выплатой заработной платы всем работникам завода, задолженность по которой возрастала с каждым месяцем и к 2010 г. достигала почти 100 млн. руб. После процедуры банкротства и продажи основного комплекса производства деятельность завода была остановлена, несколько сотен работников сокращены и остались без средств к существованию. С октября 2009 г. рабочие вновь перестали получать зарплату. 1 декабря 2009 г. в Новосибирске состоялся митинг рабочих «Алттрака», приехавших из Рубцовска. Сначала рабочие собрались на площади Ленина, а затем, когда к ним подъехали с поддержкой рабочие из Барнаула (моторный завод), митинг переместился к офису компании «РАТМ – холдинг». Основным требованием рабочих было – возобновить работу предприятия и погасить долги по зарплате. Всего собралось около 400 чел.

Протестующие окружили офис, требуя встречи с начальством фирмы. Вокруг здания проволочки и показательно исколотили чучело Эдуарда Тарана – владельца этой фирмы. Протестующие скандировали: «Сегодня – с плакатом, завтра с автоматом!», «Буржуев на нары, рабочих – на Канары!» Представители фирмы пытались запретить кричалки, выдвигая незаконные требования соблюдать придуманные ими самими правила проведения пикетов. Охрана вела себя в целом корректно, но на порог офиса не пускала. Скоро группа рабочих во главе с депутатом Госдумы от КПРФ А. Багаряковым, а также первый секретарь Рубцовского горкома КПРФ С. Юрченко и лидер алтайских коммунистов М. Заполев отправились на переговоры с руководством РАТМ – холдинга. Через полчаса переговоров к пикетчикам и журналистам вышел депутат Госдумы А. Багаряков. Он рассказал, что встретиться с самим Э. Тараном не удалось, т.к. он находился в Москве. Переговоры велись с заместителями и директором «Алттрака». По вопросу зарплаты договорились о выработке графика выплаты долгов до конца марта 2010 г. равными долями. Представители РАТМ пытались увязать

свои обязательства с реализацией участвующего в производстве имущества. В итоге было решено, что зарплату рубцовчане получат вне зависимости от продажи непрофильных активов. По вопросу возобновления производства директор «Алттрака» Д. Фельдман заявил, что у завода появился шанс получить заказ на тракторы из Туркмении. Был запланирован выезд из Новосибирска в Рубцовск 15 декабря комиссии федерального инспектора при представителе президента в СФО.

Нужно отметить, что поездка в Новосибирск и пикетирование офиса РАТМ были последней попыткой работников АТЗ договориться с ее руководством. До этого рабочие захватывали цеха, чтобы не допустить вывода с территории готовой техники (10 июня 2009 г.). 18 июня накануне приезда на Алтай В. Путина рабочие провели несанкционированный пикет в Барнауле, в день приезда грозились перекрыть железную дорогу, соединяющую Алтайский край со Средней Азией. Путин в Рубцовске так и не появился. В ситуацию был вынужден вмешаться глава администрации Алтайского края А. Карлин. Карлин потребовал от Э. Тарана, владельца завода, до 19 июня ликвидировать всю задолженность по зарплате. В результате часть долга руководством РАТМ была выплачена, а В. Путину доложили, что долгов по зарплате в регионе нет.

В соответствии с соглашением, подписанным после протестной акции в Новосибирске, именно на март приходилась самая большая выплата. Предыдущие месяцы владельцы «Алттрака» выполняли свои обязательства даже с опережением графика, но уже «февральские» деньги были получены с запозданием. Во время встречи с рабочими 17 марта руководитель предприятия Д. Фельдман заявил, что мартовской выплаты не будет, так как не удалось заключить перспективный договор на поставку тракторов в Туркмению. После встречи с Д. Фельдманом было решено 24 марта отправить в Барнаул два автобуса с рабочими для участия в митинге, а также начать подготовку к массовой голодовке.

О голодовке были поставлены в известность все властные структуры – от администрации города до Генеральной прокуратуры РФ, 13 мая направлено еще одно видеообращение к президенту. Ответа не было. 14 мая С. Юрченко как председатель «Рабочего комитета протеста» сообщил о ее начале главе и прокурору города. Акция началась 15 мая. Первоначально участники акции установили

на бульваре Победы большой красный шатер, в котором разместились 72 чел., рядом разбили несколько туристических палаток. По заявлению голодающих они, несмотря на холодную погоду, были вынуждены разместиться под шатром и в палатках, поскольку на их просьбу о предоставлении помещения реакции со стороны властей не последовало. Люди взяли с собой матрасы, одеяла, постельное белье, воду и лекарства. Две ночи они провели на улице. Температура воздуха при этом составляла несколько градусов тепла. Горожане делали добровольные взносы в фонд поддержки голодающих (был установлен специальный ящик для пожертвований). На обустройство деньги дали КПРФ и депутаты ее фракции в Алтайском краевом законодательном собрании.

Более чем 20 голодающим потребовалась помощь медиков, несколько человек были госпитализированы. По решению работающего в городе оперативного штаба людей перевезли в здание Совета ветеранов тракторного завода. Для переезда были представлены автобусы, ход переезда контролировали сотрудники правоохранительных органов.

По данным прокуратуры Алтайского края, на 1 мая долги по зарплате более чем 2,5 тыс. работников «Алттрака» составляли 64,5 млн. руб. Предприятие имело также задолженность по выходному пособию и компенсациям за неиспользованные отпуска в размере 33,1 млн. руб. В ходе голодовки с участниками акции встретились заместитель главы администрации края В. Ряполов и глава Рубцовска П. Гамалеев. В. Ряполов сообщил, что начались переговоры с руководством ОАО «Алтайский трактор» о том, чтобы погасить долги за счет проданного имущества завода. Власти края обратились к генпрокурору РФ с просьбой обратить внимание на действия собственника завода, повлекшие негативные социальные последствия. Генпрокуратура РФ объявила Тарану предостережение о недопустимости нарушения закона. Также состоялась встреча А. Карлина с Э. Тараном, на которой последний подписал письменные обязательства о начале выплаты долгов в течение одного-двух дней. Таран обязался погасить задолженность в размере 10 млн. руб. до 20 мая и по 30 млн. руб. ежемесячно в течение июня – августа. По поручению генпрокурора РФ Ю. Чайки в Рубцовск выехала комиссия генпрокуратуры для изучения сложившейся ситуации и наведения законного порядка с выплатой зарплаты.

20 мая 10 млн. руб., предназначенные для 172 участников голодовки, были перечислены на счет в Сбербанке в Рубцовске. Администрацией края был согласован график погашения задолженности «РАТМ – холдингом» перед остальными работниками ООО «Алттрак», ОАО «Алттрак», ООО «АТЗ-запчасть», ООО «Алттрак – Инструментальный завод» в размере 177, 235 млн. руб. в течение июня, июля, августа и частично сентября 2010 г.

21 мая 2010 г. голодовка была официально прекращена. Успех данной акции политики, проанализировавшие ситуацию в Рубцовске, объяснили несколькими обстоятельствами. Во-первых, вмешательством организованной партии (КПРФ) и ее представителей в законодательных органах власти (в частности, депутата краевого законодательного собрания С. Юрченко). Во-вторых, тем, что недовольство после нескольких безрезультатных акций достигло предела. В-третьих, широким освещением в прессе и вмешательством федеральных властей.

Тем не менее, работники, не участвовавшие в голодовке, не поверили обещаниям и решили не ждать, пока с ними когда-нибудь рассчитаются. Они тоже стали готовить голодовку. Некоторые из них пытались участвовать ещё в первой голодовке, но организаторы не дали им участвовать. В результате появились слухи о договоренности между КПРФ, собственником и местной властью о выплатах только ограниченному количеству работников. По этой причине инициативная группа, которую возглавила формовщица сталелитейного цеха Л. Попугаева, обратилась за помощью уже не к КПРФ, а к местному отделению ЛДПР. Местное отделение КПРФ заявило, что не поддерживает новую акцию, т.к. это ставит под удар достигнутые договоренности с властями и собственником предприятия.

1 июня более трёхсот рабочих заявили, что готовы начать новую голодовку, если в течение текущего месяца не будет произведен полный расчет. Инициативная группа начала сбор подписей за участие в новой голодовке. Всего подписались 1086 чел. Вторая голодовка началась 10 июня возле помещения ЛДПР. Участники голодовки рассказывали, что со всего города, и особенно из соседних домов, им шла помощь, поддержка: люди приходили, оказывали знаки внимания, приносили воду. Голодовка завершилась уже вечером 11 июня. Сотрудники милиции оцепили площадку, на которой находились участники голодовки, заявив, что якобы в

дежурную часть поступило анонимное сообщение о заложенном на данной территории взрывном устройстве. Началась эвакуация людей. Участники голодовки упоминали многочисленные факты давления на них со стороны сотрудников силовых органов и чиновников, которые запретили им разместиться в палатках. Голодовка вызвала большой резонанс и подтолкнула руководство завода к ускоренной выплате долга – так оценила её глава Рубцовского отделения ЛДПР, депутат горсовета И. Шудра. Ещё одна причина столь мощного влияния второй голодовки на власть состояла в том, что она началась в преддверии важной даты – 12 июня (День России), поэтому местная власть испугалась, что важный государственный праздник будет омрачен столь нелицеприятным зрелищем.

В итоге долги были оплачены быстро и полностью всем работникам «Алттрака». Обозреватели различных уровней, давая оценку рубцовским событиям, связанным с борьбой рабочих «Алттрака» за выплату задолженности по зарплате и дальнейшем существовании завода, сошлись во мнении, что эти события не были общегородскими и даже общезаводскими. Возникающие очаги протеста быстро ликвидировались выдачей денег какой-либо группе бастующих. Не оказалось и единой организации, способной объединить протестующих. Эту функцию не смог взять на себя профсоюзный комитет предприятия. Не нашлось на заводе и общезаводских лидеров. В этих условиях нужно отметить деятельность председателя горкома КПРФ С. Юрченко, а также депутата от ЛДПР И. Шудры. В целом, все описанные события можно назвать вкладом рубцовчан в развитие протестного движения в России в начале XXI века.

Библиографический список

1. <http://www.rg.ru/2008/07/08reg-altai/alttrak.html>
2. <http://gazeta-pravda.ru/content/view/4927/34>
3. <http://www.com-forum.ru/forum/index.php?topic=658.0>
4. <http://www.ap.altaregion.ru/107-09/3.html>
5. <http://www.nsp.su/useful/interviews/a163/>
6. <http://gazetasami.ru/education/article-494.htm>
7. <http://kprf.ru/actions/79803.html?print>
8. <http://forum.rubcovsk.ru/archive/index.php/t-3260.html>

9. <http://ria.ru/society/20100521/236853766.html>
10. <http://abos.ru/?p=42191>
11. <http://www.alttrak.com/>
12. http://ruspet.ru/society/regioni_protesti.html

Кузнецов Владимир Владимирович

ЗЕМЛЯ РУБЦОВСКАЯ

Часть III

«ОПАЛЕННЫЕ» XX ВЕКОМ

Редактор Е.Ф. Изотова

Подписано в печать 05.09.14. Формат 60x84 /16.

Усл. печ. л. 13,44. Тираж 60 экз. Заказ 14 1292. Рег. №146.

Отпечатано в РИО Рубцовского индустриального института
658207, Рубцовск, ул. Тракторная, 2/6.